

Научно-издательский центр «Социосфера»
Российско-Армянский (Славянский)
государственный университет
Дагестанский государственный университет
Пензенская государственная технологическая академия

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ГЕНДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В МИРОВОЙ НАУКЕ

Материалы II международной научно-практической конференции
5–6 мая 2011 года

Пенза – Махачкала – Ереван
2011

**УДК 001
ББК 72
Т 33**

Т 33 Теория и практика гендерных исследований в мировой науке: материалы II международной научно-практической конференции 5–6 мая 2011 года. – Пенза – Махачкала – Ереван: Научно-издательский центр «Социосфера», 2011. – 110 с.

Редакционная коллегия:

Берберян Ася Суреновна, доктор психологических наук, доцент, декан факультета психологии Российско-Армянского (Славянского) государственного университета.

Бутаева Марзижат Ахмедовна, кандидат философских наук, доцент кафедры социальных технологий Дагестанского государственного университета, председатель союза женщин г. Махачкалы.

Дорошина Илона Геннадьевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики и психологии Пензенской государственной технологической академии.

В сборнике представлены научные статьи преподавателей вузов, соискателей и аспирантов, в которых рассматриваются гендерные отношения в современном обществе, история гендерных исследований, междисциплинарный аспект изучения понятий пола и гендера, категории гендера в языке и культуре, вопросы гендерной психологии и педагогики.

ISBN 978-5-91990-021-4

**УДК 001
ББК 72**

© Научно-издательский
центр «Социосфера», 2011.
© Коллектив авторов, 2011.

СОДЕРЖАНИЕ

I. МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ПОЛА И ГЕНДЕРА. ЯЗЫК, КУЛЬТУРА И ГЕНДЕР

Тищенко Н. Д. Проблема дифференциации полов.....	6
Тукачёва Ю. С. Методологические проблемы гендерного подхода	10
Барашян В. К. Социальное и лингвистическое программирование категорий «мужественность» и «женственность»	17
Назина О. В. Основные направления гендерных лингвистических исследований	20
Мусаева Ф. Т. Суффиксы феминизации в тюркских языках	23
Мерьмова Ю. В. Гендер сказочных персонажей в англоязычной литературе.....	27
Крупка М. А. Семейные отношения в гендерном измерении (на примере рассказа Людмилы Петрушевской "Случай Богородицы").....	30
Сердобинцева Е. А. Быт и бытие в женской прозе Виктории Токаревой в аспекте гендерных исследований	33
Степанов А. А. Проблема глобального проявления интернет-аддикции	36

II. ГЕНДЕРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Уваров А. Б. Развитие личности как фактор изменения гендерной системы общества.....	41
Чикалова Е. А. Трансформации семейных отношений в современном российском обществе: гендерный подход.....	42
Doroshina I. G. Sex-role differentiation in a family	45

Гайдукова Е. А.	
Социально-психологические притязания работающих женщин в брачно-семейных отношениях	48
Калимуллина Э. Ф.	
Репродуктивное поведение российских женщин: социологический анализ региональной специфики	55
Окулова Л. П.	
Гендерное разделение труда как фактор освоения эргономики рабочего места	58
Карпенко А. Л.	
Гомосексуальность в профессиональной сфере деятельности	60
Морозова О. С.	
Анализ качественного состава региональных парламентов ЦФО	63
Бекижева Д. И.	
Роль и место женских общественных объединений в общественно-политической жизни России в современных условиях	67
Логунова Е. Г.	
Гендерные аспекты милосердия	71

III. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ГЕНДЕРНОЙ ПСИХОЛОГИИ И ПЕДАГОГИКИ

Довгая Н. А.	
Половые различия в эмоциональном развитии дошкольников и их источники	74
Хоч Н. С., Севостьянова М. С.	
Личностная гендерная идентичность как системное свойство индивидуальности женщин и мужчин	76
Деркачёва Л. В.	
Специфика гендерной идентичности мужчин	81
Самойлик Н. А.	
Факторы дестабилизации гендерной идентичности	88
Григорян М. Ю.	
К вопросу о гендерном аспекте социализации	92
Шевцова А. А.	
«Как тебе не стыдно, ты же девочка!»: гендерные стереотипы в межнациональных браках мигрантов из Закавказья в Мордовии	95

Казданян С. Ш.

К вопросу о гендерных взаимоотношениях студентов Армении
и формировании их гуманистической позиции 101

Луценко Е. А., Полякова О. М.

Гендерная парадигма в педагогике Украины и России:
проблемы формирования104

План международных конференций, проводимых
вузами России, Азербайджана, Армении, Белоруссии,
Казахстана, Ирана и Чехии на базе НИЦ «Социосфера»
в 2011 году 107

I. МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ПОЛА И ГЕНДЕРА. ЯЗЫК, КУЛЬТУРА И ГЕНДЕР

ПРОБЛЕМА ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ПОЛОВ

Н. Д. Тищенко

**Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н. Г. Чернышевского,
г. Чита, Россия**

Summary. The problem of sexual differentiation has always been in the centre of scientists' attention. Men and women have much in common, but at the same time they are characterised by different natural and social features. In the article the author tries to reveal the advantages of sexual reproduction and selection, some peculiarities of human nature.

Key words: sex, reproduction, selection, sexual evolution theory.

Пожалуй, ни один природный феномен не вызывал такого интереса для науки, как пол. Вопрос о том, для чего эволюции нужны два пола и в чём преимущество полового размножения, всегда находился в центре внимания учёных. Согласно научным данным, по количественной эффективности явное преимущество принадлежит гермафродитам, где при скрещивании нет ограничений по полу партнера. Тогда почему же все прогрессивные в эволюционном плане живые формы – насекомые, птицы, млекопитающие и, наконец, человек – раздельнополы?

Общеизвестно, что у мужчины две разных (негомологичных) хромосомы – X и Y. У женщины – две X (они друг другу гомологичны). При мутациях в женском геноме происходит замещение мутированного гена геном из второй (гомологичной) хромосомы, и мутации не проявляются. Поэтому природа произвела мужскую особь, у которой мутации в Y-хромосоме нечем замещать (нет аналогичных генов из второй хромосомы). Это позволяет появиться и закрепиться в сообществе (популяции) полезным мутациям.

Проблемой пола занимались такие крупнейшие исследователи, как Ч. Дарвин, А. Уоллес, А. Вейсман, Р. Гольдшмидт, Г. Меллер и др. Первым исследователем, высказавшим предположение о том, что половое размножение позволяет ускорить распространение полезных мутаций среди особей популяции, был А. Вейсман. Механизмы полового отбора были детально проанализированы и смоделированы основоположником популяционной генетики Р. Фишером, согласно которому половой отбор направлен, с одной стороны, на усиление вторичных мужских признаков – морфологических

(внешность) и поведенческих, зависящих от общих когнитивных способностей, от степени интеллекта и, с другой стороны, на повышение степени их предпочтительности самками.

Можно предположить, что на заре становления человечества наиболее привлекательными для женских особей являлись определённые физические характеристики (сила, выносливость) и скорость реакции мужских индивидов. Однако с течением времени половой отбор стал ориентироваться на увеличение степени интеллектуальности супругов, что вело к повышению уровня интеллекта у потомства, способствуя его выживаемости и более успешной адаптации к окружающему миру [1].

В отечественной науке большая заслуга в изучении данного вопроса принадлежит В. А. Геодакяну. Его эволюционная теория пола представляет особую ценность, так как позволяет изучать такие признаки эволюции человека, как темперамент, интеллект, функциональную асимметрию мозга, вербальные, пространственно-зрительные особенности, творческие способности и другие психологические свойства человека, позволяющие ему успешно адаптироваться к условиям окружающей действительности.

У мужчин и женщин есть ряд общих физических черт, они похожи друг на друга и по некоторым психологическим параметрам. Это объясняется тем, что представители противоположных полов ведут своё начало от общих предков и принадлежат к одному и тому же биологическому виду *Homo sapiens*. Из 46 хромосом человеческого генома 45 у обоих полов одинаковы. Однако в повседневной жизни и в науке гораздо больший интерес представляют черты их различия.

Мужской и женский организмы имеют ярко выраженные биологические различия. У среднестатистической женщины по сравнению со среднестатистическим мужчиной на 70 % больше жира, на 40 % меньше мышц, она примерно на 12, 5 см. ниже ростом, у неё несколько лучше развито обоняние. Мужчины вступают в пубертатный период на 2 года позднее, среди них в 20 раз больше дальтоники, а продолжительность их жизни в среднем меньше на 5 лет. В сексуальных отношениях мужчины более инициативны и настойчивы и менее разборчивы в выборе партнёра, чем женщины. Женщины в 2 раза чаще страдают от тревожности и депрессии. Среди мужчин в 3 раза больше самоубийц, в 5 раз больше алкоголиков и наркоманов. Мальчики чаще демонстрируют синдром гиперактивности и нарушения речи, а во взрослом состоянии – антисоциальное поведение. Мужчин преимущественно привлекают профессии, которые усиливают неравенство (прокурор, работник силовых структур), женщины предпочитают занятия, уменьшающие его (благотворительность, общественный защитник). Мужчины склонны к независимости от окружающих, женщины стремятся к взаимодействию с

ними. Мужчины более агрессивны, женщины более заботливы, склонны к эмпатии [6, с. 214, 216, 223].

В русле рассмотрения половых различий одной из наиболее важных дискуссионных проблем является проблема половых различий в организации мозга. Функциональную асимметрию мозга считают привилегией человека, связывая её с речью, праворуко-стью, самосознанием, полагают, что она вторична, как следствие уникальных особенностей человека. Большинство исследователей признают разницу её выраженности у мужчин и женщин. С позиции теории пола, более асимметричный мозг у мужчин [4, с. 355 – 376].

С. Спрингер и Г. Дейч в своей монографии «Левый мозг, правый мозг» пишут, что у мужчин более уязвимо доминантное полушарие мозга и чаще встречаются психические нарушения, связанные с поражением этого полушария. Мужчинам более свойствен аутизм. У женщин чаще возникают поражения недоминантного полушария и соответствующие изменения психики, особенно аффективные нарушения [7, с. 400 – 403].

При изучении когнитивной сферы мужчин и женщин прежде всего возникают вопросы о том, существуют ли гендерные различия в процессе познания, если да, то в каких областях они выражены наиболее ярко.

Согласно научным данным, достаточно отчётливо половые особенности выражены у детей. По-видимому, в онтогенезе у девочек быстрее развивается левое полушарие и аналитический стиль мышления, у мальчиков – правое полушарие и образное мышление [5, с. 771 – 775]. Уже в детстве мальчики лучше девочек ориентируются в пространстве. В возрасте 7 – 8 лет они успешнее решают наглядные, а девочки – словесные задания. Психологам хорошо известно, что в понимании геометрических задач, чтении географических карт мужчины намного превосходят женщин. Есть данные о том, что женщины превосходят мужчин в тех областях, в которых прежде всего требуется знание языка [2, с. 315, 317].

Особенности и отличия эмоциональной сферы мужчин и женщин нельзя объяснить, оперируя только биологическими и физиологическими факторами. Представители обоих полов могут испытывать одни и те же эмоции, однако проявление эмоциональных реакций у мужчин и женщин неодинаково. По-видимому, различие следует искать по линии различия между ожидаемыми гендерными ролями и общепринятыми эмоциональными нормами, которые начинают прививаться человеку уже в раннем возрасте в процессе социализации.

Согласно концепции В. А. Геодакяна, новаторство в любом деле – миссия мужского пола. Мужчины всегда первыми осваивали все профессии и виды спорта. У мужчин преобладают способности к абстрактному мышлению, творческому и пространственному вооб-

ражению. Благодаря этому выдающиеся учёные, философы, композиторы, художники, писатели, режиссёры – в основном мужчины. Женщинам, как правило, принадлежит роль исполнителей. Миссия духовных вестников также прерогатива мужчин, однако женщины хранят и спасают религию на Земле.

Роль авангарда принадлежит мужчинам и в подверженности некоторым болезням века, таким как атеросклероз, рак, шизофрения, СПИД. Среди жертв многочисленных социальных пороков (алкоголизм, курение, наркомания, азартные игры, преступность и т. д.) также наблюдается больше мужчин, чем женщин [3].

Хотелось бы отметить, что несмотря на многочисленные гендерные различия в отношениях между мужчиной и женщиной нет второстепенных ролей. Мужчина – первооткрыватель, его внимание постоянно привлечено к ещё не завоёванным областям. Мужчина – борец, он стремится к изменениям. Однако что бы ни добывал мужчина во внешнем мире, сохраняет всё достойное именно женщина. Именно ей любая культура обязана своей стабильностью.

По своей природе женщине и мужчине не свойственно полностью походить друг на друга. В этом нет никакой необходимости. Нужно осознать, что каждый важен на своём месте. Сохранение и развитие диалектических взаимоотношений этих двух противоположностей, являющихся половинками единого целого, есть гарант сохранения и процветания жизни на Земле.

Библиографический список

1. Вельков В. В. Эволюционная теория пола. URL: <http://www.x-gender.net/textbooks/intelsex.htm>
2. Введение в гендерные исследования. – Ч. I: учебное пособие / под ред. И. А. Жеребкиной. – Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001. – 708 с.
3. Геодакян В. А. Эволюционная теория пола. URL: Evolution.powernet.ru/library/pol.htm
4. Геодакян В. А. Системные исследования: методологические проблемы. Ежегодник. – М., 1987. – С. 355–376.
5. Коновалов В. Ф., Бурковецкая Ж. Н. О функциональной асимметрии головного мозга детей 6–7 лет // Физиология человека. – 1979. – Т. 5. – С. 771–775.
6. Майерс Д. Социальная психология. – 7-е изд. – СПб.: Питер, 2010. – 794 с.: ил. (Серия «Мастера психологии»).
7. Flor-Henry P. «Schizophrenic-like reactions and affective psychoses associated with temporal lobe epilepsy: etiological factors» // American Journal of Psychiatry. – 1969. – 26: 400–403.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ГЕНДЕРНОГО ПОДХОДА

Ю. С. Тукачёва

Сургутский государственный университет, г. Сургут, Россия

Summary. The article is devoted to the methodological problems and de-structions of gender approach. Special attention is drawn to the methodological adap-tation of gender within the bounds of definite discipline.

Key words: gender, gender approach, methodological problems.

Сегодня категория гендера, впервые введённая в 1968 г. Р. Столлером, имеет принципиальные отличия от понятия пола как совокупности морфологических и физиологических особенностей организма, обеспечивающих половое размножение. Гендер выступает в качестве следующих значений:

а) гендер – *социальный статус*, который определяет индивидуальность в образовании, профессиональной деятельности, доступе к власти, сексуальности, семейной роли и репродуктивного поведения (Goffman, 1976). Данное определение построено через отнесение гендера к другим социостатусам (профессии, общественному, гражданскому статусу);

б) гендер – *совокупность поведенческих характеристик и ролей*, определяющих личный, социальный и правовой статус мужчины или женщины в определённом обществе (Money, 1965);

в) гендер – *организованная модель социальных отношений* между женщинами и мужчинами, не только характеризующая их межличностное общение или взаимодействие в семье, но и определяющая их социальные отношения в основных институтах общества, например, в социальных классах, в иерархиях крупных организаций и при формировании структуры занятости [1, с. 7–14].

Будучи явлением инновационным для современного научного познания, гендер находится на стадии активной методологической адаптации в рамках отдельных дисциплин. В качестве основной среди прочих эту проблему гендерного подхода выделила Т. А. Гурко в статье «Социология пола и гендерных отношений» [2]. Рассмотрим методологические проблемы гендера.

1. Междисциплинарность. Т. В. Барчунова в статье «Эгоистический гендер» рассматривает гендерные исследования как научную дисциплину со своей предметной областью и следующим определением: «Гендерные исследования – исследования формирования, воспроизводства и репрезентации половых ролей» [3, с. 181]. Предметом гендерных исследований в целом становятся социальные, политические, экономические, сексуальные и другие проблемы мужчин и женщин. Они рассматриваются как междисципли-

линные. И. С. Клецина отмечает: «...в настоящее время в области гендерных исследований определилась тенденция автономизации гендерной проблематики в рамках отдельных наук. Гендерные исследования стали развиваться как специализированные научные отрасли, такие как гендерная история, гендерная социология, гендерная психология и др.» [4, с. 44].

Наибольший вклад в теорию и методологию гендера внесли философия и социология. Первоначально философское знание рассматривало сущность гендера на основе двух основных подходов:

- дуалистическом, ведущим к господству мужского начала и признанию только за мужчиной права быть собственно человеком;
- андрогинном, который базируется на идеях андрогинной природы человека (Платон) и признаёт за человеком сочетание мужского и женского начал, их взаимодополнительности. Переломный этап гендерной теории связан со становлением феминизма, рассматривающего философские проблемы женской субъективности и телесности.

В социологии были разработаны:

- теория структурного функционализма или теория половых ролей (Т. Парсонс и Р. Беилс);
- теория конфликта (Р. Коллинз);
- теория гендера как стратификационной категории (Э. Гидденс);
- теория социального конструирования гендера (концепция П. Бергера и Т. Лукмана, теория драматургического интеракционизма И. Гофмана и этнометодология Г. Гарфинкеля);
- гендер как культурная метафора;
- теория гендерной системы (Г. Рубин «Торговля женщинами», Р. Коннелл «Гендер и власть»).

2. «Женские» и «мужские» исследования. Реакция общества на движение феминизма включила в себя появление исследований мужской субъективности. За рубежом созданы научные организации по изучению мужчин и маскулинности. Американская Ассоциация по изучению мужчин (The American Men's Studies Association — AMSA) объединяет мужчин и женщин, занятых преподаванием, исследованиями и клинической практикой в сфере мужских исследований и работы с мужчинами. Появился термин по аналогии с женскими исследованиями – мужские исследования. Мужские исследования – предметная область знания, охватывающая всё то, что касается мужчин, включая биологию мужского тела, мужское здоровье и т. п.

В психологии мужчин исследованы последствия полоролевой социализации, которые приводят к психологическим стрессам, конфликтам и препятствуют целостной самореализации (Дж. М. О'Нейл, К. Соломон, К. Гиллиган, М. У. Стэйнкамп). Проблема феминизации мужчин, как и проблема предписываемых

мужчинам стереотипов «мужского» поведения только становятся предметом гендерных изысканий (М. Бэррон, Р. Норрис, Дж. Коуран и др.) [1, с. 54–55].

Известный исследователь маскулинности Алан Грейг и его соавторы по монографии отмечают, что «осознание мужчинами своей гендерной идентичности и того, как она влияет на их жизнь, может стать первым шагом к достижению гендерного равенства». Поэтому необходимо «вывести гендерные проблемы из рамок чисто «женских дел» и признать за ними статус проблем развития человеческого потенциала и прав человека, касающихся как мужчин, так и женщин» [5, с. 25].

3. «Методологическая адаптация» гендерного подхода. Проблема «методологической адаптации» гендера в различных науках и дисциплинах связана, прежде всего, с проблемой методологии собственно гендерного подхода. Важнейшим этапом в становлении «гендерной методологии» традиционно считается статья американского историка Джоан Скотт «Гендер – полезная категория исторического анализа» (1986 г.). Она предложила схему анализа исторического материала сквозь призму гендерного подхода. Исследовательница наметила четыре основных смысловых «комплекса» гендерной историографии: 1) культурно-символический, 2) нормативно-интерпретационный, 3) социально-институциональный, 4) индивидуально-психологический. Все эти четыре подсистемы, по мнению Дж. Скотт, намечают панораму возможностей гендерных исследований [6].

В настоящее время называют три основные теории, которые формируют «матрицу гендерной методологии»: теорию социального конструирования гендера, гендер как стратификационную категорию, гендер как культурную метафору. Воронина О. А. отмечает, что теория социального конструирования гендера и понимание его как стратификационной категории, взаимосвязанной с категориями расы, класса и возраста, больше используются в социальных науках – социологии, психологии, экономике и демографии. Гендер как культурная метафора, теория деконструкции пола – в основном в гуманитарных науках: философии, истории, литературоведении, культурологии [7].

Н. К. Радина Н. К. выделяет *тенденции к искажению методологических основ гендерных исследований*. Методологические и организационно-методические искажения: 1) подмена гендерной методологии методологией биологического детерминизма; 2) патриархатное мироустройство академических сетей; 3) отождествление гендерного подхода в исследованиях с феминизмом как движением [8]. Рассмотрим каждый пункт.

1. Подмена гендерной методологии методологией биологического детерминизма. Становление теории гендера является резуль-

татом взаимодействия двух основных теорий: биологического эссенциализма и социального конструирования гендера. М. Киммел М. так разъясняет суть этого взаимодействия: «Биологические различия обеспечивают сырьё, из которого мы начинаем создавать наши идентичности в рамках культуры и общества».

Социологическое понимание пола как гендера исторически началось с критики теории половых ролей, основанной на биодетерминизме или биологическом эссенциализме. Социологи указали несколько проблемных мест: а) использование идеи роли уменьшает важность гендера, придаёт театральность (Хелена Лопата, Барри Торн); б) создание унифицированных нормативных определений мужественности, женственности; в) множественность, относительность и ситуативность гендера. Теория половых ролей не может объяснить различия женщин и мужчин или их разные определения мужественности и женственности в различных ситуациях без объяснения этих различий отклонениями от норм. Самая существенная проблема этой теории в том, что она деполитизирует гендер, не считая его аспектом социальной структуры, а превращая его в набор индивидуальных характеристик. В конце концов, теория половых ролей не способна понять динамику социальных изменений, касающихся мужчин и женщин [9, с. 73–154].

Статья Е. С. Баразговой «Культура гендерного партнёрства» освещает обоснования понятий «пол – гендер» таких учёных, как А. Оукли, Э. Гидденс, А. В. Кириллина, Н. Л. Пушкарёва. Автор делает вывод, что «открытие» гендера стало методологическим ключом к пониманию сути социокультурной детерминации человека и гендерных отношений» [10].

2. Патриархатное мироустройство академических сетей. Период становления отечественных гендерных исследований, по мнению З. Хоткиной, можно разделить на четыре этапа. Первый – просветительский, организационный этап внедрения новой научной парадигмы (с конца 80-х – до 1992 года): в это время возникают первые феминистские группы, независимые женские организации, появляются первые публикации в журналах. В этот же период начинается деятельность зарубежных и российских научных фондов, направленных на поддержку гендерных исследований и оказание финансовой помощи исследователям. В рамках РАН, в Институте социально-экономических проблем народонаселения создаётся гендерная лаборатория (1990 г.), позднее – Московский Центр гендерных исследований (МЦГИ). Второй этап – институционализация исследований (1993 – 1995), то есть рост числа гендерных центров и начало официальной регистрации научных коллективов и организаций. За это время были официально зарегистрированы Московский и Петербургский центры гендерных исследований и начали работу Ивановский, Карельский и другие центры. На этом этапе на-

чалось создание вузовских программ по феминологии. Третий этап – консолидация учёных и преподавателей российских гендерных исследований (1996 – 1998). В этот период начали организовываться конференции по гендерным исследованиям и возросло число публикаций на эту тему. Четвёртый этап – активизация работы, направленной на легитимацию и распространение гендерного образования (1999 – по настоящее время). В этот период в ряде ведущих вузов страны начинают читаться учебные курсы по гендерным исследованиям: МГУ, РГГУ, Европейский университет в Санкт-Петербурге, Российский государственный педагогический университет им. Герцена, Высшая школа экономики в Москве, Ивановский, Тверской, Новосибирский госуниверситеты, Уральский государственный технический университет и др. В настоящее время программы по гендерному образованию есть во многих вузах. По этой теме регулярно проводятся конференции, создаётся информационная сеть, объединяющая на сегодняшний день целый ряд сайтов, в том числе сайты научных центров и сайты, посвящённые «женской» и гендерной истории.

Помимо создаваемых таким образом условий для теоретического диалога, Т. Дашкова отмечает также трансляцию форм западноевропейской и американской образовательной практики с ее программами курсов по выбору, методологической свободой и преподавательской толерантностью по отношению к студентам разных рас, национальностей, сексуальных ориентаций, а также особый микроклимат внутри научных сообществ (преимущественно «женских») и опыт неформального общения единомышленников [6]. Таким образом, система образования перестаёт быть в стороне от тенденций общественного развития, становится восприимчивой, а не закрытой академической сетью с патриархатными устоями.

3. *Отождествление гендерного подхода в исследованиях с феминизмом как движением.* В настоящее время существует путаница в понятиях женских, гендерных и феминистских исследований. Проблематика обозначения исследований как женских, гендерных или феминистских связана с определёнными возможностями для репрезентации этих позиций. На Западе термин «женские исследования» используется в качестве основного стратегического понятия для новых исследовательских политик. Феминистскими же называются лишь те исследовательские институты и центры, которые не связаны с учебными заведениями. Что касается обозначения «гендерные исследования», в некоторых случаях их использование оправдывается их относительной смысловой нейтральностью. Фактически дискуссия между теоретиками гендера и теоретиками феминизма – это спор вокруг дилеммы равенства/различия. Теория сексуального различия, лежащая в основе феминизма, настаивает на асимметрии мужского и женского. Гендер же утверждает равен-

ство мужчин и женщин, рассматривая женственность и мужественность не как нечто обусловленное анатомией, биологией, психикой, не как нечто врождённое, а как общественный конструкт [11].

Т. Дашкова даёт обоснование женским, феминистским и гендерным исследованиям следующим образом. Общеизвестно, что «женские исследования» утвердились «на гребне» второй волны женского движения (конец 60-х годов), в основании которого была идеология феминизма. Очень кратко она может быть обозначена как противостояние двух тенденций: с одной стороны, требования равноправия женщин, с другой – требования признания особенности женской сферы. На этих же постулатах основывается и «феминистская критика», составившая теоретический фундамент «женских исследований». Результатом феминистской критики гуманитарного знания стало возникновение и институционализация сначала в США (конец 1960-х гг.), а потом в Западной Европе (1980-е гг.) «женских исследований» («women's studies»). Одной из составляющих «женских исследований» стала «женская история» («история женщин»). Под вопрос были поставлены как природная общность женского опыта, так и наиболее популярные объяснения его специфики, которые, несмотря на все различия между ними, имели один общий недостаток – фиксировали и субстанциализировали бинарную оппозицию «мужского» и «женского».

Результатом поисков выхода из этой ситуации стало формирование гендерных исследований или «истории полов». «Гендером» стали именовать «социокультурный пол», в отличие от пола биологического. Гендер, в качестве базового понятия, формирует новый образ феминистского исследования, переопределяя основополагающие для феминизма стратегии равенства и различия.

Анализ библиографии по «женским» и гендерным исследованиям, проведённый Т. Дашковой, показал, что среди изданий подавляющее большинство составляют научные сборники, тогда как монографий – единицы. Это ещё раз свидетельствует о том, что эти направления пребывают в процессе становления, а проблематика и методология только «нащупываются» [6].

Недостаточная разработанность рассмотренных методологических проблем гендерного подхода связана с тем, что гендер как инновационный научный и философский дискурс получил статус официальной учебной и научной дисциплины в США лишь в 1980-х годах. В России только с 1990-х гг. на базе гендерных исследований начала формироваться новая наука – гендерология, ставшая преемницей феминологии и феминизма. В отличие от феминологии, занимающейся исключительно проблемами женщин, гендерология (от англ. gender – род и греч. logos – учение) охватывает проблемы обоих полов, индивидов с различной гендерной и сексуальной идентичностью. Целью гендерологии, как и феминологии, является не замена

патриархатного общества матриархатным, а ликвидация антагонизма полов и обеспечение гармонии мужской и женской половины человечества – в гармонии социального развития [1, с. 7–14].

Библиографический список

1. Гендерология и феминология: учебно-методическое пособие для студентов по специальности 040101 «Социальная работа в системе здравоохранения» / сост. к.п.н. В. И. Чумаков. – Волгоград: Изд-во ВолГМУ, 2010.
2. Гурко Т. А. Социология пола и гендерных отношений // Социология в России / под ред. В. А. Ядова. – 2-е изд., перераб. и допол. – М.: Институт социологии РАН, 1998. – С. 173–195.
3. Барчунова Т. В. «Эгоистический гендер», или Воспроизводство гендерной асимметрии в гендерных исследованиях // Общественные науки и современность. – 2002. – № 5. – С. 180–192.
4. Клецина И. С. Интеграция гендерной проблематики в систему психологического знания // Пол и гендер в науках о человеке и обществе / под ред. В. Успенской. – Тверь: Феминист-Пресс, 2005. – 384 с. – С. 44–61.
5. Грейг А., Киммель М., Ланг Д. Мужчины, типы маскулинности и развитие личности: расширяя возможности гендерного равенства: монография, 2006 г.
6. Дашкова Т. Исторические исследования в России-II. Семь лет спустя / под ред. Г. А. Бордюгова. – М.: АИРО-XX, 2003. – С. 203–245.
7. Воронина О. А. Социокультурные детерминанты развития гендерной теории в России и на Западе // Общественные науки и современность. – 2000. – № 4. – С. 9–20.
8. Радина Н. К. Гендерная методология в социальной психологии // Гендер как инструмент познания и преобразования общества. Материалы Международной конференции «Гендерные исследования: люди и темы, которые объединяют сообщество». Москва 4–5 апреля 2005 г. / редакторы-составители Е. А. Баллаева, О. А. Воронина, Л. Г. Лунякова. – М.: РОО МЦГИ при участии ООО «Солтэкс», 2006. – 304 с. – С. 125–134.
9. Киммел М. Гендерное общество / пер. с англ. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. – 464 с. – (Гендерная коллекция – зарубежная классика).
10. Баразгова Е. С. Культура гендерного партнерства // Известия Уральского государственного университета. – 2008. – № 55. – С. 242–252.
11. Сеитова М. Социально-культурные значения пола: проблемы теоретизации // Сборник статей по гендерным исследованиям «Пол женщины». – Алматы. – 2000. – С. 33–41.

СОЦИАЛЬНОЕ И ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ПРОГРАММИРОВАНИЕ КАТЕГОРИЙ «МУЖЕСТВЕННОСТЬ» И «ЖЕНСТВЕННОСТЬ»

В. К. Барашнян

**Ростовский государственный университет путей
сообщения, г. Ростов-на-Дону, Россия**

Summary. The object of the research is gender study. The article reveals some problems of gender construction in linguistic and social spheres. The purpose of the research is to analyse and compare different approaches determining masculine and feminine categories in these fields.

Key words: gender, theories of gender construction, social construction of gender, linguistic construction of gender, gender categories, masculine, feminine, gender linguistics, gender stereotypes.

Интерес к полу всегда имел место в искусстве, науке, общественной жизни. В последние десятилетия тема гендера успешно проецируется на различные гуманитарные сферы (лингвистику, политику, искусство и т. д.).

Большинство исследователей гендер определяют как социальный пол или социальный статус, имеющий соответствующую гендерную культуру. Среди существующих теорий наиболее масштабной и убедительной представляется теория социального конструирования гендера, сторонники которой полагают, что гендер и пол являются «социально достигаемыми статусами» [1, с. 188], «продуктом различных общественных институций: системы образования, медицины, семьи, масс-медиа, искусства, кино, научной теории и т. д.» [2, с. 100].

Как известно, основные положения социального конструктивизма сформулированы основополагающими работами П. Бергера и Т. Лукмана. Ключевая идея трактата «Социальное конструирование реальности» – как человек создаёт социальную реальность и как эта реальность создаёт человека. Выделяя легитимацию среди основных уровней социального конструирования гендерных категорий, П. Бергер и Т. Лукман подчёркивали, что этот процесс строится на языке и использует язык в качестве своего главного инструмента. Мир знаков и символов присущ каждому обществу и понимание языка важно для понимания реальности повседневной жизни. Язык, объединяя различные сферы повседневной жизни, интегрирует их в единое смысловое целое. Язык, по определению В. А. Масловой, является «продуктом культуры», «фактором формирования культурных кодов».

В современном научном мире возникло новое направление – лингвистическая гендерология, исследующая лингвистическое конструирование гендерных категорий (мужественности и женственно-

сти) в языковой системе на основе специфики пола (гендера) как социального конструкта. Основными аспектами анализа является репрезентация категорий маскулинности и феминности в этой системе, гендерные стереотипы, гендерная асимметрия, речевое гендерное поведение и т. п. Интерес к гендерным исследованиям в лингвистике усилился в период формирования постмодернистской философии. Практически все доминирующие направления постмодернизма (постструктурализм, деконструктивизм, постмарксизм и др.) определяли языковую систему как социально сконструированное явление, сквозь призму которого мы воспринимаем и интерпретируем реальность повседневной жизни.

Для выражения принадлежности к мужскому или женскому полу используются такие термины, как «маскулинный» (мужской) и «феминный» (женский). Такая классификация, классификация по типу мужское – женское, доказывает существование гендерной иерархии в обществе.

Существует несколько концепций маскулинности. Например, эссенциалистский подход считает маскулинность природной категорией, где физические качества, моральные и поведенческие нормы даны мужчине от рождения. Социально-конструктивистский подход рассматривает маскулинность в свете гендерных отношений. Согласно данному подходу, маскулинность конструируется как отдельным индивидом мужского пола, так и обществом в целом. По мнению американского исследователя М. Киммела, маскулинность – неотъемлемая черта мужчин, находящихся у власти.

Качество феминности связано с женским полом. Феминность также считалась биологически обусловленной с одной стороны, и социально конструированной – с другой. Традиционно с феминностью ассоциировались такие качества, как пассивность, мягкость, заботливость, эмоциональность и т. п., в то время как маскулинность подразумевала активность, мужественность, силу. Подобная дефиниция объясняется тем, что женщине отводилась частная, вторичная сфера общества, в то время как мужчины занимают публичную, доминирующую сферу. Существует также мнение, что феминность – противоположное маскулинности качество. Однако некоторые маскулинные черты (например, смелость, стойкость и др.) могут быть присущи и женщинам, и, наоборот, традиционно считающиеся феминными качества (мягкость, отзывчивость, заботливость) могут быть присущи мужчинам. Поэтому учёные в последнее время склонны утверждать, что невозможно встретить индивида, обладающего только лишь маскулинными или феминными качествами. Американские этнографы М. Аронофф и С. Крейно в своей работе «Пересмотр кросс-культурных принципов разделения задач и дифференциации половых ролей в семье», опираясь на исследования Дж. Мэрдока, прове-

дённые в разных регионах мира, доказали отсутствие чёткой дифференциации между мужскими и женскими ролями.

Следует отметить, что традиционная западная наука характеризуется маскулинными чертами и андроцентризмом, что является свидетельством господства маскулинного. Во-первых, наука характеризуется через такие категории, как объективность, рациональность и т. д., которые традиционно относят к маскулинным, отвергая, тем самым такие атрибуты, как интуиция, чувственное познание и т. п., то есть феминный способ познания мира. Мужчина всегда выступал объектом для изучения таких дисциплин как «биология, медицина, психология, представляя человека вообще» [3, с. 3]. В языковой системе данное положение выражается через понятие «человек», которое у большинства народов соотносится только с мужчиной (например, в англ. языке *a man* – мужчина, человек). Многие сентенции являются маскулинно маркированными. Например, в русском языке слова мужского рода врач, учитель, преподаватель, продавец и т. п. употребляются также и по отношению к женщинам. Большая часть работ по формированию образов мужчины и женщины в языковом сознании построена на основе ассоциативных полей, которые представляют собой гендерно маркированную лексику, соотносимую с тем или иным полом. Поэтому категории феминности и маскулинности в языковом сознании также являются стереотипными. Каждый пол описывается при помощи определенных языковых структур, например, «все бабы дуры» или «муж – глава семьи».

Зафиксированные в социальной сфере стереотипы проявляются и в речевом поведении. В акте речевой коммуникации женщина, как правило, занимает подчиненную позицию, эмоциональна, ориентирована на диалог, в то время как мужчина более динамичен, активен, независим. Вследствии этого, женская речь насыщена метафорами, эпитетами, сравнениями, экспрессивными прилагательными. Активность мужчин в речевых актах выражается в употреблении терминов, глаголов в активном залоге.

Кроме того, существуют периферийные способы легитимации, которые не связаны со словесными и идеологическими практиками и пронизывают социальные взаимодействия всех уровней. Подобное всевидение невидимой гендерной системы связано со строением дискурса, с особенностями грамматики, лексики и пр. Феминисты, опираясь на господство патриархата в обществе, полагают, что все тексты и дискурсивные практики носят патриархальный характер, то есть содержат в себе мужские ценности. По мнению Ж. Дерриды, именно «европейский белый мужчина» формирует систему ценностей и восприятия мира. И Симона де Бовуар («Второй пол»), и М. Фуко («Воля к знанию») подчёркивали, что с древних времен преобладает мораль мужчин, «мораль, продуманная, написанная и

преподаваемая мужчинами и к мужчинам обращенная» [4, с. 294]. Жан Лакан, представитель структурного и лингвистического психоанализа заявил, что категории женщин нет, так как культура воспроизводится на мужском языке и «любое вступление в культуру означает ... маскулинизацию женщин» [5].

Феминистская лингвистика, используя гипотезу лингвистической относительности, указывала на существование «антиженской» асимметрии в языке. Таким образом, неравноправный статус полов, который в той или иной степени присутствует практически в каждой культуре, приводит к доминирующему и господствующему положению одного пола над другим и в языковой системе, а язык, будучи продуктом общества, способствует возникновению и укреплению стереотипов в социальном контексте. И в подчиненном положении, как правило, оказываются женщины. Различие маскулинного и феминного конструируется как принципиальное изначальное неравенство человеческих ресурсов и возможностей.

Библиографический список

1. Здравомыслова Е. А., Тёмкина А. А. Хрестоматия феминистских текстов. Переводы. – СПб.: Дмитрий Булавин, 2000.
2. Словарь философских терминов. – М., ИНФРА, 2007.
3. Воронина О. А. Социокультурные детерминанты развития гендерной теории в России и на Западе // Общественные науки и современность. – 2000 г. – № 4.
4. Фуко М. Воля к истине по сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. – М., 1996.
5. Брандт Г. А. Природа женщины как проблема (концепции феминизма) // Общественные науки и современность. – 1998. - № 2. – С. 167–190.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ГЕНДЕРНЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

О. В. Назина

**Оренбургский государственный университет,
г. Оренбург, Россия**

Summary. In the given article representation of gender in the field of language is considered and basic directions of gender linguistics are described. Social studies and psycholinguistic researches deal with femininity and masculinity images reflection in our language consciousness. The linguo-cultural direction of gender linguistics is based on studying of gender as a cultural symbol. In the communicative direction of linguistics gender specifics in communicative interaction of individuals in various discourse kinds and features of men's and women's speech behavior are being studied.

Key words: gender, gender linguistics directions, femininity and masculinity images, cultural symbol, gender metaphor, discourse.

В современной научной парадигме гендерным исследованиям уделяется большое внимание благодаря общенаучной тенденции к антропоцентризму.

Гендер рассматривается в качестве «междисциплинарной интриги, в основе которой сплетается множество наук о человеке, о его не только биологической, но и социально и культурно обусловленной специфике; интриги как совокупности обстоятельств, событий и действий, в центре которых находится человек, личность» [6, с. 10]. Гендер не является лингвистической категорией, но он манифестируется в языке, и его сущность может раскрыться путем изучения языка [4, с. 84]. Репрезентация гендера в языке является предметом исследования гендерной лингвистики – науки, изучающей различия в языке мужчин и женщин, языковые механизмы конструирования гендера и внеязыковые факторы, воздействующие на этот процесс [5].

Среди основных направлений гендерной лингвистики можно выделить социо- и психолингвистическое, лингвокультурологическое и коммуникативно-дискурсивное, каждое из которых посвящено исследованию отдельных аспектов взаимосвязи языка и гендера.

В рамках социо- и психолингвистического направления ведутся интенсивные исследования гендерной языковой личности и отражения образов мужественности и женственности в языковом сознании, основанные на гипотезе функциональной асимметрии мозга, обосновывающей различия в специализации функций полушарий мужского и женского мозга [2, с. 45].

Одним из важных постулатов, с учётом которых в социолингвистических исследованиях интерпретируется сущность понятия «гендер», является восприятие его как динамического конструкта, зависящего от культурно-политических событий в обществе, влекущих за собой смену идеологии и переоценку ценностей [4, с. 86].

Лингвокультурологическое направление гендерной лингвистики основано на понимании гендера как культурного символа. В рамках лингвокультурологического направления ведутся исследования особенностей отражения языком культурных концептов «мужественность» и «женственность» и гендерной метафоры, под которой понимается перенесение всей совокупности свойств, приписываемых культурой мужественности или женственности, на предметы и явления, с полом не связанные. Так, к примеру, «мужское» начало традиционно отождествляется с богом, творчеством, светом, силой, активностью, рациональностью, а «женское» ассоциируется с противоположными понятиями и явлениями – природой, тьмой, пустотой, подчинением, слабостью, беспомощностью, хаосом, пассивностью. Таким образом, классификация мира по признаку муж-

ское/женское и половой символизм культуры отражают и поддерживают существующую гендерную иерархию общества [1, с. 9].

В рамках коммуникативно-дискурсивного направления ведётся изучение лингвистического конструирования гендера в коммуникативном взаимодействии индивидов в различных видах дискурса, а также особенностей речевого поведения мужчин и женщин.

Одной из наиболее известных работ в области исследования гендера в коммуникации стал труд Деборы Таннен «Ты меня просто не понимаешь. Женщины и мужчины в диалоге», в котором впервые вводится понятие «гендерлект», отражающее социально и культурно обусловленные особенности общения мужчин и женщин [7, р. 5].

Изучению дискурсивного конструирования гендера посвящены труды Е. С. Гриценко. Согласно выводам автора, анализ репрезентации гендера в массовой коммуникации показывает, что женщина чаще, чем мужчина конструируется как объект (или жертва) внешних действий или решений; мужчина преимущественно представлен как субъект, принимающий решения или оказывающий воздействие. Среди лингвистических средств объективации женщин в массовой коммуникации Е. С. Гриценко выделяет синтаксическую организацию предложений: представление лица как субъекта или объекта действий; использование дативных и безличных конструкций, отражающих эмоции или переживания; грамматическую форму предикатов (заявление, наклонение, модальность). Исследователь отмечает, что дискурсивное построение образа предполагает постоянный «диалог» символических и эмпирических конструкторов мужественности и женственности, в котором индивидуальные предпочтения соотносятся с социальными ожиданиями, демонстрируя диалектическое единство изменчивости и устойчивости гендера как культурного конструкта. Важным для нашего исследования является вывод о том, что в массовой коммуникации контекстуальные гендерные импликации играют важную роль в языковом манипулировании сознанием – использовании особенностей языка и принципов его употребления с целью скрытого воздействия на адресата в нужном направлении [3, с. 39–42].

Таким образом, изучение лингвистической репрезентации гендера, который, проникая во все сферы человеческого бытия, находит отражение и в языковой области, может проводиться в рамках социо- и психолингвистического, лингвокультурологического и коммуникативно-дискурсивного направлений.

Библиографический список

1. Воронина О. А. Гендер: словарь гендерных терминов / под ред. А. А. Денисовой. – М.: Информация XXI век, 2002. – С.6–9.
2. Горошко Е. И. Функциональная асимметрия мозга, язык, пол: Аналитический обзор. – М.: ИНЖЭК, 2005. – 270 с.

3. Гриценко Е. С. Язык как средство конструирования гендера: автореф. дис... д. филол. наук (10.02.19.). – Тамбов, 2005. – 48 с.
4. Кирилина А. В. Гендерные исследования в лингвистике и теории коммуникации: уч. пособие. – М.: РОССПЭН, 2004. – 252 с.
5. Кирилина А. В., Томская М. В. Лингвистические гендерные исследования. URL: www.strana-oz.ru/?numid=23&article=1038_137k
6. Халеева И. И. Гендер как интрига познания // Гендер как интрига познания. Сборник статей. – М., 2000. – С. 9–18.
7. Tannen D. You just don't understand. Women and men in conversation. – N. Y., 1990. – 317 p.

СУФФИКСЫ ФЕМИНИЗАЦИИ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

Ф. Т. Мусаева

Институт языка и литературы имени Алишера Навои Академии Наук Узбекистана, г. Ташкент, Узбекистан

Summary. This article is devoted to analyze of affixes which serve to express biological sex in Turkish languages. Researcher is deeply analyzed the genesis, differential characteristics, and other specific particularities of these suffixes. Author is used widely materials of contemporary Uzbek, Azerbaijan, Tatar literature languages and dialects. Besides, the ideas of the author about the researches of scientists-turkologists are very interesting.

Key words: feminization, geteronim, gender, suffix of feminization, way of affixation.

Проблема выражения пола живых существ возбуждала большой интерес ещё у античных грамматиков. Древнегреческие грамматики совершенно правильно подметили тот факт, что дифференциация пола живых существ не всегда обозначается в языке и что некоторые обозначения получают сексуально точный смысл лишь при посредстве особых дополнительных показателей [1, с. 196].

Как утверждает М. Я. Немировский, «...нет в мире ни одного языка, где обозначение пола не могло бы получить того или иного языкового выражения...наличие в языке какой-либо номинальной классификации или отсутствие таковой не имеет никакого влияния на способность этого языка обозначать пол живых существ, и языки, не обладающие никакой номинальной классификацией, как, например, тюркские, монгольские и множество других, могут выражать различие пола не хуже любого из протоеидских языков с тремя или двумя родами, или языков банту с их многочисленными номинальными классами» [1, с. 216]. Естественно, этот факт обусловлен наличием в языках мира таких универсальных способов выражения пола, как гетеронимия или синтаксический способ, то есть присоединение лексем-дистинктивов к асексуальному слову.

Зависит ли выбор лингвистических средств для выражения пола от структуры данного языка, или же его грамматического строя? На первый взгляд кажется, что ответ должен быть только утвердительным. Однако всё оказывается гораздо сложнее. Иначе как объяснить отсутствие специфических аффиксов для выражения пола в тюркских языках, хотя и располагающих в силу своей агглютинативности огромным арсеналом суффиксов? Отсутствие в тюркских языках специальных формальных показателей женского рода можно объяснить и тем, что агглютинативность тюркских языков, в том числе узбекского, часто гипертрофируется, выдаётся за абсолютное качество тюркских языков. Многие языковеды сознательно или неосознанно закрывают глаза на другое свойство тюркских языков – аналитичность, которая играет в грамматическом строе и словообразовательной системе ничуть не меньшую роль, чем агглютинативность. Это положение подтверждается тем, что свыше половины лексических единиц, имеющих точное сексуальное значение, представлено словами аналитического типа и многие грамматические значения выражаются аналитическими формами.

Как известно, в выражении пола живых существ в тюркских языках преобладают такие способы, как гетеронимия и синтаксический способ. Некоторые исследователи, отмечают, что в древнетюркском языке также широко применялся фонетический способ различия пола: *еѝ* (брат) – *еѝӓ* (сестра), *qart* (старик) – *qurt-qa* (старуха) [2, с. 163]. В маньчжурском языке особое место в выражении пола имеет сингармонизм: *амака* (свекор) – *эмэкэ* (свекровь), *арсалан* (лев) – *эрсэлэн* (львица), *амила* (самец) – *эмилэ* (самка) [3, с. 24]. Однако данные примеры, являясь исключительными случаями, не дают повода утверждать, что в современных тюркских языках существует фонетический способ различия пола.

Несмотря на отсутствие специфических аффиксов родовых различий в тюркских языках, авторы некоторых работ в числе суффиксов феминизации приводят несколько примеров. Например, Н. К. Дмитриев и В. М. Чистяков указывают заимствованные из арабского языка аффиксы -а и -э в татарском языке: *Закир* – *Закирэ*, *Насих* – *Насихэ* [4, с. 14, 15]. Данный суффикс феминизации существует и в узбекском языке. Применение данного аффикса характеризуется следующим:

а) аффикс -а в основном встречается в словах, заимствованных из арабского языка, и служит для выражения женского пола: *муслим* – *муслима*, *муширик* – *муширика*.

б) они легко отделяются от корня: *шоира* = *шоир*+а, *адиба*=*адиб*+а, *муаллима* = *муаллим*+а, *голиба* = *голиб*+а. Если убрать аффикс, то слово обозначает лицо общего пола.

б) существуют примеры, где данный заимствованный аффикс присоединяется к словам неарабского происхождения: *Севар* –

Севара (севар – тюркская основа), *Феруз* – *Феруза* (феруз – слово персидского происхождения). Данный факт, в основном, прослеживается в именах собственных.

г) данный суффикс присоединяется не только к существительным, выражающим живые существа, но и качественным прилагательным. Эта особенность ярко выражена в изафетных конструкциях: *Али розийаллоҳу анҳу аёллари Фотимадан: “Эй, Фотима, аёл киши учун энг яхши нарса нима?”, деб сўраганларида, у зоти шарифа: “У бегона эркакларни кўрмаслиги ва бегона эркаклар уни кўрмаслиги”, деб жавоб берганлар.* (Перевод: Али спросил у своей жены Фотимы: «Эй, Фатима, скажи мне, что предпочтительней для женщины?» На что она ответила: «Не показываться на глаза незнакомых мужчин, и чтобы незнакомые мужчины не видели её») (Из «Сборника хадисов»). Прилагательные с суффиксом феминизации *-а* иногда субстантивируются, и переходят в имена существительные. Например, слова *заифа*, *ожиза* были прилагательными, имеющими значения «беспомощная», «бессильная». А сейчас, эти прилагательные перешли в категорию существительных, которые имеют значение «женщина».

Примечательно, что многие исследователи не хотят ограничиваться одним этим аффиксом, и в качестве примера приводят другие морфологические единицы. К примеру, у Л. Решетовой и К. Умурова читаем: «Однако сложно присоединиться к мнению этих авторов (Н. К. Дмитриев и В. М. Чистяков), что морфологический способ реализуется с помощью только этих двух аффиксов, поскольку тюркские языки обладают рядом (мало употребляемых и непродуктивных ныне) аффиксов, образующих формы женского рода существительных. Например, аффикс *-им* (в древнетюркском языке данный аффикс был весьма продуктивным). Сравните: узб. *хоним*//туркм. *ханым*// татар. *ханым*// чув. *хусам*» [5, с. 35]. Подобного мнения придерживался и Н. К. Дмитриев: «Между тем исторически *ханым* означало не всякую женщину, а жену хана. Условно, для выражения женского рода, здесь использован притяжательный аффикс I лица *-ым*. Таким образом, *ханым* в этом случае перестало обозначать «ханша». Таков же состав слова *бэйим* или *бэқим*, которое будучи оформлено тем же аффиксом принадлежности I лица, стало обозначать не *мой бек*, а *бекша*» [6, с. 98]. Однако, на наш взгляд, функция дифференциации пола данного суффикса является весьма спорным вопросом. Поскольку все примеры, приведённые из разных языков Решетовой и Умуровым, считаются фонетическими вариантами одной словоформы. А слово *бэйим*, приведённое Н. К. Дмитриевым, в узбекском языке является ласковым обращением жены к мужу, и не имеет значения «бекша», как в азербайджанском языке.

Наконец, заслуживает внимания древний формант женского рода *-чин*, который ныне не выделяется в сознании говорящих на тюркских языках. Например, Н. К. Дмитриев приводил следующие примеры из азербайджанского языка: *билдирчин* (первоначально «перепелка», ныне и «перепел», и «перепелка»), *сигирчин* (первоначально «скворец-самка», ныне «скворец вообще»), *қәйәр-чин* (первоначально «голубка», сейчас «голубь вообще»), *мәләр-чин* (сорт груши. Это слово употребляется в качестве женского имени), *мәкәр-чин* (свинья-самка, свиноматка).

Профессор Э. А. Бегматов, ссылаясь на вышеуказанную статью Н. К. Дмитриева, аффикс *-чин* в слове *барчин* считает архаичным показателем женского рода: «словами, образованными с помощью аффикса *-чин* в основном называют представителей женского пола, а подобные имена выражают женский род. Имя Барчин в героическом эпосе “Алпамыш” изначально имело форму Бар+чин, и, вероятно, девочка была названа в честь самки-утки. *Бар-* утка, *-чин* – аффикс феминности. *Барчин* или *бурчин* означает утка-самка” [7, с. 372].

Исходя из приведённых выше размышлений учёного, можно предположить, что слово *балчин* [8] (красивая девушка), употребляющееся в хорезмском диалекте, состоит из основы *бал* и аффикса *-чин*. Очень вероятно, что корень этого слова восходит к слову *бал* (мёд, сладость). Поскольку женщины всегда ассоциируются со вкусными, сладкими, яркими предметами. А суффикс *-чин*, как уже было отмечено выше, является суффиксом феминизации.

Помимо этого, Н. К. Дмитриев считает, что «к числу формальных показателей женского рода надо отнести элемент *-ча*, который отмечен в диалектах: *гуланча* (жеребёнок женского пола)» [6, с. 99]. Следует отметить, что в современном узбекском языке, существует ряд слов, оформленных этим суффиксом и выражающих значение женского пола: *қудача* (молодая сватья), *қиролича* (королева), *оғача* (1. Прислуга в ханском дворце или богатых имениях; 2. Почтенная женщина в богатых уйгурских семьях). Однако никто из узбекских лингвистов не пытался выявить природу данного аффикса, и во многих работах он считался аффиксом уменьшительности. На самом деле очень сложно определить, где данный суффикс выполняет функцию уменьшительности, а где он является аффиксом женского рода, поскольку в узбекском языке и в его диалектах имеется огромное количество слов, оформленных данным суффиксом и имеющих значение женского пола: *қудача* (карлукский, кипчакский говоры) [8], *бұвча* (Анд.) [8], *тувча* (Сур.) [9], *әбәчә* (Нам. Уйчи, Гонча) [8], *айча* (Сурх.) [9].

Как же определить критерий разграничения данного омонимичного суффикса? Мы предлагаем следующий вариант:

- 1) установить, имеет ли слово, оформленное данным суффиксом, значение уменьшительности;
- 2) определить, существует ли сема женского рода в производной форме:
- 3) определить, образует ли производное слово и производящая основа сексуальную оппозицию.

Следуя этим правилам, легко определить, что аффикс *-ча* в словах *бүвча, тувча, эбәча, айча, ойимча, хонимча* являются уменьшительными аффиксами, поскольку сема феминности присутствовала в них до присоединения данного аффикса. К тому же они не образуют сексуальную оппозицию со своими производящими основами. А аффикс *-ча* в словах *қудача, қиролича, бекача, оғача* следует отнести к формальному показателю женского рода. Они образуют сексуальную оппозицию: *бек-бекача, оға-оғача, қуда-қудача, қирол-қиролича*.

Библиографический список

1. Немировский М. Я. Способы обозначения пола в языках мира // Памяти академика Н. Я. Марра (1854–1934). – М-Л.: Изд-во АН, 1938.
2. Кононов А. Н. Грамматика тюркских рунических памятников (VII-IX в.) – Ленинград: Наука, 1980.
3. Пашков Б. К. Маньчжурский язык. – М.: Изд-во Восточной литературы, 1963.
4. Дмитриев Н. К. и Чистяков В. М. Род и согласование, Категория грамматического рода в русском и татарском языках // Очерки по методике преподавания русского и родного языков в татарской школе. – 1952.
5. Решетова Л., Умуров Қ. Род ва жинс категориясининг лексик-грамматик хусусиятлари // Ўзбек тили ва адабиёти. – 1965. – № 6. – С. 31–35.
6. Дмитриев Н. К. О категории грамматического рода в азербайджанском языке // Известия Академии педагогических наук РСФСР, 1952. – Вып 40. – С. 97–100.
7. Бегматов Э. Исмларда жинс тушунчасининг ифодаланиши // Ўзбек исмлари имлоси. (Русчада ёзиш масалалари). – Тошкент, 1972. – С. 363–379.
8. Ўзбек халқ шевалари луғати. – Тошкент: Фан, 1971.
9. Рахимов С. Сурхондарё ўзбек шевалари луғати. – Термиз, 1995.

ГЕНДЕР СКАЗОЧНЫХ ПЕРСОНАЖЕЙ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Ю. В. Мерьемова

Донецкий национальный университет, г. Донецк, Украина

Summary. This article is devoted to the problem of translation of the gender of a character in English fairy – tales. It also contains the determination of some linguistic peculiarities of the characters' speech, such as parts of speech, types of sentences, etc.

Key words: genderidentification, “doublegender”, fairy – talecharacter.

В последние годы значительно увеличилась заинтересованность лингвистов в исследовании языковых явлений, связанных с проявлением гендерного фактора. Огромное количество научных работ, посвящённых гендеру, даёт возможность констатировать, что начальный этап становления этого направления в отечественном языкознании уже завершился, о чём свидетельствуют примеры систематизации гендерных работ. Это наблюдение основывается на принципах антропологии современной лингвистики, которая дала языкознанию интересный продукт – понятие о языковой картине мира, центром которой является человек.

Гендер как продукт культуры отражает представления народа о женственности и мужественности, зафиксированные в фольклоре, сказках, традициях и, разумеется, в языке [3]. В коллективном сознании присутствуют гендерные стереотипы – упрощённые и заострённые представления о свойствах и качествах лиц того или иного пола. Анализ языковых средств, которые функционируют в языке, предполагает учёт гендерных связей между участниками коммуникации и дают возможность переосмыслить языковой знак как способ самовыражения индивидуальных отношений национальных и общечеловеческих ценностей [2, с. 240]. До данного момента особенности дискурса авторской сказки как своеобразного сочетания нескольких разновидностей дискурса не уделялось достаточного внимания. Именно этот фактор стал причиной исследования гендера на материале англоязычной авторской сказки. Актуальность нашего исследования вызвана также необходимостью изучения единиц разных уровней языка (грамматического, лексического) посредством которых реализуется комплекс гендерных признаков. Материалом исследования послужила выборка из текстов сказок Р. Киплинга, Ч. и М. Лемб, Ф. Брауна, Е. Ленга, О. Уайльда, Б. Поттер, А. Милна, Д. Толкиена, Л. Керола и др. К сожалению, роль гендера в литературном контексте ещё не стала обязательным предметом внимания переводчиков. Особенно это относится к литературе, маркированной в читательском сознании как «детская» [4]. Прописанные в популярных сказках стереотипы, как правило, перманентны. В частности, стереотипы гендерные. Знакомство со сказками создаёт иллюзию знания всех сюжетов, при этом сказка настолько многогранна, что позволяет вычитывать именно тот смысл, который отвечает культурному уровню того, кто читает. Преследуя цель исследования факторов гендерной дифференциации на разных уровнях языка, а в данном случае речь идёт об исследовании на уровне морфологии, мы провели анализ распределения частотности употребления частей речи для действующих персонажей мужского, женского и среднего рода категорий «люди» и «другие». Были выявле-

ны следующие тенденции: у действующих персонажей мужского рода проявляется тенденция к наиболее частотному употреблению глаголов и существительных. При этом количество используемых глаголов больше или равно количеству используемых существительных. В то время как в языке ДП (Д. м. р.) превалирует тенденция к использованию глаголов – 35,37 % от общего количества языковых единиц. Относительно равные показатели имеем при употреблении мужскими персонажами таких частей речи, как местоимение, числительное, наречие, прилагательное. На основе данного исследования, можем констатировать, что в речи феминных действующих персонажей двух категорий не обнаружено чёткой тенденции к большему использованию глаголов. Отметим также, что характерной, но несколько неожиданной особенностью, стало большее употребление прилагательных персонажами мужского рода, а местоимений, наоборот, персонажами женского рода. В этой работе мы обратились к анализу наклонения глагола, что позволило сделать следующие выводы: персонажи мужского рода употребляют глаголы действительного и, в большей мере, глаголы повелительного наклонения, что имеет значение для детерминации гендерных принадлежностей персонажей, так как отображает особую социальную роль собственника, распорядителя, которую для себя традиционно выбирает маскулинный персонаж. Персонажи женского рода, наоборот, используют глаголы действительного и условного наклонения. Можно предположить, что это указывает на то, что женские персонажи, высказывая свои мысли, чаще сомневаются. Чёткой тенденции у персонажей среднего рода в данном случае выявлено не было.

Исходя из тезиса о том, что синтаксическая структура речи мужского и женского рода имеет значительные отличия [1, с. 95], мы провели исследование относительно употребления ДП мужского, женского и среднего рода разных типов предложения по цели высказывания. Как показывают полученные результаты, ДП мужского рода чаще используют повествовательные предложения. Персонажи женского рода тяготеют к использованию повествовательных и восклицательных предложений. Отметим также, что для речи ДП среднего рода характерна тенденция к употреблению наибольшего количества восклицательных предложений. Можно предположить, что в данном случае речь идёт о своеобразной тенденции к самоидентификации, когда персонаж среднего рода так или иначе пытается самоутвердиться. В данной работе была осуществлена попытка исследования языковых явлений на грамматическом и синтаксическом уровнях касаясь употребления действующими персонажами значимых частей речи, более детально рассмотрено употребление наклонения глагола, видов предложения по цели высказывания. Данное исследование вызывает нашу заинтересованность

в дальнейшем изучении гендерной дифференциации языковых явлений в сравнительно – типологическом аспекте на материале дискурса сказки. Исследование также показало, что «детская» литература имеет достаточно яркую оценку героев и их действий, которая артикулирует, тем самым одобряя или не одобряя тот или иной стереотип. Итак, гендерные параметры языковой личности могут влиять на восприятие ею целостной картины мира и вследствие этого на её вербализацию в речевом поведении, поэтому так важно при переводе так называемой «детской» литературы руководствоваться такими правилами передачи содержания текста, которые бы позволили сохранить особенности гендерной идентификации сказочных персонажей.

Библиографический список

1. Земская Е. А., Китайгородская М. А., Розанова Н. Н. Особенности мужской и женской речи // Русский язык в его функционировании / под ред. Е. А. Земской и Д. Н. Шмелева. – М.: 1993. – С. 90–136.
2. Кирилина А. В. Новый этап развития отечественной лингвистической гендерологии // Гендерные исследования и гендерное образование в высшей школе: материалы международной научной конференции. – Иваново, 25–26 июня 2002 г.: в 2 ч. – Ч. II. История, социология, язык, культура. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2002. С. 238–242.
3. Пушкарёва Н. Л. Читаем сказки «сквозь гендерные очки».
4. Руднев В. П. Винни-Пух и философия обыденного языка. – М.: Аграф, 2000.

СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ГЕНДЕРНОМ ИЗМЕРЕНИИ (НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗА ЛЮДМИЛЫ ПЕТРУШЕВСКОЙ «СЛУЧАЙ БОГОРОДИЦЫ»)

М. А. Крупка

**Ривненский государственный гуманитарный университет,
г. Ривне, Украина**

Summary. In the article the story of Ljudmila Petrushevskay is analysed "Case of Mother of God" in a gender aspect. The special attention is concentrated on research of conflict mother-son. An author proves that opposition is opened out in a psychological plane.

Key words: maternity, gender, corporeality, family.

Рассказ «Случай Богородицы» Людмилы Петрушевской художественно исследует социокультурную модель современной семьи, которая кардинально отличается от традиционной патриархальной семьи тем, что в ней отсутствует мужчина как глава.

Сын замещает фигуру отца ещё до рождения. Беременная женщина почувствовала патологическое отвращение к своему мужу

на физическом уровне через острый запах его тела, который вызывал у неё приступы токсикоза. Материнский инстинкт отдаляет супружескую пару друг от друга, делает сексуально неудовлетворённым мужчину: женщина переселилась в общежитие, а окружающие оберегали беременную от внимания мужа. Сын, как объект женской любви, выступает соперником отца, устраняет его и занимает место около матери.

В интерпретации Л. Петрушевской фигура женщины-матери десакрализируется, наделяясь телесностью через физиологичные процессы: беременность, роды, операция, болезнь, кровь, которые ассоциируются с женской сущностью: «А когда он ещё немного подрос, она вдруг начала ему рассказывать, какие тяжёлые в неё были роды – ей было всего восемнадцать лет, и у неё был один случай на сто, случай Богородицы /.../ она легла на родильный стол девственницей /.../ и женщиной её сделал сын...» [2, с. 82–83]. Героиня подсознательно копирует поведение соблазнительницы, которая использует фактор телесности для достижения желаемого результата: "чтобы приблизить себя к нему ещё больше, объяснив ему, насколько он принадлежит ей, насколько он её» [2, с. 83], но в результате – травматические переживания ребёнка от потери матерью символической святости. Героиня, пытаясь сблизиться с сыном, нарушила определенные табу и обрекла его на детство, перенасыщенное сексуальностью: «Эти слова – девственница, роды – он только ещё начинал искать в словарях и энциклопедии, в этих словах было что-то невыносимо запретное, тайное, нужное, чего нельзя нарушать» [2, с. 83]; травмировала его, открывая «взрослые» истины, к которым он ещё не был психологически готов; формировала неадекватное отношение к себе с акцентуацией телесности, что провоцировало хроническое чувство вины; порождало страх и стыд от запрещённых отношений, которые делали его не таким, как все: «у него была ужасная тайна – слова «девственница» и «роды», это касалось его, он принимал в этом стыдное участие» [2, с. 84]. Осознание того, что он сделал свою мать женщиной, было для героя греховной тайной, и он жил в ожидании наказания.

В отношениях с ребёнком героиня постоянно отмечает телесный аспект: «Он уже много раз мучился так, когда мать в детстве рассказывала ему, моя его у таза, что некоторые мальчики балуются глупостями и что это очень нехорошо и могут положить в больницу и делать уколы» [2, с. 82]. Этот момент подчёркивает заикленность матери именно на сексуальной составляющей, а через ущербную телесность она демонстрирует нормы поведения.

За счёт откровенности мать стремится реабилитироваться за то, что отдала сына на шестидневку в детский садик. Как справедливо обобщила Ева Томпсон, ребёнок в произведениях Л. Петрушевской, по существу, никогда не имеет нормальной семейной жизни

[3, с. 331]. К определённом моменту героиня не считала сына главным в своей жизни, а он наивно пытался с ней сблизиться: «он всё-таки цеплялся за неё каждый раз, когда она уходила из детского сада, оставляя его одного /.../ он искал её за шкафами и в воспитательском туалете /.../ он ночью опять стоял около кровати и плакал /.../ он потерял всякую власть над собой и стал просто держаться за край голубого платя» [2, с. 89]. Она вовсе не чувствовала себя матерью, потому что руководствовалась не материнским инстинктом, а общепринятыми стандартами, поэтому не способна была понять кризисное состояние своего сына, спровоцированное круглосуточным пребыванием в коллективе 26 детей. Решающую роль сыграла нечестность матери – оставила самого на целый месяц, и у него от шока атрофировалось ощущение привязанности – в следующий раз он ей совсем не обрадовался. Психика включила механизмы самозащиты, и этот случай навсегда вытерла из его памяти, но на подсознательном уровне он мстит: эмоциональная зависимость от матери заменяется безразличием и появляется навязчивое желание устранить её из своей жизни, ведь в детстве закладывается психическая программа, формируются стереотип поведения и отношения к людям. Однако женщина душил своего ребёнка любовью, когда он в ней уже не нуждается: «ему становилось тесно, неудобно в этой роли обожаемого сына» [2, с. 84].

Психопатологическое желание матери владеть сыном выражается через навязывание несвойственной инфантильной личности мужества и сексуальной агрессии. Со временем у героини появляются другие мужчины, и мать и сын психологически уравниваются, одновременно переживая любовные отношения. Однако сказанная под давлением фамилия любимой девушки означает для сына измену самому себе, ведь его признание воспринимается матерью как повод для объединения семьи против любовников: она видит в девушке соперницу. В таких ситуациях формировалась хроническая потребность тотально контролировать сына.

Осознание того, что в матери есть личная, недостижимая для сына жизнь, приходит вновь через телесный уровень – гинекологическую болезнь, которая обернулась победой героини, ведь заставила сына беспокоиться о физически немогущей женщине, и в семействе опять установилось временное психологическое равновесие: «Она не приставала к нему с нежностями и откровенностями, то время уже прошло, она уже была научена» [2, с. 87]. Со временем сын сумел освободиться от давления, и уже мать пыталась возродить потерянный авторитет, потому что ещё в детстве превратилась в его символическую любовницу, лишив возможности взростать вместе со сверстниками.

Художественный конфликт разворачивается в психологической плоскости, ведь патологическая навязчивость матери соотносится с

потребностью уладить вину фактического отказа от ребёнка на определённом этапе. Однако писательница не игнорирует и влияние социального фактора – на женщин ложится непосильный труд, ведь они выполняют и мужскую функцию, неся на себе двойной груз обязанностей. «Нехватка времени на домашние дела, воспитание детей у работающей женщины часто приводит к дилемме идентичности» [1, с. 371]. Традиционная мужская роль кормильца вынуждает женщину отказаться от исконной роли матери, перепоручивши это государству. Отсутствует также отцовское влияние для воспитания половой идентификации ребёнка, отсюда её перверсивное формирование.

Библиографический список

1. Основи теорії гендеру: навчальний посібник. – К.: К. І. С, 2004.
2. Петрушевская Л. Милая дама. – М.: Вагриус, 2003.
3. Томпсон Е. Трубадури імперії: Російська література і колоніалізм. – К.: Вид-во Соломії Павличко «Основи», 2008.

БЫТ И БЫТИЕ В ЖЕНСКОЙ ПРОЗЕ ВИКТОРИИ ТОКАРЕВОЙ В АСПЕКТЕ ГЕНДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Е. А. Сердобинцева

Мордовский государственный педагогический
институт имени М. Е. Евсевьева, г. Саранск, Россия

Summary. Bell-letters has always been looking for the main answers for the questions of human being. Theory of gender lets us to interpret in a new way the work of literature, where the men s and women s understanding of world is given deeply and clearly. The most interesting in this case is modern women s prose, which reflects gender status of a man and a woman. This aspect is considered in a particular way in Victoria Tokareva s creation.

Key words: gender, women s prose, life, objective reality, modern world, morality, charity, women s psychology.

Теория гендера позволяет по-новому интерпретировать художественные произведения, где наглядно и глубоко даётся мужское и женское понимание мира (гендерная картина мира), взглянуть на взаимоотношения полов, а также осветить проблему женского творчества, которая и по сей день считается значимой и обретает новые перспективы в связи с успехами гендерологии. Наиболее интересна в этом плане современная проза, отражающая сегодняшний гендерный статус женщины и мужчины, особенности гендерного поведения, гендерные конфликты наших дней.

Особо хотелось бы остановиться на женской прозе конца XX – начала XXI вв. Принято относить к «женской прозе» произведения В. Токаревой, Л. Петрушевской, Г. Щербаковой, Т. Толстой, Л.

Улицкой, а также Марты Кетро, Лидии Сычёвой, Линор Горалик, Ксении Букши.

Викторию Токареву многие критики называют «писательницей для домохозяек», она, дескать, в своих произведениях рассматривает быт своих героев, тем самым упрощая повествование, но мы не совсем согласны с такой точкой зрения. Виктория Токарева лишь на первый, беглый и приблизительный взгляд кажется рассказчицей бесконечных житейских историй. Её истории, при всей их (часто) погружённости в быт, в тоску повседневности, всегда имеют некое метафизическое присутствие, всегда окутаны непередаваемой аурой авторской личности.

Она пишет повести и рассказы о семье, о любви, о смерти, о предательстве, рассказывает о судьбах разных людей. Виктория Токарева показывает реальный современный мир, мир, в котором мы живём. Главный герой её рассказов – человек, нравственная природа которого многогранна, неоднозначна и противоречива.

Язык её произведений лаконичен, она не использует нагромождённые синтаксические конструкции. Её предложения краткие, часто односоставные, но настолько глубоко в них заложена мысль писательницы. Вчитаемся, как удивительно Токарева говорит о главных героинях своих произведений: «Женщины – как цветы, каждая неповторима. У каждой своя красота и свой аромат. Невозможно пройти мимо», много глубоких размышлений на проблему современного бытия «Талант не зависит от бытия», «Жизнь вставляла на рельсы. Худо-бедно, да вывезет».

Ценность произведений Виктории Токаревой заключается и в том, что они помогают читателям, ещё не до конца разобравшимся в условиях новой жизни, найти ответы на многие вопросы.

Естественно, каждый рассказ или повесть обладают определёнными особенностями, их жанр можно определить как бытовое произведение с частыми философскими отступлениями. Темой является поведение людей в необычных или новых условиях: в экстремальной ситуации, когда жена, привыкшая к бесконечным романам своего мужа (появлению новых «похихишниц»), вдруг сталкивается с такой проблемой как «постоянка», или когда неожиданно в жизни «начинающей старухи», уставшей жить, появляется тихое счастье, и «судьба подпрыгнула, перевернулась, сделала сальто-мортале», или когда подающий надежды режиссёр осознаёт, что имеет талант, даже призвание служить народу посредством кинематографа. Герои Токаревой простые люди, жизнь которых по каким-либо причинам существенно меняется. Мало кто из них был счастливым человеком, и стал таковым, но все они находят наиболее удобный для себя способ существования в этом мире, стационарное положение, которое позволяет в новом свете увидеть плюсы и минусы своей жизни.

В своих произведениях Виктория Токарева рассказывает в основном о судьбах современных женщин, женщин 80–90-х годов, которые находят своё бытие в единении со всеми людьми: «Такой борщ невозможно есть одной. Просто кощунство. Нужно объединить со-переживание. Сочувствие. Одиночество – это отсутствие «СО...», «..покой и одиночество – это два конца одной палки. А абсолютный покой и абсолютное одиночество – это небытие».

Остановимся на анализе рассказов «А из нашего окна», «Сальто-мортале». Анализируемые произведения повествуют об актуальной проблеме для каждого из нас – для чего человек живёт на земле, что является главным в жизни и судьбе героев: для Тишкина («А из нашего окна») – это «Призвание. Значит, людям это надо зачем-то... ..это надо мне»; для Анны Петровны («Сальто-мортале») – «полноценная семья – встретились и воссоединились после долгой разлуки».

Молодой режиссёр Сергей Тишкин («А из нашего окна»), подающий надежды в современном кинематографе, давно определил для себя цели в жизни, его, казалось бы, всё устраивало: любимая жена, которая была «красивая и самодостаточная», и жила всегда интересами любимого мужа, новорождённая дочь «такая крошечная, такая зависимая...», которая могла «противопоставить только свою беспомощность». Так получилось, что незаметно в его жизнь вошла Алина, небольшой роман, ничего не значащий для Тишкина, сыграл огромную роль в его судьбе: к этой женщине он возвращался неоднократно, все его помыслы были о ней. Слова надежды, произнесённые для больной раком Алины, и теплота дали свои ростки: она смогла поверить в себя и тем самым победить болезнь – «Ты дал мне больше. Ты дал мне жизнь».

В этом рассказе Виктория Токарева поднимает много проблем современного быта: взаимоотношения между мужем и женой, взгляд на современный брак, испытание любовью, доброта и милосердие к больному человеку, размышления о бессмертии души и тела, предназначение талантливого человека, отношение государства к таланту и призванию, и благодарность и мольба к Богу за прожитую жизнь.

Совершенно другие проблемы освещает писательница в рассказе «Сальто-мортале». Главная героиня Александра Петровна, «начинающая старуха», всю свою жизнь прожила для мужа «без пяти минут генерала» и в вечных конфликтах между зятем и тещей. И вот на склоне лет она осталась одна, «ей было лень жить». Казалось бы, Виктория Токарева повествует о совершенно обыденной, бытовой ситуации, но смысл произведения заключается в другом: «Как изменилось время. Приличные люди бомжуют, а бандиты живут в их домах». Как противостоять современному порядку? И Токарева объясняет: «Никак. Если только не объединиться». Семейное тепло, жизнь

в единстве, «СО» (соединение, сострадание, сочувствие) вернулось в дом после долго отсутствия – это есть главный ориентир в жизни.

Виктории Токаревой удалось очень точно описать женскую психологию, последовательность мыслей женщины, её логику. «Женский» взгляд проявляется в том, что очень большое внимание уделяется таким понятиям, как семья, дом, верность, муж, жена и любовница, неверность, жертва ради любви, карьера, личная жизнь.

Библиографический список

1. Зорин А. Недорогое ощущение какого-то отражения жизни // Литературная газета. – Москва, 1989. – № 6. – С. 4.

ПРОБЛЕМА ГЛОБАЛЬНОГО ПРОЯВЛЕНИЯ ИНТЕРНЕТ-АДДИКЦИИ

А. А. Степанов

Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н. Г. Чернышевского

Summary. Internet addiction, a global, modern problem of our society. Internet, like drugs, alcohol and smoking makes a person a dependent slave. Teenagers and college students – the main risk group.

Key words: internet addiction, deviant behavior, teens, students, Russia, USA.

Интернет-аддикция (зависимость) – феномен психологической зависимости от сети Интернет, проявляющийся в своеобразном уходе от реальности, при котором процесс навигации по сети затягивает субъекта настолько, что он оказывается не в состоянии полноценно функционировать в реальном мире.

Интернет-зависимость – это широкий термин, обозначающий большое количество проблем поведения и контроля над влечением) людей разных возрастных групп и разных профилей деятельности. В медицине имеется очень образный термин *Netaholic* для обозначения Интернет-аддиктов. Американский исследователь К. Янг (1994) поместила на веб-сайте Питтсбургского университета специальный тест – опросник, в котором приняли участие 500 человек. Результаты показали: 400 человек оказались Интернет-зависимыми. По официальным данным в Европе и России этой болезнью страдают от 2 % до 4 % населения. В Америке – более 10 %. В группе риска более 25 % всех жителей развивающихся и развитых стран. По данным исследователей Школы медицины Стенфордского университета (Калифорния, США, 2009) этой болезнью страдают около 14 % взрослого населения. При этом каждый одиннадцатый скрывает свою навязчивую

привязанность к Интернету. Это явление получило своё название – «проблемное использование Интернета». Э. Абуджауд отмечает: «Мы всегда обращаем внимание на то, как прекрасен Интернет, какими простыми и эффективными он делает многие вещи. Но мы должны признать и тот факт, что он создаёт реальные проблемы определённой группе людей». Наиболее сложные проблемы возникают у людей, чрезмерно увлекающихся играми, порнографией и электронной почтой. Исследователи отмечают у них компульсивно-импульсивные расстройства. (Д. Блок). К основным причинам, вызывающих интернет-привыкание к электронным играм и порнографии относятся нерешённые личностью психологические проблемы, среди которых ведущие: 1) создание нового «Я»; 2) желание завести знакомых; 3) получение сексуального удовлетворения.

Подавляющее большинство Интернет-пользователей в России – это молодые люди в возрасте от 16 до 35 лет. Большинству из них требуется психологическая помощь для решения реальных психологических проблем. Эксперты выделяют несколько наиболее подверженных этому риску групп. Основная – это уставшие от ежедневной работы и скучающие по новым впечатлениям менеджеры среднего звена. Это мужчины в возрасте 30 лет. Они приходят домой с работы, и сразу же садятся за компьютер. Российские психиатры сходятся во мнении, что основной проблемой сегодняшних подростков станет именно зависимость от виртуальной реальности. И это не зависимость в прямом смысле этого слова, а совершенно новая система формирования психики.

В США, где Интернет-зависимость появилась гораздо раньше, уже столкнулись с последствиями данной проблемы. Например, американка Эмми Тейлор подала на развод, потому что её муж изменил ей в онлайн игре Second Life. Однажды она случайно увидела, как персонаж её супруга занимался любовью с проституткой (тоже нарисованной). Дэвид Поллард во всём сознался, правда по его словам, Эмми не долго переживала и почти сразу же нашла себе нового ухажера в онлайн игре World of Warcraft. Также остро стоит проблема «компьютерных вдов». Cyberwidows – это жёны людей, увлечённых компьютером. Бывает, что семья распадается на две части – муж с компьютером «проживают» в одной части комнаты, а жена с ребёнком – в другой.

Четверть американцев предпочитают оставаться онлайн даже в компании друзей. По данным опроса PC Tools 25 процентов американцев не отключают Интернет во время занятия сексом. Опрос Harris Interactive показал, что 29 % имеют доступ к Интернету на свадьбах, и 41 % – на семейных обедах. По данным социологов 15 % американцев отвечают на телефонный звонок во время секса, а 10 % бизнесменов проверяют электронную почту.

Интернет-зависимость определяется по следующим признакам:

- сосредоточенность на виртуальной жизни (до 18 часов в день) и отказ от реальной;

- навязчивое желание войти в Интернет, находясь off – line, и не способность выйти, находясь уже on – line;
- навязчивое желание проверить e – mail;
- постоянное ожидание следующего выхода в Интернет;
- человек предпочитает виртуальное общение, нежели с друзьями и близкими.
- стремление играть в сетевые игры, привязанность к Интернет-магазинам.

В соответствии с данными признаками выделяются следующие типы зависимости:

- 1) киберсексуальная зависимость – непреодолимое влечение к посещению порносайтов и занятию киберсексом;
- 2) пристрастие к виртуальным знакомствам – избыточность знакомых и друзей в сети;
- 3) навязчивая потребность в сети – игра в онлайн-азартные игры, постоянные покупки или участие в аукционах;
- 4) информационная перегрузка (навязчивый веб – серфинг) – бесконечные путешествия по сети, поиск информации по базам данных и поисковым сайтам;
- 5) компьютерная зависимость – навязчивая игра в компьютерные игры (стрелялки, стратегии и т. д.).

В 2011 г. было осуществлено диагностическое обследование 315 студентов ЗабГГПУ (1–4 курсы).

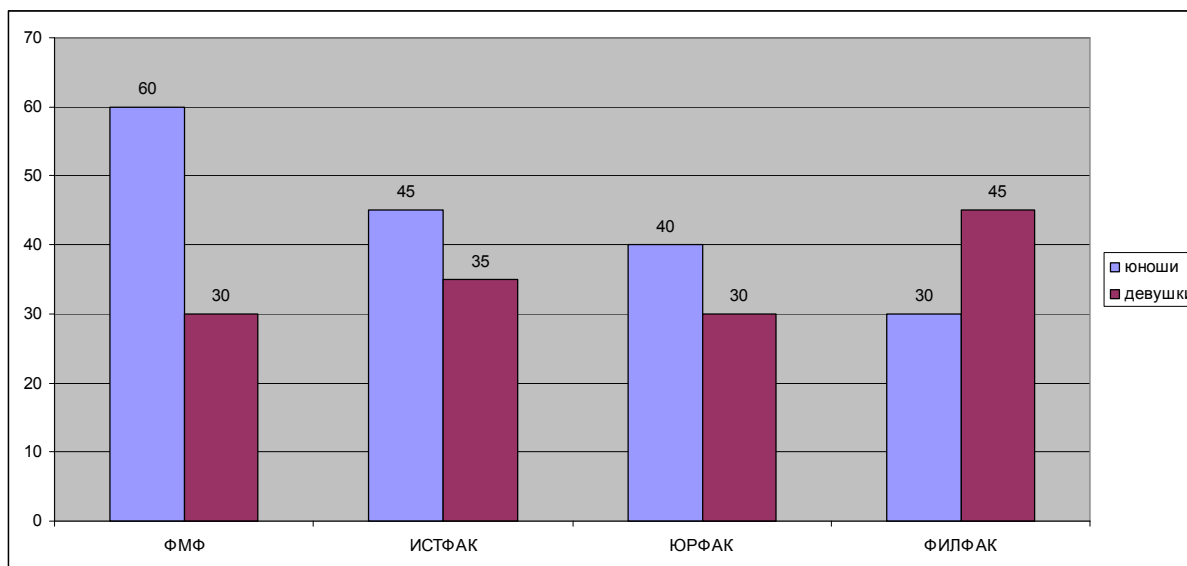

Рис. 1. График обследуемых по факультетам и гендеру

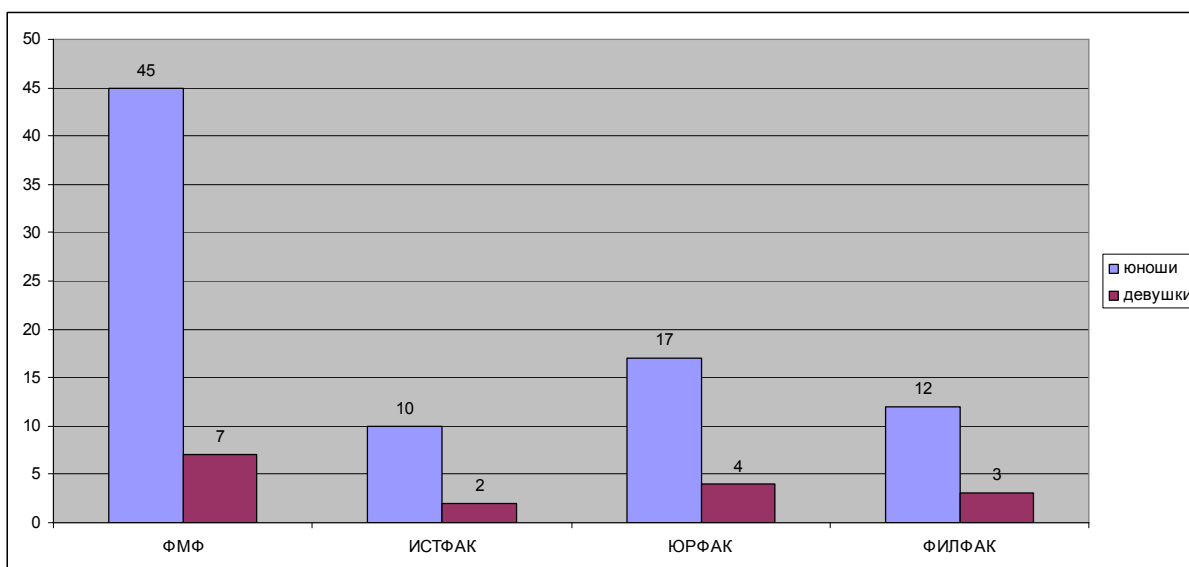

Рис. 2. Результаты анкетирования на интернет – зависимость выявили следующие результаты

Таким образом, из 315 обследуемых зависимыми оказались 100 человек, из них 84 человека – юноши и 16 человек – девушки. Такое распределение соответствует тому, что мальчики увлекаются интернетом и компьютерными играми гораздо более интенсивно, чем девочки. Мальчики тратят на интернет и игры в среднем в два раза больше времени, чем девочки.

Наибольший процент зависимости показали студенты ФМФ. Так как на этот факультет идут в основном юноши, увлекающиеся компьютером и компьютерными технологиями.

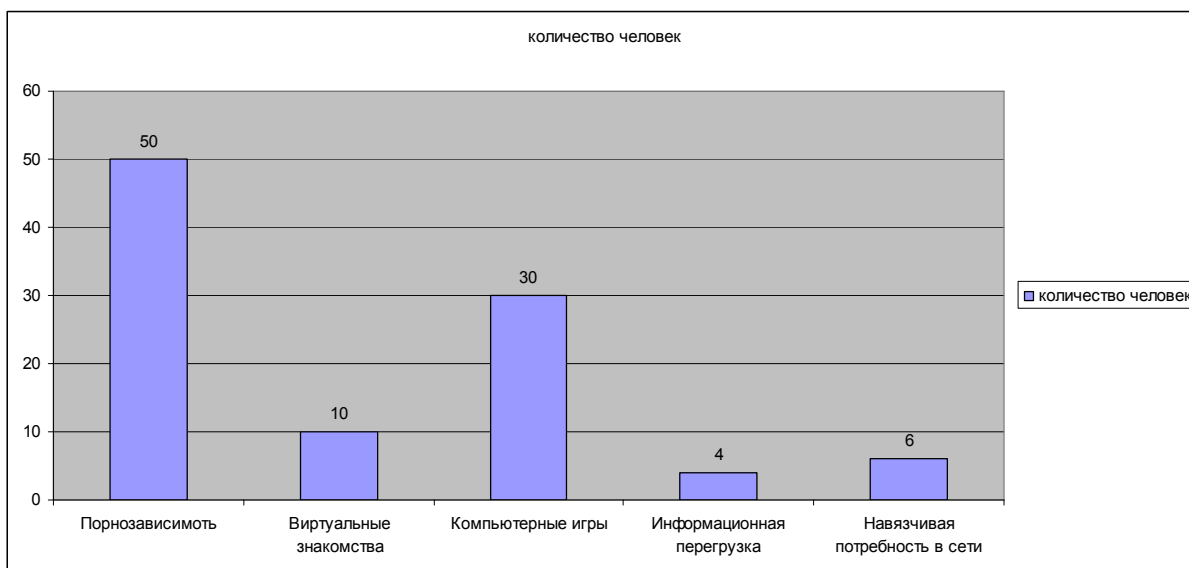

Рис. 3. Распределение по типам зависимости

Вывод по графику: результаты, представленные на графике № 3, показывают, что среди интернет-зависимых студентов наиболее выражена порнозависимость. Можно предположить, что в эту группу вошли те студенты, которые испытывают большие проблемы в общении с представителями противоположного пола. У этой группы

студентов было дополнительно обследован уровень общительности (оценка уровня общительности, тест В. Ф. Ряховского).

Оказалось, что у большинства выражен высокий уровень общительности. Следовательно, наша гипотеза не подтвердилась. Значит, порнозависимость имеет гораздо более глубинные проблемы. Такие как: неуверенность в себе и в своих сексуальных потребностях. В фантазийном мире порнографии человек может получить всё, что желает, не боясь отказа и разочарования. Здесь он чувствует себя более уверенным. Ведь не каждая 18-летняя девушка способна удовлетворить сексуальные фантазии молодого человека.

Установлено, что разные типы Интернет-зависимостей вызываются разными причинами.

Одним из факторов, привязывающих человека к Интернету, является киберсексуальная зависимость (порносайты), которая, в отличие от оффлайн-журналов и видео подобного содержания, никогда не заканчивается.

Второй фактор – компьютерные игры.

Здесь происходит отождествление себя с компьютерным героем, полное вхождение в роль, глубокое погружение в виртуальную реальность.

Таким образом, интернет-зависимость как в России, так и в США представляет глобальную проблему. Симптомы зависимых людей схожи: люди не следят за своим здоровьем, за своим внешним видом, появляется усталость, сухость в глазах.

Причины зависимого поведения одинаковы, в основном в подростковой среде, это проблемы в семье, в общении со сверстниками, повышенная обидчивость, ранимость, неумение строить отношения со сверстниками, гиперопека или наоборот недостаточное внимание воспитанию ребёнка, финансовые проблемы. Для взрослого человека – рутинная жизнь без разнообразия, депрессия, сексуальная неудовлетворенность, недостаточное общение.

Пути решения проблемы: самый простой и доступный способ решения проблемы Интернет – зависимости, это приобретение другой зависимости. Например, занятие спортом – привить любовь к здоровому образу жизни (например, занятия в различных секциях); творческая деятельность – рисование; общение с живой природой – уехать на несколько дней в деревню, где не знают такого слова «Интернет». Как правило, эти занятия выводят человека из зависимости. И также необходимо проконсультироваться у врача – психотерапевта, если имеются депрессивные расстройства.

Библиографический список

1. Интернет зависимость в подростковой среде. URL:<http://www.psylist.net>
2. Медицинская информационная сеть. URL:<http://www.medicinform.net>
3. Признаки компьютерной зависимости. URL:<http://www.psypodderjka.ru>

II. ГЕНДЕРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ КАК ФАКТОР ИЗМЕНЕНИЯ ГЕНДЕРНОЙ СИСТЕМЫ ОБЩЕСТВА

А. Б. Уваров

Институт энергетики и машиностроения
Донского государственного технического университета,
г. Ростов-на-Дону, Россия

Summary. The article raises the question of the possible impact on the gender order, it is important to take into account objective and subjective components. Search for harmony has to go through the personal distinction of individuals.

Key words: gender order, the person, the image of masculinity.

Гендерный порядок касается разных аспектов социума, и процессы перестройки данного порядка затрагивают как индивидуальные психические личностные явления, так и макросоциальные структуры. Момент – на уровне социальной психологии – констатации изменения гендерного порядка воспринимается, как правило, болезненно, т. к. в этих вопросах общество настроено консервативно. Вышеозначенный порядок как бы заведён не нами и должен соблюдаться и передаваться последующим поколениям и сложившемся виде.

Возникает ряд вопросов. Является ли гендерный порядок стихийным явлением? Можно ли, и в какой мере, управлять им? На какой стадии развития личности формирование гендерных представлений особенно важно корректировать? Нам представляется, что, во-первых, стихийное и управляемое, объективное и субъективное в гендерных процессах находятся в неравновесном состоянии и баланс здесь регулируется внешними влияниями: чем консервативнее общество, тем стабильнее в нём гендерный порядок. Во-вторых, как социальная задача высокой степени сложности она может быть решена лишь отчасти: слишком велика субъективная компонента. В-третьих, эта проблематика особенно актуальна в период социализации личности.

Первичная социализация происходит в семье. Но современная семья часто не выполняет свои социализационные функции [1]. В большинстве современных обществ гендерная идентичность «больше не является однозначной» [2]. Дети сплошь и рядом живут в неполных семьях и компенсируют эту неполноту детские коллективы. Важное значение приобретают фигуры воспитателя, учителя, тренера и т. п. И. Кон показывает как нормативный канон маскулинности изображает «настоящего мужчину»: это несокрушимый моно-

лит. Однако этот образ имманентно противоречив. Он противопоставлен женщине как воплощение сексуальной силы (фаллоцентризм), с одной стороны, а с другой – как воплощение разума (логоцентризм). Однако нельзя не заметить, что эти начала находятся в противоречии. Уже здесь наряду с общими транскультурными чертами «каждое общество имеет альтернативные образы маскулинности, содержание и соотношение которых может меняться» [3].

Уходя от устаревших представлений о гендерных проблемах 70–80 следует признать, что сегодня исследователи анализируют место в гендерном порядке мальчика (не взрослый, не девочка и т.д.) в качестве более подверженной рискам как социально, так и природного свойства. Мальчики испытывают давление, как со стороны взрослых, так и со стороны различных сообществ сверстников. Гендерный стандарт для девочек также заслуживает внимание исследователей.

Представляется, что идеи изменений гендерного стандарта в духе мирного сотрудничества полов возможны только при формировании целостной личности, умеющей самостоятельно формировать идеи и верно оценивать социальные штампы и чужие идеи.

Библиографический список

1. Кон И. С. Маскулинность в меняющемся мире // Вопросы философии. – 2010. – № 5.
2. Труфанова Е. О. Человек в лабиринте идентичностей // Вопросы философии. – 2010. – № 2.
3. Стебунова Е. И. Гендерная проблематика в философской традиции // Вопросы философии. – 2009. – № 11.

ТРАНСФОРМАЦИИ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ: ГЕНДЕРНЫЙ ПОДХОД

Е. А. Чикалова

**Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия**

Summary. The article is treating the subject, how family relations and traditional gender roles are transforming themselves. It also considers the peculiarities of gender approach. Prospects of application of the gender approach are presented in the context of society transformation.

Key words: family relations, gender relations, paternity, gender approach, family policy.

Изменения в социально-политической и экономической жизни современного российского общества, связанные с процессами

модернизации, оказывают влияние на характер семейных и гендерных отношений. Изменяются формы семейного уклада, происходит трансформация содержания гендерных ролей, разграничение сфер родительства и супружества, увеличивается число разводов, изменяется специфика репродуктивного поведения, происходит рост внебрачных рождений, увеличение числа семей, где воспитанием занимается один родитель. Эти и другие тенденции активно обсуждаются общественностью, анализируются в научных кругах, а также находят своё отражение на уровне государства, что проявляется в форме дискуссий о проблемах рождаемости, воспитания детей, взаимоотношений между супругами, детско-родительских отношений, и в выработке новых стратегий семейной политики.

Анализ данной ситуации с позиции гендерного подхода, опирающегося на теорию и методологию феминизма, а также социального конструкционизма, разрабатываемые в трудах зарубежных и отечественных исследователей (Бурдьё П., Батлер Дж., Бергер П., Бэм С., Гарфинкель Г., Герген К., Гоффман И., Здравомыслова Е. А., Зиммерман Д., Клёцина И. С., Кон И. С., Коннелл Р., Лукман Т., Радина Н. К. и др.), позволяет выявить наличие противоречивых тенденций. Они выражаются в определённом разрыве между действиями, направленными на поиск причин, возможных последствий и вариантов решения артикулируемых проблем, и реальными запросами общественной практики.

С одной стороны, наблюдается распространение эгалитарных ценностей, сферы приватного и публичного в современных условиях перестают быть чётко ограниченными, трудовая деятельность и семейные отношения становятся одинаково значимыми как для мужчин, так и для женщин. К примеру, всё чаще можно слышать о пересмотре взглядов на воспитание детей, о появлении таких понятий, как «ответственное родительство», «новое родительство», а также – «новое», «включённое», «ответственное» отцовство. Действительно, в последнее время наметился переход к рассмотрению родительства как формы общественно значимой самореализации и личного самосовершенствования личности. Целью родительства в этой связи становится поддержание и развитие гармоничных, приносящих радость и удовольствие, отношений с детьми [1, с. 85].

С другой стороны, характерные для современного общества тенденции изменений в сфере семейных и гендерных отношений являются неравномерными. Реализация данных преобразований на различных уровнях происходит не синхронно, то есть наличие тенденций к изменениям на индивидуальном уровне зачастую не предполагает таких тенденций на уровне общественных институтов. Это можно продемонстрировать на примере представлений об отцовстве. Мужчины, которые вовлекаются в деятельность по воспитанию детей, довольно часто попадают в ситуацию неопределённости.

Стремясь проявлять нежность, доброту, заботу, теплоту, более активно включиться в процесс общения с ребёнком, они нередко оказываются под давлением стереотипного представления о «настоящем мужчине», которому данные характеристики не присущи. Так, если образ женщины, закреплённый в общественном сознании, включает в себя категорию материнства, тесно связан с образом матери и подчёркивает непротиворечивость конструкции «женщина – мать», то обобщённый образ мужчины не содержит представлений о воспитательной функции, больше ассоциируется с общественной сферой. Таким образом, отцовство, не будучи нормативным элементом представления о мужественности, воспринимается неоднозначно и противоречиво. Этим может объясняться и столь неактивное распространение практики «ответственного» отцовства. Аспектом, требующим особого внимания, является также деятельность политических институтов, направленная на преодоление возникших проблем. Для государства сфера семейных отношений всегда представляла особый интерес. Сегодня основным объектом поддержки со стороны государства становится полная семья, упор делается на зарегистрированные браки, а также на стимулирование рождаемости. Вариант семейной политики, проводимый на современном этапе, можно охарактеризовать как неотрадиционалистский [2]. Как отмечают исследователи [3], в рамках современной государственной политики понимание проблем семьи зачастую ограничивается проблемами традиционной модели семьи.

Подобные противоречия создают для индивида дополнительные сложности при выборе того или иного варианта поведения. Необходимость адаптации к меняющимся условиям приводит к поиску новых жизненных стратегий, стремлению согласовать собственную идентичность с требованиями социума, однако в общественном сознании продолжают сохраняться и воспроизводиться традиционные гендерные представления. В связи с этим реализация «новых» моделей поведения может сопровождаться ростом напряжённости, психологическими проблемами, межличностными конфликтами.

Следует отметить, что гендерный подход не только проблематизирует наличие противоречивых тенденций, но также предполагает выработку способов преодоления данных противоречий. Гендерный подход в контексте анализа семейных отношений может использоваться психологами-практиками, педагогами, консультантами кризисных центров и другими специалистами, чья деятельность связана с решением семейных, личностных проблем, проблем социализации личности. Позиция, артикулируемая в контексте данного подхода, предполагает акцент на социокультурных, а не биологических различиях между полами, ориентацию на критический пересмотр нормативов «женского» и «мужского» поведения в различных сферах общественной жизни, развитие и закрепление но-

вых образцов взаимодействий как между родителями, так и между родителями и детьми, развитие стратегии сотрудничества, что выражается в признании разнообразия и индивидуальности отдельной личности, в создании предпосылок для саморазвития как мужчины, так и женщины [5, с. 102 – 103].

Практическое применение гендерного подхода для решения выявленных противоречий может включать следующие виды деятельности: разработка программ, направленных на гендерное просвещение молодёжи, формирование гендерной компетентности личности и способности преодоления гендерных конфликтов, гендерная экспертиза законодательных проектов, посвящённых проблемам как семейной, так и кадровой политики, выработка рекомендаций относительно соответствия предлагаемых в проектах решений запросам общества, исследовательская работа в рамках таких (ещё недостаточно изученных, но перспективных) направлений, исследования новых форм семейного уклада, взаимоотношений в гомосексуальных партнёрствах, как исследование ответственного родительства, исследование соотношения приватного и публичного в жизни современных мужчин и женщин.

Библиографический список

1. Асонова Е. Новые ценности в детско-родительских отношениях // Pro et Contra. 2010. – № 1–2. – С. 78–93.
2. Чернова Ж. Молодая семья как объект/субъект семейной политики. URL: <http://www.polit.ru/analytics/2010/11/30/family.html> (дата обращения: 26.03.2011)
3. Роткирх А., Тёмкина А., Здравомыслова Е. Кто поможет униженной домохозяйке? Комментарии к демографической речи Владимира Путина? URL: http://www.chtodelat.org/index.php?option=com_content&task=view&id=391 (дата обращения: 26.03.2011).
4. Соколюк Н. В. Гендерные отношения в сфере родительства: история и современность // Вестник ТГЭУ. – № 1. – 2009. – С. 88–104.

SEX-ROLE DIFFERENTIATION IN A FAMILY

I. G. Doroshina

Penza State Technological Academy, Penza, Russia

Summary. The article tells about sex-role differentiation in a family. Explains why the traditional division into male and female roles. Describes options for the distribution of roles within the family.

Key words: family, role, differentiation.

The representatives of social-cultural trend in foreign psychology, investigating cast in the family, consider role expectations (claim) and

role behaviour of marriage partners. The founder of the given concept is T. Parsons who considered as the mechanism providing balance and stability of the system of social interaction functional division of fields of activity, or differentiation of roles. For existence of any social system, from his point of view, performance of so-called tool and expressional functions are necessary. **Tool function** provides system relations – in this case families with an external world, provides means of subsistence. **Expressional function** is a maintenance of integration of members of system, an establishment of models of relations and regulation of level of intensity of members of a matrimony. Parsons asserts that the same person cannot carry out simultaneously and tool (demanding authoritative-nesses and rigidity) and expressional (assuming softness and ability to extinguish the conflict) he, therefore, declares to function, division of these roles deeply functionally and exists after all systems of social interaction. More precisely, to men the tool role is peculiar, to women – expressional. In an ideal a carrier of a tool role (husband) solves problems of contacts of a family with an external world; a wife is responsible for internal problems, i.e. for food, a cosiness, health of members of a family, education of children and etc. «The fundamental explanation of cast between biological sexes, – is written by Parsons, – lies in that fact that the birth of children and care of them will create a strict presumption of primacy of relations of mother to the small child. Primacy of relations of mother to the child conducts to that the man eliminated from these biological functions, should specialise in an alternative, tool direction». It is supposed that the husband and the wife make decisions on the questions concerning different spheres of ability to live of a family, hence, at them cannot arise and occasions to quarrels. Conflicts are generated or wrong distribution of spheres of influence or unsatisfactory performance of the duties.

In a modern society process of easing of families as social institute, change of her social functions, not role family relations is observed. The family loses the traditional roles at which the woman was in charge of housekeeping, gave birth and brought up children, and the husband was the owner and provided economic independence of a family, were replaced role at which overwhelming majority of women in the developed countries began to participate in industrial, political activity, economic maintenance of a family and to accept equal, and sometimes leading participation in acceptance of family decisions.

Many authors make observations about great value and simultaneously a close connection with each other the parametres characterising distribution and realisation of matrimonial roles in a family. According to I. Ju. Borisova, that fact that they are connected with a sex of the spouse, i.e. with biological bases of a family, underlines their importance and base character, allows to consider them «as a determinant of many intrafamily processes. The complex indicator considering both real cast in a

family, and the relation to him of spouses, has received the name of a sex-role differentiation. The sex-role differentiation in wide sense is defined on the basis of following characteristics:

1) representations of spouses about roles of the man and the woman:

2) representations of spouses about cast in a family;

3) role behaviour of spouses (real cast);

4) sexual identity (feminnost-maskulinnost).

The spectrum of forms of a sex-role differentiation is wide, but the main are: traditional, antitraditional and equal in rights, each of which is characteristic for corresponding type of family. **Traditional:** a sex-role differentiation is inherent in families where duties of spouses are distributed strictly in connection with their sex (for a woman – care of the house and education of children, for a man – material maintenance of a family and maintenance of contacts to an external world) and each of them considers such situation normal and unique.

Antitraditional sex-role differentiation meets seldom enough yet and is characteristic basically for families of Sweden and Finland, where not only mother, but also the father can take holiday on care of the child. The form **equal in rights** reflects a situation when both spouses are equally included in realisation of family roles and duties and when everyone answers basically that corresponds to his tastes and possibilities more. Authors had been allocated some parametres distinguishing traditional families from egalitarian and thus characterising degree of traditional character of a family: orientation to a debt, instead of pleasure; the relation to children as to the main family value; representation about necessity of joint actions for any situation: traditional representation about a role of the woman at the work and in the house; representations that functions of education of children and maintenance of an emotional climate in a family are mainly female, and material maintenance of a family – man's; possibility only for the husband to defend the sights, and for the wife to submit in a situation of a disagreement with him; tolerance of the wife to an autonomy of the husband and intolerance of the husband to an autonomy of the wife, traditional cast in spheres of education of children, an emotional climate, material maintenance.

Results of researches have confirmed that specialisation (traditionalisation) of relations during «the transitive» periods promote more effective decision of problems facing a family and consequently should be favourable to a family and positively connected with satisfaction marriage. During «the stable» periods a traditionalisation of relations is not justified and should influence negatively on satisfaction of marriage.

The structure of family roles is not constant during a cycle of development of a family, there are considerable changes in a family in the traditional character plan – egalitarian casts between spouses. Ju. E. Alyoshina, L. Ja. Gozman, E. M. Dubovskaya assert that some shift aside

more traditional relations promotes increase of satisfaction and marriage at certain stages of a cycle of development of a family (for example, during the period after a birth in a family of the child) during other periods increase of satisfaction by marriage is promoted, on the contrary, by increase egalitarian relations.

Analyzing role formation of a young family, E. V. Antonjuk comes to a conclusion about two ways of formation of role structure of a family; the coordination of the acquired specifications, samples, stereotypes (the traditional form) and a way of cast depending on a concrete stage in life of a family and from individuality of partners (the modern form) in the families which have chosen the form equal in rights of a sex-role differentiation. A major factor influencing satisfaction of marriage in traditional families, is conformity of their relations to a sex-role stereotypes and a romantic image of marriage. For spouses from modern families the individualization of relations, their conformity of a concrete reality situation and to requirements of a partner are most important.

Cast between spouses is not the unique characteristic of role structure of a family. There is a number of other parametres which account can promote to a more complete description of matrimonial relations. It is a degree of identification of the person with a role i.e. as far as he considers that for realisation of the given role he really bears responsibility; role competence – as far as the person is capable to realise the given family role effectively; a conflictness of a role which means discrepancy of the various behavioural patterns necessary for an effective impersonation, at least in consciousness of the given person.

So, the role structure of a family is one of the major aspects of home life, and degree of the consent in a family depends mainly from the role interaction of spouses.

Formation of representations about role behaviour in a family is influenced first of all by the parental families of spouses, second, sex-role stereotypes of behaviour of spouses, and, at last, ethnocultural norms of behaviour both in a society, and in a family.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИТЯЗАНИЯ РАБОТАЮЩИХ ЖЕНЩИН В БРАЧНО-СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Е. А. Гайдукова

**Государственный университет управления,
г. Москва, Россия**

Summary. In the article the author shows the basic theoretical appraisal of marriage and family relations and regular work of modern women, and gives diagnosis of pretensions in marriage relations. With a view of the analysis (diagnostics) were

applied the compilation preliminary investigation of gender, descriptive statistics and testing. Source data for carrying out the statistical analysis have been received by the survey among youth and women at a mature age. It's recommended to students of sociological and psychological faculties.

Key words: family, marriage, pretensions, job, charge.

Работа и семья как основа жизни большинства людей существовали всегда, но в современном обществе мы вынуждены говорить о наличии конфликта между данными сферами жизнедеятельности.

Именно женщины в первую очередь становятся заложницами конфликта «работа-семья», поскольку природой на них возложена детородная функция. В наши дни доля экономически активного населения среди женщин примерно соответствует доле мужчин. Несмотря на то, что за последние годы особенно возрос интерес к теме поддержки работающих матерей, широкое участие женщин в трудовой деятельности не привело к устранению различий в сфере занятости между мужчинами и женщинами.

В данной статье по большей части представлен компилятивный материал по результатам проведённых исследований, а также некоторые фрагменты авторских исследований в рамках заявленной тематики.

Сначала остановимся на некоторых результатах исследования, проведённого в рамках проекта «Томская инициатива» [1]. Опрос проводился с 1 по 8 августа 2001 года методом формализованного интервью. Выборка состояла из 1566 совершеннолетних жителей региона.

С точки зрения актуальности темы статьи необходимо подробно рассмотреть психологические портреты сторонников разных ценностей и антиценностей.

Как следует из полученных результатов, к «мужским» ценностям можно отнести Власть, Долг, Законность, Могущество, Независимость, Природу, Профессионализм, Равенство, Родину, Свободу, Смысл жизни, Творчество, Труд, Убеждения, Удовольствие. К «женским» же относятся Вера, Внимание к людям, Доверие, Здоровье, Любовь, Милосердие, Мир, Надежду, Образование, Покой, Порядочность, Развитие, Семью. Очевидно, что «женские» ценности более гуманны. Они ближе к тому, что принято называть общечеловеческими ценностями, и относятся, в первую очередь, к отношениям между людьми, и лишь во вторую – к отношениям человека и государства [1, с. 344].

По результатам данного исследования видно, что «мужские» ценности преобладают у молодых, образованных и особенно у обеспеченных респондентов – именно эти группы респондентов ориентированы на ценность Успеха. «Женских» ценностей больше у пожилых, малообразованных и особенно у малообеспеченных респондентов. Это соответствует хорошо известным положениям теории об

асимметрии гендерных ролей в обществе. В этой связи интересно соотнесение декларируемого поведения в семье с отмеченными особенностями ценностного профиля респондентов.

Преобладающая тенденция декларируемого поведения соответствует модели семьи позднесоветского типа, которую можно описать как нуклеарную, с профессионально занятыми супругами, с небольшим числом детей и по преимуществу с эгалитарной системой власти. Семье этого типа соответствует контракт «работающей матери», который, с одной стороны, отличается от контракта «домохозяйки», базового для традиционной, патриархатной семьи, а с другой – от контракта «равных статусов», соответствующего современной модернизированной семье. Наиболее существенные особенности реального поведения в семье связаны с гендерными и гендерно-возрастными различиями респондентов [1].

Можно сказать, что результаты исследования «Томская инициатива» полностью согласуются с представлением о доминировании мужчин посредством разделения домашнего труда и семейных обязанностей, формирующего и закрепляющего гендерную асимметрию в обществе, а именно: мужчины существенно чаще, чем женщины, поддерживают идею зависимости семейного главенства от экономического вклада супругов; большинство женщин молодого возраста и женщин, имеющих средний достаток, склоняются к тому, что модель семьи с мужчиной-кормильцем – наилучший способ организации семейной жизни; для женщин средних и отчасти старших возрастов наиболее характерна установка на родительскую опеку и контроль за детьми; среди мужчин старших и средне-молодых возрастов больше тех, кто поддерживает норму «двойной занятости», считая, что «замужняя женщина не может долго задерживаться на работе, поскольку у неё есть обязанности по дому».

То есть, модель семьи с мужем-кормильцем признают наилучшей и мужчины, и женщины, но она не превращается в семью с мужским главенством, хотя молодые мужчины воспринимают последнюю в качестве образца.

Таким образом, необходима социальная политика для работающих женщин-матерей, которая предполагает создание оптимальных условий для работы, что отвечает не только экономическим потребностям семьи, но и соотносит требования профессиональной деятельности с семейными ценностями.

Когда научные исследования не ведутся, когда информация разрозненна, появляются социальные мифы, такие, к примеру, что женщина мечтает сидеть дома, занимаясь исключительно семьей, или что она предпочитает материнству карьеру; что мамы детей-дошкольников – неопытные работники, обуза для производства, слабые профессионалы [3]. Мифология тиражируется средствами массовой информации, однако что же происходит на самом деле,

можно выяснить только проведя масштабное социологическое исследование. И одно из таких исследований было проведено на предприятиях самого разного профиля, в сети детских садов во всех административных округах Москвы [3]. В опросах участвовали 1225 женщин от 20 до 45 лет. Статус домохозяйки выбрали менее 10 % опрошенных. С удачливым предпринимательством или карьерным ростом соотнесли себя 10 % респонденток. Предпочтения остальных, то есть подавляющего большинства, связаны с совмещением производственных и семейных ролей.

На вопрос о желательном типе жизненной стратегии ответ «сочетать работу и материнство, иметь собственный доход и достаточно времени для воспитания детей» прозвучал в 80 % анкет.

Как выяснилось, почти треть участниц опроса имеет диплом высшего учебного заведения. У наибольшей доли работающих матерей трудовой стаж получен до рождения ребёнка. Это говорит о новой жизненной стратегии москвичек: сначала сделать карьеру, вырасти профессионально, а потом завести малыша.

Выяснилось, что предпочтения работающих мам связаны со здоровьем детей, то есть с корпоративной медицинской страховкой, сокращающей затраты времени на лечение и диагностику болезней. В этом же ряду значится и скорая по срокам переквалификация вернувшихся из декретного отпуска.

Весьма актуальна у нас так называемая проблема «стеклянного потолка», когда при номинальном равенстве полов создаются незаметные, но труднопреодолимые искусственные барьеры для продвижения женщин по карьерной лестнице. Проявляется это как в занимаемых должностях, так и в уровне оплаты.

В целом исследование подтвердило тот факт, что современные россиянки откладывают опыт материнства на более поздние сроки, отдавая предпочтение выбору профессионального пути, трудоустройству, карьерному росту [3]. Таким образом, у женщин есть несколько стратегий поведения: 1) делать ставку на карьерный рост и максимально реализовываться в общественной жизни, при этом не забывая про детей; 2) сочетать работу и материнство, иметь свой собственный доход и достаточно времени для воспитания детей; 3) быть домохозяйкой, «хранительницей очага».

Обобщая данные, можно сказать, что вопреки бытующим стереотипам большинство современных молодых мам – это активная, образованная и профессиональная группа на рынке труда. Представительницы этой категории работников готовы не только включаться в трудовую деятельность, но и продолжать обучение, наращивать профессиональный потенциал, совмещая работу и домашние обязанности.

Также хотелось бы отметить краткие результаты ещё одного масштабного исследования, проведённого в рамках исследова-

тельского проекта «Гендерные вопросы России в конце XX века: фокус-групповое исследование в городской и сельской местности» [2]. За период с 25 мая по 24 июня 1999 г. были проведены 64 фокус-группы и 16 глубинных интервью в четырёх регионах России: в г. Москве и Московской области, в г. Великом Новгороде и Новгородской области, в Республике Дагестан, в Республике Саха (Якутия). Цель исследования заключалась в анализе гендерных вопросов, в экономических, социальных и социокультурных проявлениях жизнедеятельности россиян и россиянок, переживающих период реформ.

Для нас представляет интерес та часть работы, которая была посвящена изучению стратегий поведения в сфере семьи и трудовой деятельности респонденток. Выяснилось, что большинство респондентов и респонденток отмечало относительно большие адаптивные способности женщин к изменениям на рынке труда: женщины гибче и могут найти работу быстрее мужчин – как правило, эти виды работ не соответствуют профессиональному и образовательному статусу женщин, то есть женщины жертвуют знаниями и навыками ради выживания семьи в большей степени, чем мужчины. Более образованные женщины обладают большими адаптивными способностями, чем мужчины аналогичного уровня образования. Женщины как менее требовательные к качеству рабочего места, часто подрабатывают одновременно на нескольких работах с невысокой оплатой труда. Бюджетом домохозяйства чаще всего распоряжается женщина. В более обеспеченных семьях бюджет реже бывает общим, муж пытается контролировать расходы жены (даже при условии значительной доли женских доходов в семейном бюджете) [2, с. 106–107].

Далее рассмотрим результаты авторского исследования «Притязания женщин в брачно-семейных отношениях», которое было проведено в 2009 и 2010 гг. (2 этапа). В рамках данного исследования изучались мнения женщин разных репродуктивных статусов по методике «Ролевые ожидания и притязания в браке». Данная методика была разработана А. Н. Волковой и позволяет определить представления супругов (женщин) о значимости семейных ценностей, о желаемом распределении ролей между мужем и женой при реализации семейных функций.

Характер супружеских отношений во многом зависит от степени согласованности семейных ценностей мужа и жены и ролевых представлений о том, кто и в какой степени отвечает за реализацию определённой семейной сферы. Адекватность ролевого поведения супругов зависит от соответствия ролевых ожиданий ролевым притязаниям супругов.

Следовательно, было сделано предположение о том, что представления женщин о семейных ценностях (о распределении ролей в

семье) будут различаться в зависимости от их репродуктивного статуса (наличия или отсутствия детей в их семьях).

В нашем исследовании (опрос и тестирование) принимали участие только женщины репродуктивного возраста – 76 человек. Опрос респонденток проводился в два этапа: 1 этап – в марте – апреле 2009 года (38 опрошенных); 2 этап – в мае 2010 года (38 опрошенных). Выборка стихийная, нерепрезентативная.

В результате опроса работающих женщин-матерей (опрос проводился в 2010 году) выяснилось следующее: большинство респонденток работают (90 %) в частном (39 %) или государственном (36 %) секторе экономики; 63 % не учитывали при устройстве на работу наличие удобных условий в случае наступления беременности; у женщин на рабочем месте в последние месяцы беременности возникали следующие типовые проблемы: отдалённость рабочего места, загруженность транспорта (64 %), состояние здоровья, не позволяющее работать (24 %), недоброжелательное отношение руководства (16 %); к основным условиям организации труда для женщин, имеющих детей дошкольного возраста были отнесены следующие: возможность отпуска летом (53 %), близкое расположение работы от дома (50%), гибкий график труда (50 %) и т. д.; 78 % респонденток состояли на момент опроса в браке, причём абсолютное большинство – в зарегистрированном браке (90 %); у всех замужних опрошенных женщин мужья работают.

Если рассмотреть иерархию жизненных ценностей в разных сферах жизнедеятельности, то работающие родительницы расположили их в следующем порядке (по мере убывания значимости): материальное благополучие, иметь хорошее здоровье, чтобы брак был стабильным, хорошие жилищные условия, заниматься любимым делом, достичь успехов в работе, общаться с друзьями, состоять в браке, иметь одного ребёнка, интересно проводить досуг, реализовать себя в различных сферах жизни, иметь двоих детей, иметь троих детей.

При опросе женщин разных репродуктивных статусов (2 выборки – 76 респонденток) на вопрос «Каково Ваше отношение к браку?» были получены следующие распределения ответов: официальный брак необходим для полноценного воспитания детей – 46 %; женщина, вступившая в официальный брак, чувствует себя в жизни уверенней – 26 %; официальный брак создаёт материальную опору семьи – 18 % и т. д. По данному вопросу также было построено перекрёстное распределение по двум группам женщин: имеющих и не имеющих детей. Большинство женщин независимо от репродуктивного статуса считают, что официальный брак необходим для полноценного воспитания детей; на втором месте ответ «Женщина, вступившая в официальный брак, чувствует себя в жизни уверенней».

При выявлении притязаний в браке анализ проводился между показателями не супругов, а двух подвыборок женщин разных репродуктивных статусов. Респонденткам предлагалось оценить 36 утверждений по четырёхбалльной шкале. Баллы суммировались по каждому показателю шкалы семейных ценностей в соответствии с ключом методики. Обработка и анализ представлений о семейных ценностях и ролевых установок женщин предполагали несколько этапов, однако в рамках данной статьи остановимся на результатах первого этапа.

Была построена иерархия семейных ценностей в зависимости от репродуктивного статуса женщин на основе высоких оценок шкал. Соответственно, женщины, не имеющие детей, первые места присвоили шкалам «внешняя привлекательность» и «социальная активность», в то время как женщины, имеющие детей, первое место в списке шкал присвоили родительско-воспитательной ценности. Также было построено перекрёстное распределение оценок семейных ценностей респонденток разных репродуктивных статусов и рассчитан непараметрический критерий связи Хи-квадрат. В результате были получены статистически достоверные различия между женщинами, не имеющими и имеющими детей, в оценке семейных ценностей по следующим шкалам: интимно-сексуальная, социальная активность–притязание, внешняя привлекательность–притязание.

Таким образом, предположение о том, что представления женщин о семейных ценностях в зависимости от их репродуктивного статуса различаются в нашем исследовании подтвердилась частично, а именно: женщины, не имеющие детей, считают сексуальную гармонию важным условием супружеского счастья; приписывают высокие оценки социальной активности (притязание), которая выражает собственные профессиональные потребности опрошенных женщин, а не их супругов; а также чаще приписывают высокие оценки по шкале внешняя привлекательность (притязание), которая иллюстрирует установку на собственную привлекательность молодых женщин.

По мнению всех опрошенных, в семейной жизни также важны (по результатам высоких оценок) следующие шкалы: личностная идентификация с супругом; характерно собственное активное участие в ведении домашнего хозяйства и низкая степень ожидания от партнёра активного выполнения бытовых вопросов; выраженность установки супруги на активную родительскую позицию брачного партнёра и ориентацию на собственные обязанности по воспитанию детей; высокая степень ориентации женщин на то, что брачный партнёр должен иметь серьёзные профессиональные интересы, а также выраженность собственных профессиональных потребностей женщин и т. д.

Таким образом, основные различия, обнаруженные в нормативных представлениях о семье, обусловлены, главным образом, гендерными и гендерно-возрастными характеристиками респондентов, а также репродуктивным статусом, которые и формируют базовые ценности современных женщин и мужчин в семейной сфере и сфере трудовых отношений.

Нормы поведения в современной семье унаследованы от семьи позднесоветского типа, в которой по причинам социально-экономического характера почти разрушилась роль мужчины – кормильца и главы семьи, но сохранился и поддерживался фундамент представлений о гендерной асимметрии и материнском предназначении женщины.

Библиографический список

1. Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы Мифы / отв. ред. Рябов А. В., Курбангалеева Е. Ш. – М.: Дом интеллектуальной книги, 2003 – С. 334 – 344.
2. Калабихина И. Е. Гендерные вопросы в России в конце XX века: фокус-групповое исследование в городской и сельской местности / Gender Issues in Transition Urban and Rural Russia. – М.: Акисфлат, 2004 – 274 с.
3. Работающие мамы: социальная политика и лучшие практики. Руководитель проекта О. А. Бессолова, президент МОО «Федерация женщин с университетским образованием», председатель Комиссии по улучшению качества жизни москвичей при Общественном совете города Москвы. – М. – 2008 (брошюра).

РЕПРОДУКТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ РОССИЙСКИХ ЖЕНЩИН: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РЕГИОНАЛЬНОЙ СПЕЦИФИКИ

Э. Ф. Калимуллина

**Башкирский государственный аграрный университет,
г. Уфа, Россия**

Summary. Factor preventing positive reproductive behaviour of modern Russian women are considered in the article. Sociological analysis carried out by the author allows her to determine the regional characteristics of the given problem.

Key words: reproductive behaviour, abortion, regional characteristics of reproductive behaviour.

Современное радикальное реформирование российского общества совпало по времени с процессом происходящего в нашей стране масштабного сокращения рождаемости, вызванного женской эмансипацией, сексуальной и контрацептивной революцией, утратой социально-экономических мотивов рождения детей, снижением потребности в них. Предпринимаемые в последние годы руково-

дством страны мероприятия с целью стимулирования рождаемости не дают пока необходимых результатов. Как показывают результаты различных исследований, отсутствие условий для реализации современными женщинами своих репродуктивных установок, невысокий уровень культуры предохранения от нежелательной беременности (больше 30 % женщин, по нашим данным, не предохраняются) приводит к тому, что они довольно часто идут на искусственное прерывание беременности – аборт.

К сожалению, регулирование деторождения и в настоящее время осуществляется не путём применения современных мер контрацепции, а в значительной мере с помощью искусственного аборта. Официальные статистические данные о производимых в нашей стране абортах, в силу низкого уровня репрезентативности применяемых расчётов, можно считать довольно относительными. В целом за период с 1991 по 2003 гг. в Башкортостане, как и по стране, сохраняется тенденция к снижению количества зарегистрированных абортов: если в 1991 г. в Башкортостане было произведено 111,3 тыс. абортов, то к 2001 г. их количество уменьшилось почти вдвое, а в 2003 г. было произведено 46,2 тыс. абортов [1]. Но, к сожалению, растёт количество абортов в возрастной категории женщин до 15 лет: если в 1991 г. было произведено 12 тыс. прерываний беременности в этом возрасте, то к 2003 г. их количество достигло 20 тыс. [2]. Как показывают локальные опросы женщин, перенесших аборт, среди основных причин прерывания беременности они называют: материальные трудности, плохие жилищные условия, удовлетворённость имеющимся числом детей, одиночество или мотив – «потому что все так поступают».

По результатам проведённого нами репрезентативного по всему Башкортостану социологического опроса 446 женщин, их отношение к абортам неоднозначное. 54 % опрошенных относятся к подобному прерыванию беременности отрицательно, из них: 35,2 % считают, что аборт приносит большой вред здоровью женщины, это опасно; 18,8 % утверждают, что прерывание беременности лишает жизни будущего ребёнка, что это грех. Нейтрально отнеслись к абортам 32,5 % опрошенных нами респонденток, которые считают, что иногда аборт бывает единственным выходом для женщины, особенно – в случае, если она не замужем и ребёнок не желателен, а также – если женщины уже удовлетворены количеством имеющихся детей или нет возможности прокормить и обеспечить ещё одного ребёнка.

Одновременно последствия сексуальной и контрацептивной «революций», затронувших в течение последнего десятилетия и нашу страну, привели к широкому использованию средств контрацепции с целью регулирования рождаемости и предотвращения беременности. Так, наш опрос показал, что современные женщины

ведут контроль над возможной беременностью, а именно: 58,3 % опрошенных женщин используют различные способы контрацепции (презервативы – 44 %, внутриматочную спираль – 43,7 %, противозачаточные таблетки – 12,3 %), среди которых оказалось 29,2 % незамужних женщин, 48,4 % замужних, 17,7 % разведённых и 4,7 % вдов. Интересно отметить, что своеобразная «контрацептивная революция» коснулась не только городских женщин, но и особенным образом – сельских, деревенских женщин: из всех женщин, не использующих контрацептивные средства, оказалось 67,5 % городских женщин и только 32,4 % женщин, проживающих в сельской местности. Предпочтения сельских и городских женщин в способах предохранения несколько отличаются. Так, анализ материалов опроса показал, что большая часть городских женщин предпочитает предохраняться от нежелательной беременности во-первых, с помощью презерватива; во-вторых, внутриматочной спиралью; в-третьих, противозачаточными таблетками, тогда как сельские женщины – во-первых, при помощи внутриматочной спирали; во-вторых, презерватива, в-третьих, таблеток. Наличие в городской выборке нашего опроса большого количества незамужних женщин, по всей видимости, привело к доминированию способа «презерватив» среди основных методов предохранения. Это одновременно говорит и о том, что городские женщины обеспокоены не только нежелательной беременностью, но и болезнями, которые могут передаваться в случае незащищённого секса.

Таким образом, анализ региональных особенностей такого «способа» репродуктивного поведения женщин, как аборт, в условиях одного из российских регионов, показывает, что подобная форма прерывания беременности, по применению которой наша страна заметно лидирует не только среди высокоразвитых, но и развивающихся стран, продолжает оставаться одним из главных способов предотвращения от нежелательной беременности, а, следовательно – соответствующего типа репродуктивности.

Библиографический список

1. Статистический ежегодник Республики Башкортостан. – Ч.1. – Уфа: 2004. – С. 121.
2. Следует отметить, что численность женщин до 15 лет в 2003 г. намного превышает их численность в 1991 г.

ГЕНДЕРНОЕ РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА КАК ФАКТОР ОСВОЕНИЯ ЭРГОНОМИКИ РАБОЧЕГО МЕСТА

Л. П. Окулова

Чайковский государственный институт физической
культуры, г. Чайковский, Россия

Summary. Abilities of men and women to master computer technical devices have features. The gender division of labour should be considered at workplace designing. The incorporated project-design will allow to improve workplace ergonomics.

Key words: gender, skill, work, participatory design, ergonomics.

В 1970-х годах появление технических компьютерных устройств привлекло внимание широкого круга заинтересованных лиц. В 1974 году Х. Брэвермен активизировал научные дебаты о влиянии технического прогресса на трудовой процесс в мужских и женских коллективах [2]. Его исследование по созданию эргономизации рабочего места показало различия в восприятии и осваивании техники и технологий мужчинами и женщинами.

За рубежом к 1990-м годам конвергенция трудовых и гендерных исследований в области техники и технологий привела к идентификации нескольких теоретических проблем. Изучение процесса использования компьютерных технологий вскрыло гендерные проблемы умений и навыков проведения эргономичной экспертизы техники, пользовательской причастности к процессу проектирования. Х. Брэвермен утверждает, что более качественные умения при работе с компьютерной техникой традиционно удерживают мужчины, а женщины зачастую с трудом или не в состоянии освоить на рабочем месте инновации, связанные с техническим прогрессом [9]. С. Кокберн, на основе исследования Х. Брэвермена, утверждает, что умение – политическое понятие, которое играет важную роль в поддержании гендерного разделения труда [3]. Л. Шуман и В. Джордан [7] указывают на подчинение женщины авторитетным требованиям, выдвинутым ей мужчинами как второстепенной участнице процесса проектирования и пользователя техники и технологии.

Реалии дня отражают своевременность исследований гендерных различий освоения и применения техники и технологий на рабочем месте. Учёные обратили внимание на возможность свободной группировки объединённого, совместного проект-дизайна как для мужчин, так и женщин в сфере техники и технологий [7,8], и освоению эргономики рабочего места [1,4,5].

А. Намиока и Д. Шулер утверждают, что объединённый проект-дизайн представляет спроектированный подход, который отличается от традиционных процессов дизайна во многих отношениях [7]. Например, это отклоняет предположение, что цель компьюте-

ризации состоит в том, чтобы автоматизировать навыки человека, и вместо этого рассматривает автоматизацию как попытку дать работникам лучшие инструменты для того, чтобы выполнить их работу. В отличие от обычных подходов к проект-дизайну, объединённый дизайн предполагает, что пользователи технологии находятся в лучшем положении, по сравнению с традиционным способом.

Таким образом, работа в процессе проектирования рабочего места должна подвергнуться существенному изменению в рамках гендерных различий и отойти от традиционного отношения проектировщика-пользователя. Исследователи теоретических основ процесса проектирования нацелены на создание процесса развития, который поддерживает совместное, объединённое проектирование систем. Исследователи, работающие в этой области, изучают способы, затрагивающие социальный контекст и соотношения сил на социальный уклон гендерной идентификации. Чтобы противостоять этим трудностям, А. Намиока и Д. Шулер [6] подчёркивают важность демистифицирования технологии и узаконивания женского знания в системном процессе развития. Они утверждают, что это потребует изменений в традиционной системе образования при освоении компетенций как системного развития. Такое изменение должно включить новое понимание социального мира в системном процессе развития.

По мнению Л. Зухмана, объединённый проект-дизайн является центральным и должен выстраиваться в прямом и непрерывном взаимодействии с теми работниками, которые являются окончательными пользователями компьютерных технологий и будут ими пользоваться каждый день, обеспечивая системное развитие [8]. В настоящее время возникают проблемы при проектировании техники для женщин-пользователей компьютерных систем. Эргономика стремится «соединить знание и основные положения таких разнообразных предметов, как психология, биология и техника, чтобы понять пути, по которым работники взаимодействуют со средой» [5] (включая компьютеры), и каким образом среда может быть спроектирована, чтобы облегчить труд. Л. Зухман [8] указывает, что объединённый дизайн неизбежно обеспечит присутствие гендерных ценностей в системном процессе развития. Напротив, Ф. Блекер, С. Браун, указывают, что эргономика не в состоянии принять во внимание сильные социальные и структурные факторы, которые влияют на стратегическое принятие решения [1].

Р. Шипли, изучая позиции женщин в техническом прогрессе, указывает, что эргономические эксперты с готовностью принимают во внимание требования клиентов [5]. Поскольку включение гендера в эргономику находится на стадии становления, то имеется потенциал рассматривания проблем, связанных с экспертизой в технологическом дизайне, связанный и с полом, и с умением использо-

вать на практике дизайн-проект женщинами. Несмотря на то, что некоторые эргономические аспекты обращены в сторону труда женщин, и существует взаимосвязь с дисциплинарной точки зрения, в тоже время категорию пола часто не рассматривают в контексте данных исследований, и взаимосвязь эргономики женского труда отсутствует.

Библиографические список

1. Blacker F. & Brown C. Alternative models to guide the design and introduction of the new information technologies into work organizations. *Journal of Occupational Psychology*. – Vol. 59. – 1986. – Pp. 287–313.
2. Braverman H. *Labor and monopoly capital*. – New York: Monthly Review, 1974.
3. Cockburn C. *Brothers: Male dominance and technological change*. – London: Pluto, 1983.
4. Imada A. & Noro K. *Participatory ergonomics*. – London: Taylor and Francis, 1991.
5. Osborne D. J., Branton R., Leal F. Shipley P. & Stewart T. (Eds.). (1993). *Person-centred ergonomics: A Brantonian view of human factors*. – London: Taylor and Francis.
6. Schuler D. & Namioka, A. (Eds.). (1993). *Participatory design: Principles and practices*. Hillsdale. – N. J.: Lawrence Erlbaum Associates.
7. Suchman L. & Jordan B. (1988). *Computerization and women's knowledge*. In *Women, work and computerization: IFIP conference proceedings, 1988*. – Amsterdam.
8. Suchman L. (1993). *Foreward*. In D. Schuler & A. Namioka (Eds.). *Participatory design: Principles and practices*. Hillsdale. – N. J.: Lawrence Erlbaum Associates.
9. *Women's Skills Development Society of British Columbia. Working women enter the computer age*. – Vancouver: Author, 1986.

ГОМОСЕКСУАЛЬНОСТЬ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СФЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

А. Л. Карпенко

**Московский государственный гуманитарный
университет им. М. А. Шолохова, г. Москва, Россия**

Summary. Homosexuality in modern world. Are you ready to work side by side with bicurious people. Internet research.

Key words: homosexuality, bicurious people, profession.

Для хорошо выполняемой работы не должна быть важна сексуальная ориентация человека. Так считает 64 % женщин и 50 % мужчин, проживающих на территории Российской Федерации. Данная статистика была получена в результате интернет опроса. Опрос проводился на одном из самых популярных женских сайтов (где общаются и обмениваются собственным опытом по воспитанию ре-

бёнка молодые мамы); а также на мужском форуме (сайт для автолюбителей). Мною было опрошено более 150 человек. Опрос заключался в том, что людям предлагалось ответить лишь на один вопрос: «Если ваш коллега по работе, которого вы видите ежедневно и работаете с ним «бок о бок», имеет нетрадиционную сексуальную ориентацию, как вы к этому отнесётесь?»

Для простоты голосования людям предлагалось выбрать один из трёх возможных вариантов ответов:

- 1) мне комфортно работать с кем угодно. Сексуальная ориентация не важна.
- 2) буду испытывать небольшой дискомфорт, но не более.
- 3) скорее всего, не смогу работать с человеком с нетрадиционной сексуальной ориентацией.

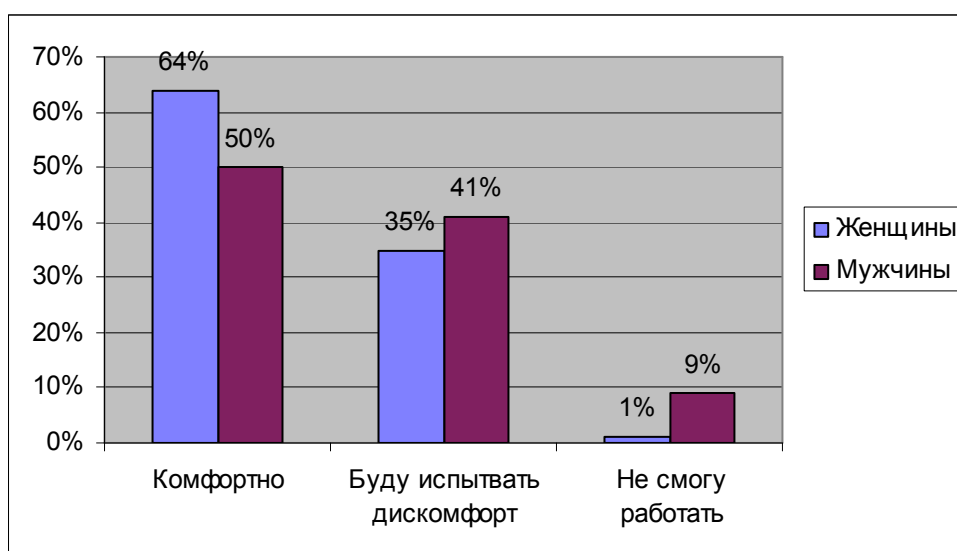

Рис. 1. Отношение женской и мужской группы к сексуальной ориентации коллеги по работе

Современное общество призывает к лояльности к данным людям. Каждый работодатель знает, что по закону сексуальная ориентация человека не должна влиять ни на отношения коллег, ни на возможное увольнение. И в этом случае закон действительно защищает права на интимную жизнь любого человека.

Что касается отношения коллег по работе, то достаточно известно, что женщинам, как правило, нравится общаться с мужчинами-геями. Это связано с тем, что они хорошо разбираются в женской психологии, часто хорошо выглядят, артистичные, общительны и по большей части творческие люди. Если мужчина гей работает в мужском коллективе, скорее всего, он не афиширует свою личную жизнь. Да, так часто бывает, мы и не догадываемся о сексуальных влечениях тех, кого хорошо знаем [3].

Женщины-лесбиянки часто выбирают традиционно мужские профессии, а их коллеги по работе, мужского пола, как ни странно, часто хорошо принимают в своем коллективе таких женщин [5].

«Свой парень» – такое определение мы можем услышать в адрес данной женщины. У женщин, которым приходится сталкиваться по работе с лесбиянками, часто бывает очень интересная реакция. Женщина способна в лесбиянке почувствовать мужские проявления, и тогда обычная женщина, с традиционной сексуальной ориентацией, способна даже к проявлению интереса к женщине лесбиянке, как если бы рядом с ней находился мужчина [1].

В последнее десятилетие наблюдается интересная тенденция. Существуют определённые сферы труда, где неопределённая сексуальная ориентация человека является очень выгодной позицией для него самого [2]. В таких сферах, как шоу бизнес, модельный бизнес, пиар агентства, салоны красоты и т. п., образ человека, который хорошо выглядит, ярко себя преподносит, дорого и стильно одевается, и естественно, является геем, данный образ будет иметь большой успех в привлечении внимания клиента, более простого и заурядного человека. Зачастую эти люди только притворяются геями, лесбиянками, бисексуалами. Они вынуждены себя продавать в таком образе.

Общество стало более лояльно к людям нетрадиционной сексуальной ориентации [4]. Например, в главном офисе компании «Google», геям, которые имеют вторую половину и живут с ней семейной жизнью, предоставляется пособие. Это пособие выплачивают потому, что официально государство таким семьям пособия не выплачивает.

Меняются стереотипы поведения женщины и мужчины. А значит и мы, современные люди, должны лояльно и с пониманием относиться к интересам и интимной жизни партнёра по работе. Но должны ли мы закрывать глаза на образы героев, которые навязывают подрастающему поколению, половая идентификация которых размыта, а моральные качества демонстрируются с отрицательной стороны. Должна ли профессия так сильно влиять на половую идентичность человека? Для ответа на эти вопросы необходимо более серьёзно, тщательно и всесторонне исследовать эту социально-психологическую проблему и выявить её влияние на развитие современного общества.

Библиографический список

1. Гомосексуальность. Естественная история. – Екатеринбург, 2002.
2. Кон И. С. Психология юношеского возраста. – М., 1979.
3. Кон И. С. Лунный свет на заре. Лики и маски однополой любви. – М., 1998.
4. Кернберг О. Отношения любви: Норма и патология. – М., 2009.
5. Берн Ш. Гендерная психология. Законы мужского и женского поведения. – Сп-б., 2008.

АНАЛИЗ КАЧЕСТВЕННОГО СОСТАВА РЕГИОНАЛЬНЫХ ПАРЛАМЕНТОВ ЦФО

О. С. Морозова

Рязанский государственный университет
имени С. А. Есенина, г. Рязань

Summary. Analysis of the qualitative composition of regional parliaments CFD. Pointed out that real equality between men and women change the priorities of state policy and as a consequence of the country as a whole. In this context, examine the current state of affairs with women's representation in regional parliaments on the example of CFD.

Key words: women , regional parliaments.

Перераспределение привычных функций государства с традиционных, связанных в основном с репрессивными и упорядочивающими функциями, в сторону современных, связанных с политикой государства в таких сферах, как образование, здравоохранение, социальное обеспечение, фундаментальная наука вызвано с предъявлением современным обществом более высоких требований к воспроизводству и развитию человеческого капитала. Переориентация задач современного государства сформировала более жёсткий запрос на восстановление гендерного баланса в руководстве государством и создание более оптимального механизма управления страной на всех уровнях. Это и послужило усилением внимания к вопросам продвижения женщин во власть, как к инструменту стабильного, гуманного и устойчивого развития общества, поскольку реальное равноправие мужчин и женщин изменяет приоритеты государственной политики и как следствие жизни страны в целом.

Из исследований ООН [1] следует, что для того, чтобы ощущалось влияние женщин в парламенте как политическом институте власти в стране, реально отражающим состояние дел в гендерном вопросе на уровне принятия судьбоносных для страны решений, необходимо, чтобы они составляли хотя бы 30 процентов от общего числа депутатов. Понижение этого представительства указывает на то, что соблюдение и обеспечение прав человека в соответствии с основными демократическими требованиями не выполняется в полной мере. В Европе, особенно в скандинавских странах, в вопросах гендерного политического равенства ситуация намного лучше, чем у нас. Так, в Швеции на сегодняшний день парламент состоит на 47 % из женщин, в Дании - на 38 % , в Норвегии – 36,1 %, в Финляндии – 41,5 % и т. д. [2] Как следствие положение с вопросом демократизации общества, созданием “человеческих” условий проживания граждан в этих странах так остро не стоит. У нас же в стране, если положение с политической активностью женщин не изменится, то демократическое общество, которое сегодня строится будет демократией без женщин и не

для женщин. Для справки: по показателю участия женщин в парламентах стран Россия с показателем 14 % [2] занимает далеко не лидирующее положение.

Кстати, этот показатель очень гармонично сочетается с индексом развития человеческого потенциала (ИРЧП) и индексом гендерного неравенства (gender gap index)

Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП) – интегральный показатель, рассчитываемый ежегодно для межстранового сравнения и измерения уровня жизни, грамотности, образованности и долголетия как основных характеристик человеческого потенциала исследуемой территории. Он является стандартным инструментом при общем сравнении уровня жизни различных стран и регионов.

Так вот, согласно данным Программы развития Организации Объединенных Наций (ПРООН) за 2010 год [2] Россия занимает в этом рейтинге 65 место после Перу и Албании. Лидирующие позиции занимают страны Европы по списку (см. предыдущий показатель).

Всемирный экономический форум в 2005 году ввёл количественный измеритель равноправия полов, рассчитывая так называемый индекс гендерного неравенства [2], который оценивается по четырём критическим областям неравенства между мужчинами и женщинами:

- участие и возможности в экономической деятельности,
- образовательные возможности,
- участие в политическом процессе,
- здоровье и продолжительность жизни.

В 2007 году (как и в 2006-м) рейтинг равноправия полов возглавили четыре северные страны: Швеция, Норвегия, Финляндия и Исландия. Россия занимает невысокое 45-е место. При этом страна добилась значительного прогресса с точки зрения равноправия полов в экономической сфере (16 место рейтинга стран по экономической активности женщин) и в сфере образования (22-е место рейтинга стран по образовательным возможностям). В то же время Россия отстаёт по уровню участия женщин в политическом процессе (120-е место из 128) [2]. Выводы напрашиваются сами собой: наши мужчины, а именно они стоят сейчас у власти, готовы и допускают наших женщин к станку и (образно выражаясь к кульману), а в институт власти – нет, и это несмотря на то, что женщины зачастую не менее, а порой лучше образованны и компетентны в решаемых вопросах, чем мужчины.

Как итог процессы преобразований и развития в протекают в стране без полноценного участия женщин, что ослабляет их позиции в политической и социально-экономической жизни. Данные тенденции необходимо полностью изменить, чтобы женщины и

мужчины могли равным образом участвовать в процессах преобразований и получать от этого равные выгоды.

И эта задача особенно актуальна для нас, ожидающих, что процессы преобразований будут способствовать развитию демократического управления на принципах интеграции женщин и мужчин в общественно-политические процессы. Доля женщин среди депутатов парламента в большинстве стран медленно, но повышается. Однако повышение роли и расширение участия женщин в политических процессах – это не только вопрос показателей. Гендерные вопросы должны стать неотъемлемой частью политической повестки. Равное участие женщин в процессах принятия решений – это не только проблема прав человека, но и предпосылка построения демократичного общества, в котором политические решения учитывают потребности и проблемы как женщин, так и мужчин. Улучшение гендерного баланса в органах управления поможет укрепить управленческие структуры и снизить их уязвимость в кризисных ситуациях, включая период экономического спада.

В международном сообществе сложился консенсус относительно того, что участие женщин в политической жизни является вопросом прав человека. Конвенция ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (CEDAW) предусматривает равенство женщин и мужчин в вопросах участия и возможностей в политической и общественной жизни, включая право голосовать и избираться на выборах.[1] Ну что ж, будем стремиться, благо, есть на кого равняться.

Рассмотрим, как обстоят дела с представительством женщин в региональных парламентах, взяв ЦФО как один из наиболее благополучных в этом вопросе округов страны.

Таблица 1

Количество женщин депутатов в областных парламентах по ЦФО на 1 апреля 2011 года [3]

№	Регион	Количество депутатов в областном парламенте	Количество женщин депутатов в областном парламенте	%
1	Белгородская область	35	5	14.3
2	Брянская область	60	2	3.3
3	Владимирская область	37	4	8.5
4	Воронежская область	56	3	13.9
5	Ивановская область	47	9	19.1
6	Калужская область	40	13	32.5
7	Костромская область	36	3	8.3
8	Курская область	45	3	6.6
9	Липецкая область	29	3	10.3
10	Московская область	50	5	10.0
11	Орловская область	49	10	20.4

12	Рязанская область	36	2	5.6
13	Смоленская область	48	7	14.6
14	Тамбовская область	50	3	6.0
15	Тверская область	40	5	12.5
16	Тульская область	43	3	7.0
17	Ярославская область	50	5	10.0
18	г. Москва	35	5	14.3

Причём по результатам региональных парламентских выборов 13 марта 2011 года в одном регионе из трёх (Курской обл.) этот показатель опустился ещё (до 6, 6 %), в Тамбовской и Тверской областях составил соответственно 6 % и 12,5 %. Данные удручают. Анализ показывает, что в ЦФО на уровне субъектов практически не ведётся никакая работа по привлечению женщин в региональные парламенты и как следствие этот гендерный дисбаланс не может не сказаться на результатах их работы, в том числе социальной сфере. И как результат – если положение с политической активностью женщин не изменится, то демократическое общество, которое сегодня строится в России, будет демократией без женщин и не для женщин. Это будет демократия с определённым патриархальным уклоном. Существующее положение надо срочно и кардинально менять. Для этого Россия (на всех уровнях, в т. ч. и региональном) должна бы отказаться от прежнего советского патернализма в отношении женщин. То есть от политики, основанной на сочетании скрытой маргинальности женщин и их демонстративной псевдополитической активности, да и исполнительной и законодательной власти надлежало разработать такую систему мер, которая гарантировала бы не только формально-юридическое, но и фактическое равенство политических шансов женщин и мужчин.

Партийцы не должны никогда забывать, что борьба за подлинную демократию включает в себя очень важную составляющую – полное равноправие женщин вплоть до паритета с мужчинами в правительствах, парламентах и во всех институтах государства, обеспечивающих социальную справедливость и стабильность в обществе.

Библиографический список

1. ООН. [Электронный ресурс] / Повышение роли и расширение участия женщин в политических процессах: аналитический обзор и рекомендации для стран Центральной и Восточной Европы и Содружества Независимых Государств–Режим доступа: <http://europeandcis.undp.org/gender/genderandgovernance>. – Дата доступа : 25.02.2011.
2. Доклад о развитии человека 2010. ПРООН Доклад о развитии человека 2010. Реальное богатство народов: пути к развитию человека / пер. с англ.; ПРООН. – М.: Издательство «Весь Мир», 2010. – 244 с.
3. См. сайты региональных парламентов.

РОЛЬ И МЕСТО ЖЕНСКИХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В ОБЩЕСТВЕННО – ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ РОССИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Д. И. Бекижева

Северо-Кавказская государственная гуманитарно-
технологическая академия, г. Черкесск, Россия

Summary. The gender represents system of interpersonal interaction by means of which representation about man's and female as base categories of a social order is created, affirms, proves to be true and reproduced. Female public organizations, owing to specificity of system of values and inherent in women, are on an edge of the decision of the most actual social problems. The inconsistent relation of Russians to participation of women in the politician and public work is distinctly enough shown in their estimations of a role and a place of public organizations of women.

Key words: gender; female public organizations; participation of women in the politician.

Женские общественные организации, в силу специфики системы ценностей и целеполагания, присущих женщинам, находятся на острие решения наиболее актуальных социальных проблем к числу которых, в современных условиях, относятся: проблемы выживания, адаптации, поддержание жизнеспособности и сохранение здорового генофонда нации. Проблемный спектр определил такие области интересов женских общественных организаций как образование, оздоровление, экология и др., так и новые сферы деятельности, относящиеся к общественной и государственной политике, законодательству, экономике и пр. В современных условиях наблюдается достаточно много противоречий в отношениях социальных групп, вызванных устойчивостью прежних, исторически сложившихся, форм взаимоотношений и потребностью в их изменении, продиктованной уже изменившимися экономическими, политическими, правовыми и другими условиями. В словаре по политологии социальная группа определена как «любая относительно устойчивая совокупность людей, находящихся во взаимодействии и объединённых общими интересами и целями; совокупность людей, объединённых каким-либо общим признаком, определяющим её существование как относительно самостоятельного устойчивого образования...» [1]. Анализируя властные взаимозависимости и иерархии структур власти и подчинения, систем доминирования в рамках политических, экономических, правовых, гражданских институтов, внутрисоциальных групп, на межгрупповом и межличностном уровне обратимся к понятию «гендер» и «гендерные отношения». Н. Л. Пушкарёва отмечает, что «гендер представляет собой систему межличностного взаимодействия, посредством которого создаётся, утверждается, подтверждается и воспроизводится представление о

мужском и женском как базовых категориях социального порядка»[2]. При этом гендерные отношения представляют собой вид общественных отношений, которые возникают в процессе воспроизводства человеческого рода и включают социально нормированные взаимодействия половых классов и групп. Социальные группы становятся субъектами политических отношений тогда, когда они осознают и выражают свои интересы, самоорганизуясь для политических действий.

Противоречивое отношение россиянок к участию женщин в политике и общественной деятельности достаточно отчетливо проявляется в их оценках роли и места общественных объединений женщин. На вопрос «О представлении и защите интересов женщин самими женщинами и усилении влияния женских общественных объединений» – 61,8 % опрошенных положительно отнеслись к данному суждению; 10,5 % – оказались не согласными с заявленным утверждением; 27,7 % – затруднились ответить на поставленный вопрос. При этом на вопрос « О существовании не принципиальности различий между общественно- политическими интересами мужчин и женщин, но эффективности их представлений и защитой» – 58,7 % дали положительный ответ; 16,4 % – выразили своё несогласие и 25,0 % не смогли определиться с поставленным вопросом [3]. Возможно, согласие опрошенных с противоположными, на первый взгляд, точками зрения обусловлено тем, что на сегодняшний день в обществе не существует эффективных механизмов представительства и защиты интересов женщин. Их не отстаивают в должной мере ни мужчины, ни сами женщины, во всяком случае, в рамках тех объединений, которые действуют сегодня в стране. И потому женщины заинтересованы прежде всего в эффективности такого рода деятельности, а кто ее будет реализовывать – для них на данном этапе представляется менее актуальным. Но в то же время в будущем необходимо, по их мнению, усиливать влияние женских объединений.

Различный уровень благосостояния опрошенных по разному сказывается на их мнении о роли и месте общественных организаций женщин в общественно-политической жизни в современных условиях. Так, на вопрос «О представлении и защите интересов женщин самими женщинами и усилении влияния женских общественных объединений»: из категории бедных согласны с данным суждением – 67,3 %, не согласны – 8,3 % и с затруднением ответили на поставленный вопрос – 24,4 %; из категории низкодоходных согласны – 66,0 %, не согласны – 11,2 % и с затруднением ответили на поставленный вопрос – 22,8 %; из категории среднедоходных согласны – 60,2 %, не согласны – 10,2 % и с затруднением ответили – 29,7 %; из категории высокодоходных согласны – 52,5 %, не согласны – 14,4 % и с затруднением ответили – 33,1 %. При этом на вопрос

«О существовании не принципиальности различий между общественно-политическими интересами мужчин и женщин, но эффективности их представлений и защитой»: из категории бедных дали положительный ответ – 50,0 %, выразили свое несогласие – 16,7 %, не смогли определиться с поставленным вопросом – 33,3 %; из категории низкодоходных согласны – 56,6 %, не согласны 16,5 %, не смогли определиться – 26,9 %; из категории среднедоходных согласны – 60,2 %, не согласны – 10,2 %, не смогли определиться – 23,2 %; из категории высокодоходных согласны – 65,5 %, не согласны 12,2 % и не смогли определиться – 22,3 %. Отсюда следует, что чем выше уровень благосостояния опрошенных, тем менее они уверены в том, что их интересы способны понять и защитить только женщины, тем терпимее они относятся к общественно-политической деятельности мужчин. Чем ниже уровень доходов у опрошенных женщин, тем более решительно относится к числу наиболее сложных и неоднозначных. Проблема основных форм неравноправия женщин относится к числу наиболее сложных и неоднозначных. Неравенство мужчины и женщины в российском обществе в политической жизни выглядит следующим образом. Так, в политической жизни формы равноправия мужчин и женщин по числу опросов женщин распределяются следующим образом. В сфере получения профессионального образования по возможности с ответом одинаковые права проголосовало – 71,8 %, у мужчин прав больше – 17,1, у меня прав больше – 0,9 % и затруднились с ответом – 10,3 %; в сфере трудоустройства по возможности по профессии с ответом одинаковые права проголосовало – 31,7 %, у мужчин прав больше – 57,8 %, у меня прав больше – 1,4 % и затруднились с ответом – 9,2 %; в сфере трудоустроиться вообще по возможности с ответом одинаковые права проголосовало – 35,2 %, у мужчин прав больше – 52,5 %, у меня прав больше – 1,3 % и затруднились с ответом – 11,0 %; положение в официальных органах власти с ответом одинаковые права проголосовало – 37,3 %, у мужчин прав больше – 23,6 %, у меня прав больше – 4,6 % и затруднились с ответом – 34,5 %. Отчетливую дискриминацию своих прав видит большинство женщин и в ограничении доступа их к участию в политической жизни, которая, в отличие от участия в общественной жизни, означает реальную возможность использования такого важнейшего ресурса как власть. В условиях возросшей конкуренции за любые виды ресурсов, являющейся характерной особенностью рыночных отношений, женщины дискриминируются в важнейших из них – в квалифицированном и высокооплачиваемом труде по специальности и в доступе к власти.

По взглядам российских женщин на то, как изменились их возможности за последние 10 лет можно сделать анализ по результатам их опроса. Почти 80 % россиянок отмечает, что за последние

10 лет женщинам стало труднее найти работу. Можно сказать, что проблема эта общая и затрагивает и мужчин тоже. Однако, если сравнить ситуацию с доступом к работе и доступом к образованию, то видно, что российские женщины очень чутко реагируют на то, где испытываемые ими трудности связаны с ситуацией, переживаемой страной, а где – с усилением реальной дискриминации. Две трети женщин говорят о том, что получить желаемое образование стало труднее, но при этом только 17,1 % из них полагают, что мужчины имеют в этой области больше прав. В ситуации с работой о неравенстве с мужчинами говорит более половины женщин.

Низкое представительство женщин на всех уровнях власти не позволяет им реально влиять ни на формирование политики, ни на принятие решений, учитывающих интересы всего общества и улучшающих их собственное положение. Избравшая нетрадиционную роль лидера женщина должна быть готова к огромной внутренней работе так как она вынуждена утверждать и отстаивать не только свое достоинство как профессионала, но и как представителя дискриминируемой группы. Роль руководителя воспринимается в обществе как мужская, женщине трудно в полной мере удовлетворить ролевые ожидания, она вынуждена играть по мужским правилам, усваивать мужской стиль поведения, отказываясь от женских черт характера, таких как: мягкость, послушность, подчиненность, всё чаще сменяющихся – самостоятельностью, решительностью и смелостью. Характерными особенностями включения женщин в общественно – политическую жизнь являются: высокий образовательный уровень; массовое включение женщин в профессиональную деятельность; участие женщин в неправительственных организациях и объединениях. Демократические преобразования, становление и развитие гражданского общества в Российской Федерации предполагают расширение и укрепление общественных структур, важнейшими из которых являются женские общественные объединения. Именно общественные объединения помогают обществу стать гражданским, а государству – правовым.

Библиографический список

1. Мельник В. А. Современный словарь по политологии. – Мн.: Книжный дом, 2004.
2. Пушкарёва Н. Л. Между «тьмой» и «хаосом». Феминистская эпистемология, постмодернизм и историческое знание // Шорэ Э., Хайдер К. (отв. ред.) Пол. Гендер. Культура. – Вып. 2. – М., 2000.
3. http://www.fesmos.ru/Publikat/10_Woman%20new%20Russia2002/Woman_rus_11.html

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ МИЛОСЕРДИЯ

Е. Г. Логунова

Ижевский государственный технический университет,
г. Ижевск, Россия

Summary. This article is devoted research of the gender dimension of the category of mercy. In the article consider the main differences between male and female mercy.

Key words: mercy, compassion, gender, differentiation.

Зададимся вопросом: насколько милосердие, жалостливость, способность сочувствовать свойственны мужчинам? По существу это два разных вопроса – насколько мужчины способны на эти чувства и насколько они готовы признавать их в себе. Каждый пол по-разному воспринимает слёзы. Женщина принимает плач как естественное проявление своей натуры. Для мужской же слезы не случайно существует литературный штамп – «скупая мужская слеза». Этим подчёркивается, что мужчина пытается сдерживать слёзы, скрывать их от окружающих и даже от самого себя. У каждого человека имеется идеальное представление о том, каким он должен быть. Качества, как плохие, так и хорошие, которые не соответствуют этому идеалу, человек старается не показывать [1].

В понятие милосердия включают способность сострадать, жалеть, утешать. Но всегда ли милосердие строится на эмоциях? Для того чтобы совершился акт милосердия, необходимо сдерживать эмоции. Если для них в душе отведено слишком много места, ничего не получится. В Священном Писании есть такие слова: «Милость и истина встретятся, правда и мир облобызаются» [3]. Бывает милость без правды, без реальной пользы. Тогда она вырождается в пустую эмоцию, в жалостливость. Но бывает и правда без сердечного чувства, и тогда мы наблюдаем сухое, рациональное, безлюбное добро.

Известно, что в каждом обществе, в каждой культуре есть свой образ женственности и мужественности. Образ женщины во все времена был весьма многообразен. Обычно как позитивные оцениваются такие «женские» качества, как милосердие, жертвенность, мягкосердечие, заботливость, склонность к проявлению чувств, мягкость, нежность, застенчивость и скромность, любовь к детям [5]. При этом некоторые профессии, такие как, например, медсестра, нянечка, сиделка, воспринимаются исключительно как женские. Например, профессия медсестры – почти исключительно женская (в классификаторе профессий отсутствует «медицинский брат»), как продолжение функции женщины в семье. Это в свою очередь приводит к тому, что она менее ценится в здравоохранении и хуже оплачивается, но при этом к ней предъявляются повышенные требо-

вания относительно её личностных качеств, таких как способность к сопереживанию, сочувствию, состраданию, умение понять и позаботиться [4]. Если человек зависим от общественного мнения, оно будет во многом определять его «образ Я». Когда сострадательность и мягкость в мужском характере считаются «не модными», мужчина не хочет принимать их в себе.

Таким образом, представление о том, что мужчине труднее следовать заповедям в силу его психологических особенностей, не имеет под собой достаточных оснований. Считается, что простить обидчика, подставить вторую щеку мужчине труднее, поскольку это выглядит как слабость. Действительно, в этой ситуации мужчина может думать, что он таким образом проявляет свою слабость. На самом же деле настоящая сила не нуждается в подтверждении. Однако нельзя отменить тот факт, что для мужчины в значительно большей степени, чем для женщины, характерно стремление к состязанию, победе, лидерству. По сути дела, это языческая установка, и она находит почву в мужском характере.

Исследование в журнале «Consumer Research» показало, каким образом гендер может повлиять на пожертвования и благотворительность. Особенно к тем проблемам, которые требуют немедленного внимания со стороны общественности. Исследователи были заинтересованы тем, как каждый из полов ответил на различные типы потребностей. Исследователи, Карен Пейдж Винтерих, Викас Миттал и Уильям Т. Росс-младший дали участникам своего исследования в США по 5 \$, которые они могли отдать пострадавшим от урагана «Катрина» или жертвам цунами в Индийском океане. Несмотря на то, что мужчины и женщины в США в среднем тратят по 1,1 \$, жертвуя собственным отдыхом, количество пожертвований зависит от гендерных различий, а также от моральных ценностей человека. В ходе эксперимента участники женского пола пожертвовали деньги в равной степени жертвам урагана «Катрина» и цунами, что говорит о том, что женщины придают большое значение нравственным ценностям. Мужской пол пожертвовал больше денег жертвам урагана «Катрина». Данные результаты показали, что благотворительность рассматривается мужчинами не просто как достоинство, но и как степень связи между жертвующим деньги и их получателем: национальная, религиозная, духовная [6].

В чём же разница «мужского» милосердия и «женского»? Милосердие – это своеобразный союз правды (пользы) и милости (чувства), мужское и женское начала должны гармонично соединиться в нём. Таким образом, милосердие – это свойство совершенной целостной Личности. Таким образом, милосердие отчасти предполагает жестокость.

Необходимо отметить, что женское (жалость) означает ещё и материнское, а мужское (жестокость, правда), соответственно, от-

цовское начало. У Эриха Фромма есть довольно точное различие материнской и отцовской любви. Материнская любовь безусловна и принимает по самому факту бытия. Отцовская любовь – это, напротив, любовь по заслугам. Мужское, отцовское милосердие делает человека самостоятельным, независимым, даёт ему уверенность, силу, стимул для роста. В жизни, разумеется, это встречается в той или иной пропорции. В целом каждый человек нуждается и в том, и в другом. Ему недостаточно одного абсолютного принятия, ему необходимы и оценки, и критические суждения [1].

В притче о милосердном самарянине Христос отвечает на вопрос «кто мой ближний?» [2], и ответ его парадоксален. Он не говорит, как человеку узнать, кто его ближний. Он говорит иначе – соверши акт милосердия, стань сам ближним, и тогда ближний появится у тебя. Милосердие ломает условности и социальные границы, сближает и роднит, преодолевает любые барьеры, и в этом его удивительная особенность.

Библиографический список

1. Карпова И. Василюк Ф. Е. Милосердие – не мужское дело? // Нескучный сад. – № 3 (10). – 2004.
2. Лк. 10: 30–37.
3. Пс. 84, 11.
4. Рогачёва Т. В. Мужские и женские стереотипы отношения к здоровью в современной России. [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. – 2010. – № 4. URL: <http://medpsy.ru> (дата обращения: 05.03.2011).
5. Рябова Т. Б. Стереотипы и стереотипизация как проблема гендерных исследований // Личность. Культура. – Общество. Т.V. – Вып.1–2 (15–16). – С. 120–139.
6. Winterich Karen Page, Mittal Vikas and Ross William T. Jr. Donation Behavior toward In-Groups and Out-Groups: The Role of Gender and Moral Identity // Journal of Consumer Research. – 2009.

III. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ГЕНДЕРНОЙ ПСИХОЛОГИИ И ПЕДАГОГИКИ

ПОЛОВЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ЭМОЦИОНАЛЬНОМ РАЗВИТИИ ДОШКОЛЬНИКОВ И ИХ ИСТОЧНИКИ

Н. А. Довгая

Дальневосточный федеральный университет,
г. Владивосток, Россия

Summary. The article describes results of longitude research of emotional development in pre-school childhood. Gender differences in emotional sphere and factories determined them are discussed.

Key words: emotional development, gender differences, decoding emotions, verbalization of emotions, reflection of emotions.

На сегодняшний день существует достаточно много работ, посвящённых изучению половых особенностей. Есть данные о различиях мальчиков и девочек в вербальных и математических способностях, уровне агрессивности, тревожности и пр. Предметом нашего лонгитюдного исследования, которое охватило период жизни детей с 4-х до 6-ти, стало эмоциональное развитие. Оно позволило не только описать динамику становления отдельных компонентов эмоциональной сферы, но и выявить ряд половых особенностей в эмоциональном развитии детей.

Так, по нашим данным, в возрасте 4-х лет девочки лучше определяют эмоции по мимике и лучше сознают, по каким признакам можно идентифицировать эмоции; а их преимущество в вербализации эмоциональных состояний людей сохраняется вплоть до 5-ти лет.

В литературе широко обсуждается вопрос о половых различиях в способности понимать эмоциональное состояние человека по его экспрессии. Считается, что в этом вопросе большее значение имеют гендерные роли и особенности воспитания детей разных полов. По мнению исследователей, для женщин типичны занятия, требующие эмпатии и сочувствия, в то время как для мужчин практически не существует подобного рода ролей [2]. Что касается детей дошкольного возраста, то они реализуют соответствующие их полу гендерные роли в сюжетно-ролевых играх. Важное значение также имеют особенности поведения родителей при взаимодействии с дочерьми и сыновьями. Девочек больше поощряют выражать свои чувства и быть в хороших отношениях с окружающими, а мальчиков – контролировать эмоции и проявлять независимость (Блок, 1997) [1].

Превосходство девочек в вербализации эмоциональных состояний человека, обнаруженное в нашем исследовании, согласуется с классическими данными по этому вопросу. Э. Маккоби и К. Джеклин (1974) доказали, что девочки опережают мальчиков в развитии вербальных способностей в целом [4]. Д. Риджуэй объясняет эти данные тем, что девочек матери обычно больше поощряют к коммуникации по поводу внутренних состояний, учат выражать свои чувства в полной мере, в то время как с мальчиками реже говорят о чувствах и учат ограничивать их проявления [1].

Таким образом, полученные нами данные согласуются с результатами более ранних исследований, свидетельствующих о большей компетентности девочек. Но, несмотря на то, что в целом для девочек характерно более раннее и интенсивное развитие эмоциональной сферы, к 6-ти годам мальчики перестают уступать своим сверстникам в отношении указанных критериев. Кроме того, мы обнаружили некоторые частные преимущества мальчиков, касающиеся решения тестовых задач в отношении отдельных модальностей эмоций. Так, в возрасте 5-ти и 6-ти лет мальчики лучше, чем девочки, справляются с задачей по установлению возможных причин гнева, а также лучше припоминают случаи из своей жизни, сопряженные с эмоцией гнева и удивления.

Что касается преимущества мальчиков в способности актуализировать опыт переживания гнева, то, вероятно, здесь важную роль играет тот факт, что родители чаще обсуждают с мальчиками проявления и причины гнева (Фивуш, 1991) [2]. Кроме того, согласно социальным стереотипам, проявления гнева считаются более приемлемыми для лиц мужского пола, в то время как от девочек же в большей степени ожидается подавление своих негативных эмоций. Как показывают исследования (Коул, 1986; Дэвис, 1995; Б. И. Хасан, Г. М. Бреслав, 1996) [2], уже в дошкольном и младшем школьном возрасте девочки научаются скрывать агрессивные чувства, чтобы сохранить отношения с окружающими. В соответствии с этими рассуждениями, становится возможным утверждать, что у девочек вытесняется опыт переживания гнева, либо они сознательно скрывают эпизоды, связанные с эмоцией гнева, ввиду их социальной нежелательности.

Преимущество мальчиков в актуализации событий, связанных с переживанием удивления можно объяснить, обратившись к следующим данным. По наблюдениям Д. Колесова, круг интересов мальчиков шире, а свободное время более разнообразно, хотя и менее организовано по сравнению с девочками. Столкнувшись с затруднительной ситуацией, девочки чаще апеллируют к помощи взрослого, обращаются за разъяснениями, в то время как мальчики прибегают к самостоятельному анализу и экспериментированию [3]. Эти различия в поведении могут стать фактором, определяющим

более высокие способности мальчиков припоминать случаи переживания удивления. В более широком и более свободном от влияния взрослых пространстве мальчиков, им предоставляется больше возможностей для столкновения с новым, неизведанным материалом, который требует особого осмысления для интеграции в имеющийся у них массив знаний.

Библиографический список

1. Берн Ш. Гендерная психология. – СПб.: Прайм-Еврознак, 2002. – 320 с.
2. Бреслав Г. М. Психология эмоций. – М.: Смысл, 2004. – 544 с.
3. Колесов Д. В. Современный подросток. Взросление и пол. – М.: МПСИ, 2003.
4. Крайг Г. Психология развития. – СПб.: Питер, 2000. – 992 с.

ЛИЧНОСТНАЯ ГЕНДЕРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК СИСТЕМНОЕ СВОЙСТВО ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ ЖЕНЩИН И МУЖЧИН

Н. С. Хоч, М. С. Севостьянова

**Сибирский государственный медицинский университет,
Институт развития образовательных систем Российской
академии образования, г. Томск, Россия**

Summary. The article presents research findings in the internal (from general constitution) factors forming individual personality traits of gender identity of young men and women.

Key words: gender studies, the general constitution of man, individual personal gender identity.

Одной из основных характеристик современной постоянно меняющейся социальной реальности, устойчивой тенденцией развития которой является переход от «узкого» типа социализации (с ориентацией на жёсткие нормативы) к «широкому», предполагающему вариативность норм и поведенческих практик, выступает многомерность её гендерного контекста, нестабильность представлений о женском и женственности, мужском и мужественности [1,2].

Необходимо отметить, что проблема разнообразия содержания и происхождения гендерных характеристик личности – центральной среди которых является личностная гендерная идентичность – в настоящее время весьма актуальна в широком кругу специалистов в области наук о человеке и обществе, и решению её в мировом научном сообществе посвящено большое количество реализованных в разных парадигмах теоретических и эмпирических исследований. Как следствие существует множество описательных моделей мужских и женских гендерных обликов, каждая из которых по-своему

определяет и объясняет природу этих различий: от биполярной биогенетической модели, интерпретирующей социально-психологические различия мужчин и женщин как результат специфических биологических (половых) различий и медицинских мультиполярных гендерных моделей, отражающих прежде всего морфологическое (по строению гениталий) разнообразие или направленность сексуального влечения [3,4,5,6], до психологических мультиполярных моделей, созданных в контексте теорий социально-когнитивного направления и акцентирующих доминирование социокультурных влияний на формирование индивидуальной личностной гендерной идентичности [7,8]. Общим для последних является почти полное игнорирование значения не связанных с полом внутренних факторов, обусловленных общей конституцией человека, для формирования особенностей индивидуально-личностной гендерной идентичности. В частности, нет удовлетворительного ответа на вопрос о том, как и почему в общем социокультурном контексте формируются женщины, равно как и мужчины, с разными гендерными психологическими обликами. Этот вопрос может рассматриваться как частный вариант одной из важнейших научных задач выявления объективных связей социально-психологических и индивидуальных (преимущественно биологических) свойств человека.

В эмпирическом исследовании, результаты которого представлены в статье, был проведён системный анализ данных, полученных с использованием междисциплинарного комплекса методов измерения специфических антропометрических (общесоматических), психофизиологических (нейро- и психодинамических) характеристик общей конституции человека, дополненного методиками оценки гендерных (маскулинных и фемининных) психологических и поведенческих характеристик и статуса идентичности личности. В частности, антропометрический индекс Теннера (ИТ) отражает индивидуальные особенности телосложения, связанные с процессами становления регуляторных механизмов репродуктивной функции [9]. Индексы общей эмоциональности (ИОЭ), психомоторной активности (ИПА), интеллектуальной активности (ИИА), коммуникативной активности (ИКА), отражают стилевые (формально-динамические, темпераментальные) особенности функционирования эмоциональной, психомоторной, интеллектуальной и коммуникативной сфер психики человека [10] и в совокупности позволяют оценивать психодинамические адаптационные ресурсы индивидуальности (выраженные в индексе общей адаптивности, ИОАД). Дополнительно для выявления личностных ресурсов преодоления сложных жизненных ситуаций, в частности устойчивости в целеполагании и мотивации деятельности, самостоятельности в принятии решений и ответственности за их последствия, применялась «Методика диагностики статуса идентичности» (Дж. Марсиа, модифика-

ция Г. и Р. Аминевых). Для оценки актуального содержания индивидуальной личностной гендерной идентичности и гендерных предпочтений применялся тест «Анкета половых ролей Бем» (русская версия Bem Sex Role Inventory) [11]. В этом исследовании анализировались только индексы маскулинности (ИМ) и фемининности (ИФ), отражающие выраженность обобщённых совокупностей маскулинных и фемининных черт личностной гендерной идентичности (в рамках возможностей диагностики этого содержания посредством BSRI по относительно независимым шкалам субъективного личностного отношения).

В исследовании принимали добровольное информированное участие молодые социально адаптированные женщины и мужчины: студенты вузов, успешно обучающиеся на старших курсах, а также недавние выпускники вузов, эффективно выстраивающие свою профессиональную карьеру. Общий объём анализируемых выборок мужчин и женщин составил 267 человек.

Анализ результатов диагностики актуального содержания индивидуальной личностной гендерной идентичности участников исследования показал хорошую сформированность личностных черт и паттернов поведения, входящих в конструкты маскулинности (ИМ) и фемининности (ИФ): не было выявлено ни одного случая «неопределённого психологического гендерного типа». Это вполне согласуется с тем обстоятельством, что все участники исследования имели статус достигнутой идентичности (по Дж. Марсиа). Большинство мужчин (75 %) и женщин (82 %) составили группу «андрогинный психологический тип», для которого характерна высокая степень выраженности (т. е. более 31 балла из 60 возможных) как ИМ, так и ИФ. К группе «маскулинный психологический тип» относились 22 % мужчин и 12 % женщин, к группе «фемининный психологический тип» были отнесены 7 % мужчин и 6 % женщин. Следует отметить, что решение об отнесении к двум последним группам принималось, если величины ИМ и ИФ различались более чем на треть. Проверка с помощью U-критерия Манна-Уитни показала отсутствие статистически достоверных различий исследуемых параметров между группами мужчин и женщин. Всё вышеизложенное позволило сделать вывод о том, что структуры личностной гендерной идентичности социально активных мужчин и женщин, обладающих хорошими ресурсами адаптации к многомерной негомогенной социальной реальности, имеют больше сходства, чем различий. Причём большинство психологических черт и паттернов поведения, традиционно описываемых как маскулинные или фемининные, встречаются у них с практически равной вероятностью.

Исследование взаимосвязей между изучаемыми параметрами, проведённое с использованием метода Спирмена, позволило выделить корреляционные структуры с вертикальными связями между

общесоматическими, психофизиологическими (обуславливающими формально-динамические, стилевые особенности функционирования психики) и личностными (маскулинными и фемининными) характеристиками интегральной индивидуальности (таблица 1).

Корреляционные структуры психологической маскулинности у женщин и мужчин имели существенное сходство и включали психофизиологические индексы ИОАД, ИИА, ИПА, -ИОЭ у женщин и ИОАД, ИИА, ИПА, ИКА и -ИОЭ у мужчин. Кроме того, корреляционная структура маскулинности у женщин также включала общесоматический индекс ИТ.

Таблица 1. Корреляционные связи между индексами активности психических сфер (по Русалову) и индексами психологической маскулинности и фемининности (по Бем)

Параметры	Выборка	Параметры					
		ИОАД	ИПА	ИИА	ИКА	ИОЭ	ИТ
ИМ	Женщины	0,522 (0,001)	0,443 (0,001)	0,529 (0,001)	-	-0,410 (0,001)	0,399 (0,002)
	Мужчины	0,601 (0,001)	0,570 (0,001)	0,607 (0,001)	0,458 (0,002)	-0,482 (0,002)	-
ИФ	Женщины	-	-	-	-	0,374 (0,002)	-
	Мужчины	0,549 (0,001)	0,350 (0,023)	0,479 (0,002)	-	-0,305 (0,044)	-

Примечание: ИОАД – индекс общей психической адаптивности, ИПА – индекс психомоторной активности, ИИА – индекс интеллектуальной активности, ИКА – индекс коммуникативной активности, ИОЭ – индекс общей эмоциональности, ИТ – индекс Теннера; в скобках указаны уровни значимости ранговых коэффициентов корреляции.

Однако корреляционные структуры психологической фемининности мужчин и женщин оказались принципиально различными. Так, психологическая фемининность женщин локальной связана только с психофизиологическим индексом ИОЭ, в то время как корреляционная структура психологической фемининности мужчин практически повторяла структуру психологической маскулинности и включала ИОАД, ИИА, ИПА, -ИОЭ.

Сходство психофизиологических составляющих корреляционной структуры маскулинности у мужчин и женщин свидетельствует, во-первых, о значимости формально-динамических (стилевых) свойств психомоторной, интеллектуальной, коммуникативной сфер психики как мужчин, так и женщин, для формирования психологических свойств и паттернов поведения, образующих конструкт маскулинность; во-вторых – об отсутствии прямой зависимости этих личностных черт от специфических биологических (половых) раз-

личий. В то же время, выявленная в нашем исследовании принципиально разная межуровневая корреляционная структура конструкторов психологической фемининности у мужчин и женщин требует дополнительного изучения.

Тем не менее результаты, полученные в нашем исследовании, свидетельствуют о том, что современный многомерный внешний культурный контекст не является единственной глобальной детерминантой становления гендерного психологического облика человека. Исследование гендерных характеристик индивидуальности с позиций системного подхода показало, что уникальность гендерного облика и мужчин и женщин формируется не случайным образом и не только под влиянием условий социализации, а в тесной взаимосвязи с определёнными анатомо-физиологическими и психофизиологическими свойствами целостной многоуровневой иерархической системы интегральной индивидуальности.

Библиографический список

1. Кон И. С. Междисциплинарные исследования. Социология. Психология. Сексология. Антропология. – Ростов н/Д: Феникс, 2006. – 605 с.
2. Клецина И. С. Психология гендерных отношений: теория и практика. СПб.: Алетейя, 2004. – 408 с.
3. Money J. Linguistic resources and psychodynamic theory // British Journal of Medical Sexology. – 1955. – Vol. 20. – Pp.264–266.
4. Кон И. С. Пол и гендер. Заметки о терминах // Андрология и генитальная хирургия. – 2004. – № 1–2. – С. 31–35.
5. Zucker K. F. Gender Identity Disorder// Child and Adolescent Psychiatry. Ed. by M. Rutter and E. Taylor. 4th ed. Oxford: Blackwell. – 2002. – Pp.737–753.
6. Fausto-Sterling A. The five sexes: Why male and female are not enough// The Sciences. – 1993. – Vol. 33. – № 2. – P. 19–24.
7. Stockard J., Johnson M. Sex Roles. New York: Science House, 1980. – 225 p.
8. Unger R. K. Imperfect reflections of reality: Psychology constructs gender // R.T Hare-Mustin, J. Maracek (Eds.), Making a Difference: Psychology and the Construction of Gender. – New Haven, CT: Yale University Press. – 1990. – P. 102–149.
9. Никитюк Б. А., Корнетов Н. А. Интегративная биомедицинская антропология. – Томск: Изд-во ТГУ. – 1998. – 182 с.
10. Русалов В. М. Формально-динамические свойства индивидуальности человека (темперамент). Краткая теория и методы измерения для различных возрастных групп: методическое пособие. М.: ИП РАН. 2004. – 136 с.
11. Пайнс Э., Маслач К. Практикум по социальной психологии. – СПб.: Питер, 2000. – 406 с.

СПЕЦИФИКА ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МУЖЧИН

Л. В. Деркачёва

Мурманский институт экономики Санкт-Петербургской академии управления и экономики, г. Мурманск, Россия

Summary. The article is devoted to studying the problem of gender-specific. Describes the rules of gender male role. Summarizes the essence of gender conflict. Provides an analysis of the male gender-role stress.

Key words: women's studies; men's studies; gender; gender role; femininity; masculinity; male gender role stress, gender aggression; gender-role conflict; the Physical Toughness Norm; the Mental Toughness Norm.

Существенное возрастание научного интереса к проблеме гендера в обществе связано с возникновением и развитием первой волны феминизма, зародившейся на Западе в конце XVII века и продолжавшейся до начала XX века. В конце 60-х годов XX века на Западе возникла вторая волна феминизма, в русле которой стали развиваться гендерные исследования, призванные институционализировать женские исследования (women's studies).

Развитие феминизма и посвящённых этому явлению исследований приобрело чрезмерный резонанс в обществе, что существенно понизило социокультурный статус мужчин, а это, в свою очередь, вызвало негативную социокультурную реакцию с их стороны. В связи с этим возникли вопросы о мужской идентичности, о тенденциях изменений социальной роли мужчины и женщины, кризисе маскулинности, новом месте и роли мужчины в обществе.

В начале 90-х годов XX века появляются отечественные работы в области гендерологии, развивающиеся в двух направлениях: women's studies (женские исследования) и men's studies (мужские исследования). Однако и в российский науке мужские исследования в настоящее время заметно отстают по объёму публикаций и обществу резонансу от женских.

Развитие и оформление men's studies (мужские исследования) в научную отрасль в мировой науке стало поворотным моментом в конструировании гендерных исследований. Мужественность казалась ясной, естественной и противоположной женственности. Однако современные тенденции в мире и обществе повлекли значительные социокультурные трансформации, и как следствие, изменение образа мужчин и женщин в обществе, семье, профессиональной сфере.

Теоретический анализ гендерных исследований современных отечественных и зарубежных ученых, обозначил многообразие подходов к пониманию деятельности мужчин и женщин, социальных отношений между ними и социокультурного пространства жизнедеятельности, которое является, с одной стороны, единым, а с дру-

гой, имеющим яркие индивидуальные различия. Сравнительный анализ использования в научных исследованиях понятий «гендер», «пол», «психологический пол» (Stoller, 1968, Bem, 1988, Deaux, 1985, Ануфриева, 2001, Геодакян, 1971, Кон, 2001, Каган, 1989, Лопухова, 2000 и др.) позволяет охарактеризовать психологические аспекты гендерных исследований.

Итак, «гендер» – это психологическое понятие, включающее в себя социальный, культурный и исторический контекст; характеризующее представления общества в данных контекстах о мужчине и женщине. Словарь гендерных терминов так определяет понятие «гендерная роль» – это один из видов социальных ролей, набор ожидаемых образцов поведения (или норм) для мужчин и женщин [13, с. 70]. Маскулинность и фемининность выступают измерениями гендера [4, с. 562–605], [6], являясь одновременно психологическими свойствами личности [2, с. 354–364]. Содержание понятия «психологический пол» определяется индивидуально-психологическим уровнем анализа поведения и деятельности. Понятие «гендер» подчёркивает социально-психологическую сущность явлений в поведении человека, происхождение которых связано с половой принадлежностью индивида, при этом формируются они исключительно в условиях социальных взаимоотношений.

Таким образом, гендерный анализ психологических явлений представляет собой изучение поведения мужчин и женщин в социальном контексте.

Изучение гендерных различий может быть реализовано через изучение психологических особенностей деятельности субъектов с разным уровнем маскулинности и фемининности; через изучение социального взаимодействия, ролевого поведения мужчин и женщин; через изучение социально-психологических отношений и психологии совместной деятельности представителей больших социально-демографических групп – мужчин и женщин.

Так в российской культуре особенности проявлений маскулинности и фемининности связаны с равной ценностью маскулинной и фемининной моделей поведения, которые являются в российском обществе взаимодополняющими друг друга и с редкой представленностью яркой выраженности этих моделей поведения. Ослабление поляризации гендерных ролей не устраняет половых и гендерных различий в социальной сфере, особенно в такой чувствительной области, как соотношение общественно-производственных и семейных функций. Это существенно увеличивает вариативность норм маскулинного и фемининного поведения в российском обществе и указывает на то, что содержание гендерных моделей поведения мужчины и женщины может быть определено только относительно друг друга, путём соотнесения их друг с другом. При этом

важную роль играет социальная оценка сферы деятельности – как более подходящей для мужчины или же для женщины.

Однако российское гендерное сознание, как мужское, так и женское, значительно более консервативно; принцип гендерного равенства оно чаще принимает на словах, чем на деле, нередко он вызывает откровенный скепсис; расхождение мужских и женских социальных ожиданий и предъявляемых друг другу требований здесь больше, чем на Западе; системное недопонимание социального характера гендерных проблем сочетается с сильной переоценкой возможностей государственной власти в их решении [5, с. 37–43].

Происходящая в настоящее время трансформация образов феминности и маскулинности связана с изменением гендерной культуры людей, резким увеличением людей с нетрадиционной сексуальной ориентацией, нежелание мужчин выполнять свои исторически сложившиеся функции, т. е. происходит очевидное изменение социокультурного статуса полов, это становится серьёзной общественной проблемой. Тем не менее многие мужчины при любой возможности пытаются подтвердить свою мужественность, самоутвердиться в традиционном качестве мужчины, остро переживают утрату отдельных признаков, обеспечивающих маскулинность.

Подобные мужские переживания приводят к гендерно-ролевому стрессу, гендерной агрессии и гендерным конфликтам. Данную проблематику изучали отечественные и зарубежные учёные. Среди них И. В. Грошев, И. Кон, Ш. Берн, Д. Гилмор, Plesck, J. H., O'Neil, Р. Бэрн, Д. Ричардсон и др.

Под мужской гендерной ролью понимают набор правил и социальных норм поведения, диктуемых обществом и традиционно присущих данной культуре, посредством которой происходит социализация мужчины.

В современной российской культуре от мужчины ждут активности, нацеленности вовне, силы, авторитарности. Хотя мужчина традиционно считается добытчиком и главой семьи, всё же его основная деятельность проходит вне дома. Именно вне дома – в том числе в профессиональной сфере – мужчина, пытается реализовать свою мужественность, потому что он понимает, что это обязательное и неотъемлемое качество каждого мужчины.

Ш. Берн выявила основные нормы мужской роли. Мужские гендерные роли, по её мнению, связаны с некоторыми факторами, во-первых, «... с ожиданиями, что мужчины завоёвывают статус и уважение других (норма статуса). Второй фактор, норма твёрдости, отражает ожидания от мужчин умственной, эмоциональной и физической твёрдости. Третий фактор – это ожидания того, что мужчина должен избегать стереотипно женских занятий и видов деятельности (норма антиженственности) [1, с. 167].

Ш. Берн считает, «...что мужчин нередко принуждают к агрессии окружающие. Кто-либо ставит под сомнение их самоуважение или общественное положение, а мужчины представляют, что в глазах других их пассивность будет оценена негативно» [1, с. 111–112]. Мужчины выбирают социальные роли, которые априори предполагают проявление агрессивного поведения (военное дело, спорт и др.), «...приобретая, таким образом, навыки и опыт агрессивных действий» [1, с. 111]. Принято считать, что мужчины более агрессивны, чем женщины, и более склонны в своих взаимоотношениях с другими выбирать в качестве модели поведения агрессию, особенно физическую.

С одной стороны, утверждается, что мужчины уже на генетическом уровне запрограммированы на большую склонность к агрессии, чем женщины. С другой стороны, во многих культурах считается, что представители мужского пола не только являются, но и должны быть грубее, самоувереннее и агрессивнее женщин. И. С. Кон отмечает, что по большинству критериев, как частные самооценки, так и общее, глобальное самоуважение у мужчин выше, чем у женщин, что даёт мужчинам определённые социальные преимущества. Но полезная уверенность в себе часто оборачивается у мужчин и мальчиков необоснованной самоуверенностью, завышенной самооценкой, а то и просто средством психологической самозащиты [4].

Норма твёрдости существует у мужчин в нескольких формах: физической, умственной и профессиональной.

«Норма физической твёрдости (The Physical Toughness Norm) есть не что иное, как ожидание от мужчины физической силы и мужественности. Это стереотип мужественности, согласно которому мужчина должен обладать физической силой и высокой биологической активностью» [1, с. 173–174].

«Норма умственной твёрдости (The Mental Toughness Norm) – это стереотип мужественности, согласно которому мужчина должен быть знающим и компетентным» [1, с. 176]. Норма умственной твёрдости в первую очередь доказывает то, что мужчина должен быть не только сильным, мужественным и богатым, но и умным и компетентным.

«Норма эмоциональной твёрдости – это стереотип мужественности, согласно которому мужчина должен испытывать мало чувств и быть в состоянии разрешать свои эмоциональные проблемы без помощи окружающих» [1, с. 177].

В первую очередь эта норма проявляется в известной аксиоме, что настоящие мужчины не плачут. Потому что это является проявлением слабости и эмоциональной неуравновешенности. «Они всегда должны сдерживать эмоции, чтобы не показать своей слабости. Мужчины, как правило, не любят женских слёз, потому что

они вызывают у них либо жалость, либо раздражение и, естественно, не считают допустимым такой способ выражения чувств для себя» [1, с. 167]. Кроме того, по мнению Ш. Берн, мужчины боятся самораскрыться, поскольку могут быть непонятыми другими мужчинами, самораскрытие или «душевный разговор» с одной стороны предполагает и ответную реакцию с другой. Если же ответного раскрытия не произошло, то возникает дисбаланс. И чтобы этого избежать, некоторые мужчины вообще стараются ни перед кем не раскрываться.

Идею о дисфункциональности и противоречивости аспектов традиционной мужской роли предложил в новой парадигме Pleck [9. pp. 217–237]. Эту новую парадигму он назвал напряжение мужской гендерной роли. Например, от мужчин ожидается проявление большего контроля над чувствами, чем от женщин, мужчин часто описывают отчуждёнными от своих чувств; в то же время поощряется проявление злости и импульсивности, особенно в отношении других мужчин, считающееся доказательством подлинной мужественности. Противоречия выявляются и в сфере отношений мужчин друг с другом. Традиционная мужская половая роль предписывает мужчине иметь сильные эмоциональные связи с другими мужчинами, но эти однополые связи часто принимают формы, которые ограничивают развитие более близких отношений (например, друзья занимаются спортом или разговаривают о футболе; основной формой проявления чувств у них будут взаимные поддразнивания).

Помимо позитивных аспектов мужественности, таких, как настойчивость и уверенность, для каждого конкретного мужчины существуют и негативные последствия традиционной социализации. Так, Eisler отмечает, что вместо того, чтобы быть источником идентичности, мужская гендерная роль часто оказывается причиной тревоги и напряжения. В ситуациях, когда мужчине сложно поддерживать стандарт мужской роли или когда обстоятельства требуют от него проявления женских моделей поведения (например, заботы и сопереживания), которых просто нет в его репертуаре или они есть, но запрещены мужской ролью, возникает стресс. Этот стресс Айзлер называет мужским гендерно-ролевым стрессом (МГРС) (Male gender role stress). Айзлер отмечает, что МГРС положительно коррелирует со злостью и повышенным уровнем тревоги у мужчин. И. С. Кон считает, мужчина, ставя перед собой заведомо неосуществимые задачи быть первым везде и во всём – сплошь и рядом терпит поражение, в результате чего ощущает свою маскулинность несостоявшейся и ищет выход в пьянстве, самоубийстве или агрессии. (Кон)

Мужской гендерно-ролевой стресс является частным случаем гендерно-ролевого конфликта (gender-role conflict) – психологические состояния, появляющиеся в ситуациях, когда гендерные роли

оказывают негативное влияние на человека и его окружение. Подобную идею, только более общую, выдвинул O'Neil, который говорил о гендерно-ролевом конфликте – психологическом состоянии, появляющемся в ситуациях, когда ригидные, сексистские или ограничивающие гендерные роли имеют негативные последствия или оказывают негативное влияние на человека и тех, кто с ним контактирует [9]. Например, гендерно-ролевой конфликт может возникнуть, когда мужчина ограничивает своё поведение или поведение других, исходя из традиционных гендерных ролей, когда окружающие оказывают на него давление за нарушение норм мужественности или когда он подавляет себя или окружающих из-за того, что они не стараются соответствовать роли.

Модель гендерно-ролевого конфликта включает в себя 6 паттернов:

1. Ограничение эмоциональности – трудность в выражении своих собственных эмоций или отрицание права других выражать эмоции.
2. Гомофобия – боязнь гомосексуалов, включая стереотипы о последних.
3. Социализация контроля, власти и соревнования.
4. Ограничение сексуального поведения и демонстрации привязанности.
5. Навязчивое стремление к соревнованию и успеху.
6. Проблема с физическим здоровьем, возникающая из-за не правильного образа жизни.

Гендерно-ролевой конфликт отражается как во внутриличностной, так и в межличностной сфере. У мужчин появляется тревожность, депрессия, снижение самооценки и стресс. В межличностной сфере страдает интимность и снижается удовлетворённость отношениями, появляются конфликты на работе, всплывают вопросы власти и контроля в паре, возникают эпизоды физического и сексуального насилия [9]. В исследованиях уже было изучено, как мужественность достигается посредством деструктивных форм поведения, таких как преступление и хулиганство [8].

Трудности и противоречия мужской психологии как отмечает И. С. Кон, наглядно фокусируются в проблемах мужского здоровья. Представление о мужчинах как о «сильном поле» находится в противоречии с низкой продолжительностью мужской жизни. Между тем один из социальных факторов мужского (не)здоровья – именно традиционная маскулинная идеология: не обращаться к врачу, не признавать своих слабостей, избегать самораскрытия и т. д. [4, с. 562–605].

Таким образом, как подчёркивает Ш. Берн, гендер – это социальная норма, к которой мы приспосабливаемся в силу нормативного давления (желания социального одобрения) и информационного

давления (использования социальной информации, помогающей нам определять реальность).

Совсем недавно исследователи мужественности высказали идею о том, что более корректно было бы говорить о многочисленных мужественностях. Другими словами, они признали важность влияния расы, национальности, принадлежности к определённому социальному классу и субкультуре, сексуальной ориентации на то, что именно вкладывается в понятие «мужественности». Исследования мужественности сами по себе являются в науке новым феноменом, а работы, касающиеся изменений понятия о мужественности в разных подгруппах, встречаются довольно редко.

Библиографический список

1. Берн Ш. Гендерная психология. – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2002. – 320 с.
2. Bem S. Gender schema theory: a cognitive account of sex typing / *Psychol. review.* – 1981. – № 88. – P. 354–364.
3. Deaux K. Sex and gender / *Annual Review of Psychology.* – 1985. – № 36. – P. 49–81.
4. Кон И.С. Мужские исследования: меняющиеся мужчины в изменяющемся мире / Введение в гендерные исследования: учебное пособие / под ред. И. А. Жеребкиной. – Ч. 1. – Харьков, СПб.: Алетейя, 2001. – С. 562–605.
5. Кон И. С. Мужская роль и гендерный порядок // *Вестник общественного мнения.* – 2008. – № 2 (март–апрель). – С. 37–43.
6. Коростылёва Н. Н. Гендерный конфликт как разновидность социального конфликта. дисс. ... канд. филос. наук. – Воронеж, 1998.
7. Лопухова О. Г. Психологический пол личности в современных социальных условиях. дисс. ... канд. психол. наук. – Казань, 2000.
8. Newburn, T. & Stanko, E. A. (1994) *Just Boy's Doing Business? Men, Masculinities, and Crime.* – Routledge.
9. O'Neil, J. M., Good, G. E., & Holmes, S. (1995). Fifteen years of theory and research on men's gender role conflict: New paradigms for empirical research. In R. Levant and W. Pollack (Eds.), *Foundations for a new psychology of men.* – New York: Basic Books.
10. Pleck et al., 1993 Pleck, J. H. (1993). Are 'family-supportive' employer policies relevant to men? In J. C. Hood (Ed.), *Men, work, and family* (pp. 217–237). – Newbury Park, CA: Sage.
11. Pleck J. H. (1987). The theory of male sex-role identity: Its rise and fall, 1936 to the present. In H. Brod (Ed.), *The making of masculinities* (pp. 21–38). – Boston: Alien & Unwin.
12. Stoller R. J. Sex and gender. – N.Y., 1968. – P. 8–9.
13. Словарь гендерных терминов. – М., 2002. – С. 70.

ФАКТОРЫ ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Н. А. Самойлик

Кузбасская государственная педагогическая академия,
г. Новокузнецк, Россия

Summary. In the article, there considered the subject of gender identity, which has its specific characteristics and factors of development. The article also provides a detailed classification of crisis gender identity according to works of Ts.P.Korolenko and N.V.Dmitrieva.

Key words: gender identity, gender identity crisis, gender role, intrapersonal conflict, interpersonal conflict.

Актуальность многопланового изучения гендерного конфликта в современном обществе не вызывает сомнения. В условиях постмодернистского мира под влиянием новых психокультурных, духовных и экономических факторов происходит трансформация гендерной идентичности. Следствием такой динамики в мире становится изменение ценностно-смысловых установок, социальных ролей. В результате человек начинает сомневаться в своей идентичности, возникает ощущение «утраты себя».

Рассмотрение специфики кризиса гендерной идентичности необходимо начать с определения идентичности как личностного образования. Начало изучения идентичности, как необходимого элемента в структуре личности, было положено в работах Э. Эриксона, определявшего идентичность как ««конфигурацию, которая возникает путём успешного эгосинтеза и ресинтеза в течение детства. Эта конфигурация постепенно объединяет конституциональные задатки, базовые потребности, способности, значимые идентификации, эффективные защиты, успешные сублимации и постоянные роли» [8, р. 32].

Однако процесс развития идентичности не является линейным и продолжается всю жизнь. Развитие идентичности сопровождается прохождением кризисов – периодов жизни, когда возникает конфликт между сложившейся к данному моменту структурой идентичности и требованиями личностного развития. Для выхода из кризиса человеку необходимо приложить усилия для реализации новых целей, усвоения новых ценностей.

Согласно Э. Эриксону, базисный конфликт шестой стадии психосоциального развития – интимность против изоляции – связан со становлением гендерной идентичности индивида. Очевидно, что гендерная идентичность является одной из базовых характеристик личности, признающих свою тождественность и уникальность.

В литературе отмечается, что кризис гендерной идентичности – это один из вариантов кризиса идентичности личности, имеющий

свои специфические характеристики [2, 4, 6]. При этом немаловажной особенностью кризиса гендерной идентичности является «переживание непоследовательности изменения себя как мужчины или женщины, рассогласование внутренних ценностей (образов и идеалов маскулинности/феминности), неприятие себя или отдельных сторон своей личности как мужчины или женщины» [6].

Наиболее общепринятой в современной психологической науке становится позиция, согласно которой гендерная идентичность входит в социальную идентичность и является её структурным компонентом. С точки зрения теории социальной идентичности, разработанной Н. Tajfel, J. C. Turner, гендерная идентичность конструируется в процессе социализации [9]. Авторы следующим образом характеризуют процесс возникновения кризиса гендерной идентичности: актуализируют гендерную идентичность, человек начинает воспринимать и относить себя к группе людей с общими, типичными характеристиками. В разных ситуациях личность начинает действовать, реализуя гендерные стереотипы поведения, нередко испытывая при этом кризис, сопровождаемый ролевым конфликтом, кризисом феминности/маскулинности, повышением тревожности и ощущением фрустрации (там же). В итоге развивается кризис гендерной идентичности, выраженный в невозможности достижения согласованности внутренних компонентов и внешнего подтверждения гендерной идентичности.

В рамках отечественной психологии кризис гендерной идентичности рассматривается в двух плоскостях. Первая плоскость связывает кризис гендерной идентичности с нарушением «образов и норм маскулинности и феминности, связанное с «размыванием» или, наоборот, излишней стереотипизацией норм в коммуникационных каналах социума» [6]. Вторая плоскость рассматривает кризис гендерной идентичности как внутренний конфликт, сопровождаемый потерей ощущения целостности себя как представителя конкретного пола [2, с. 205].

В исследовании И. С. Клециной, выполненном в рамках второго направления, отмечается, что феноменология кризиса гендерной идентичности определяется ситуациями, в которых модели маскулинного и феминного поведения, репрезентируемые носителями мужской и женской идентичности, оказываются в значительной мере несуществующими нормативными образцами истинной мужественности или женственности, распространёнными в общественном сознании [2]. Таким образом, возникает ситуация, когда мужчины и женщины, осознавая своё несоответствие по общепринятым и общественно заданным гендерным ролям, неизбежно приходят к актуализации этого феномена как личностно и социально значимого, способствующего достижению полноценной идентичности.

Особый интерес представляет классификация видов гендерной идентичности, представленная Ц. П. Короленко и Н. В. Дмитриевой. Авторы предлагают дифференцировать позитивную и негативную гендерную идентичность. Для позитивной гендерной идентичности характерно восприятие гендерного образа как положительного, присущего большинству людей. Чтобы достичь позитивную гендерную идентичность, необходимо наличие таких личностных свойств, как положительное самоотношение, открытость, свобода от внутренних противоречий, а также высокая потребность в принадлежности к своей группе [3, с. 54].

В отличие от позитивной гендерной идентичности, негативная гендерная идентичность включает отрицательное восприятие своего гендерного образа. Одним из вариантов негативной гендерной идентичности, по Ц. П. Короленко и Н. В. Дмитриевой, является ущемлённая гендерная идентичность, которая развивается вследствие рефлексии низкого статуса представителя конкретной гендерной группы, осознание ее неравноценности в сравнении с другими (там же).

Другим видом негативной гендерной идентичности является конфликтная гендерная идентичность, развиваемая как результат осознания и переживания человеком внутриличностного конфликта, связанного с конфликтом идентичностей.

Конфликт идентичностей подробно рассмотрен через категории субличностей А. Ассаждиоли. С точки зрения этого автора субличности функционируют в определённом месте в системе личности, если личность достигает согласия с собой и с социальной средой. Однако в ситуации кризиса человек способен идентифицироваться с отдельной субличностью либо нарушается нормальное функционирование системы субличностей, в результате чего каждая из них начинает преобладать [1, с. 7]. Такой внутриличностный конфликт возникает вследствие большого количества ролей, дезорганизирующих гендерную идентичность. Примером конфликта идентичностей может быть конфликт половой и гендерной идентичности.

Следующим фактором конфликтной гендерной идентичности является межличностный конфликт вследствие дисфункциональности отношений. Наибольший интерес при рассмотрении категории отношений представляет точка зрения В. Н. Мясищева, согласно которой отношения представляют собой «целостную систему индивидуальных, избирательных, сознательных связей личности с различными сторонами действительности» [5, с. 18]. Далее автор утверждает, что отношения во многом объясняют поведение и переживания человека, поэтому отношения являются одной из потребностей человека (там же, с. 39). Аналогичную позицию занимает Е. Т. Соколова, рассматривая идентичность в качестве новообразования

личности, заключающееся в «самоопределении относительно базовых отношений Я с социальным окружением» [7, с. 4]. Однако необходимо подчеркнуть, что, следуя культурным предписаниям, принятым в социуме, вырастает вероятность развития конфликтов гендерной идентичности.

Таким образом, дестабилизация социально значимых отношений неизбежно приводит к кризису гендерной идентичности.

Так же в работе Ц. П. Короленко и Н. В. Дмитриевой выделяется ещё один вид негативной гендерной идентичности – кризисная идентичность, имеющая особое положение потому, что, во-первых, является более личностным образованием, по сравнению с социальной идентичностью, во-вторых, занимает промежуточное положение между конфликтной и диссоциогенной её формами [3, с. 55].

Таким образом, кризис гендерной идентичности, согласно авторской позиции Ц. П. Короленко, Н. В. Дмитриевой, следует рассматривать как «процесс, в результате которого происходит формирование идентичности личности – структуры или конструкта Я» (там же, с. 56). Кроме того, кризис гендерной идентичности может создавать предпосылки для развития личностных расстройств и различных форм отклоняющегося поведения. При этом протекание кризиса идентичности, как правило, сопровождается чувством неполноценности, пустоты и одиночества, депрессивным настроением.

Как было отмечено выше, кризис гендерной идентичности является одним из видов кризиса идентичности личности, имеющего специфические характеристики и факторы развития. Среди основных факторов, способствующих развитию кризиса гендерной идентичности, в литературе выделяют ролевой конфликт, осознание и переживание своей гендерной роли, нарушение подтверждения гендерной идентичности, дестабилизация отношений.

Библиографический список

1. Ассаджиоли Р. Динамическая психология и психосинтез // Психосинтез: теория и практика. – М.: Рефлбук, 1994. – С. 5–26.
2. Клецина И. С. Психология гендерных отношений: Теория и практика [Текст] / И. С. Клецина. – СПб.: Алетейя, 2004. – 363 с.
3. Короленко Ц. П., Дмитриева Н. В. Сексуальность в постсовременном мире: монография. – Новосибирск: Издательство НГПУ, 2011. – 406 с.
4. Микляева А. В., Румянцева П. В. Социальная идентичность личности: содержание, структура, механизмы формирования. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2008. – 118 с.
5. Мясичев В. Н. Психология отношений: Избранные психологические труды. – М.: Институт практической психологии, 1995. – 356 с.
6. Ожигова Л. Н. Гендерная идентичность личности и смысловые механизмы её реализации: автореф. дис. ... доктора психол. наук: 19.00.01. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2006. – 46 с.

7. Соколова, Е. Т., Бурлакова Н. С., Лэонтиу Ф. К обоснованию клинико-психологического изучения расстройства гендерной идентичности // Вопросы психологии. – 2001. – № 6. – С. 3–16.
8. Ericson E. H. The problem of ego identity // Stein M. R. (eds) Identity and anxiety: Survival of the person in mass Society Glencje // The Free Press, 1960.
9. Tajfel H., Turner J.C. The Social identity theory of intergroup behavior. // Psychology of intergroup relations. – Chicago, 1986.

К ВОПРОСУ О ГЕНДЕРНОМ АСПЕКТЕ СОЦИАЛИЗАЦИИ

М. Ю. Григорян

**Волгоградский государственный педагогический
университет, г. Волгоград, Россия**

Summary. The article is devoted to the gender dimension of socialization of the young generation through the implementation of the main mechanisms of socialization: imitation, suggestion, persuasion, conformity and identification.

Key words: gender mainstreaming approach, socialization.

Исследования молодежных проблем в современных условиях реформирования социальной жизни общества постепенно преобразуются из собственно академических вопросов научного познания в неотъемлемую составляющую практического освоения социальной действительности. Важными в этих обстоятельствах представляются гендерные аспекты социализации молодого поколения, поскольку, с одной стороны, они теоретически малоисследованны, а с другой стороны приобретают все большую значимость в формировании сознания и поведения современной молодежи.

Современные гендерные исследования в педагогике базируются на концепции полоролевого воспитания Л. И. Столярчук и ее учеников: В. В. Дудукалова, исследующего педагогические условия полоролевого воспитания студентов, М. А. Толстых, рассматривающей процесс становления гендерной идентичности студентов, Т. С. Кузнецова, изучающего процесс формирования культуры взаимоотношений старшеклассников и старшеклассниц (гендерный аспект), Т. П. Машихиной, посвятившей свое исследование формированию полоролевого поведения старших подростков, М. А. Радзивиловой, исследующей возможности воспитания дошкольников в процессе полоролевой социализации и др.

Гендерный подход требует рассмотрения основной категории «гендер» (gender). Понятие «гендер» (gender) – новейшее обозначение, современная интерпретация проблемы взаимоотношений полов. До появления термина «гендер» понятие «пол» (sex) относилось к изучению биологических, физиологических, психофизиологических различий мужчины и женщины, а категории «полороле-

вое воспитание», «полоролевое поведение», «полоролевая социализация» были связаны с исследованием социальных, культурных, психолого-педагогических составляющих маскулинности /фемининности, взаимоотношений полов, направленных на характеристику различий женской /мужской индивидуальности, моделей полоролевого поведения. Как справедливо отмечает А. А. Митрофанова [2], что понятия «половое воспитание», «полоролевое воспитание» потребовали пересмотра с позиций гендерного подхода как метода научного анализа, предполагающего гармонизацию полоролевого взаимодействия на основаниях эгалитаризма как принципа равных прав и возможностей личности, независимо от половой принадлежности.

С развитием гендерных исследований в педагогической науке термин «гендер» стал синтезировать биологические, социальные и индивидуальные маскулинные и фемининные особенности учащихся, студентов, педагогов и их взаимоотношений. Для более детального рассмотрения и разведения биологических, физиологических характеристик и статусных позиций, психолого-педагогических особенностей сегодня используются биологический и социокультурный подходы в гендерных педагогических исследованиях. Следовательно, биологические, физиологические, социокультурные, психолого-педагогические характеристики маскулинности и фемининности называются сегодня «гендерными», в связи с взаимозависимостью и взаимообусловленностью различных факторов целостности человека, женской/мужской индивидуальности.

В рамках нашего исследования следует рассмотреть и понятие «социализация». Социализация является двусторонним процессом. С одной стороны, происходит усвоение социального опыта (т. е. имеет место воздействие среды на индивида), с другой – социализация включает в себя активное воспроизводство социального опыта (т. е. человек воздействует на среду) [1]. В рамках гендерной социализации начиная с момента рождения, ребенок усваивает, что значит быть мальчиком и девочкой, мужчиной и женщиной, т. е. происходит усвоение социально принятых моделей поведения, которые в данном обществе рассматриваются как мужские и женские. Таким образом, общество оказывает воздействие на человека, предлагая ему для воспроизведения жесткие полотилические модели поведения. Усвоив эти модели поведения, человек воспроизводит их на практике.

Гендерная социализация осуществляется с помощью механизмов социализации. К основным механизмам социализации относятся: подражание, внушение, убеждение, конформность и идентификация.

В процессе ранней гендерной социализации наиболее сильными механизмами являются подражание и идентификация с ро-

дителем своего пола. Девочки стремятся быть похожими на маму, мальчики, соответственно, на папу. Далее ребенок может выбрать для подражания, как реального человека, так и киногероя или героя книги.

Внушение и убеждения часто используются родителями как способы воздействия на ребенка. Внушение – воздействие на эмоциональную сферу. Родители часто навязывают ребенку гендерно–типичные модели поведения, не апеллируя к логике. Они просто выстраивают систему запретов. Например, родительский довод «будь аккуратной, ты же девочка» не что иное, как внушение, потому что нет никакого логического довода, почему девочка должна быть аккуратной, а мальчик нет. Убеждение, напротив, подразумевает апелляцию к логике. «Помоги маме, – говорят девочке, – ты должна учиться готовить для того, чтобы быть хорошей хозяйкой, когда у тебя будет своя семья». В этом случае как данность подается суждение, что именно женщина должна вести хозяйство, и девочку убеждают в том, что она должна учиться быть настоящей женщиной.

Конформность как механизм гендерной социализации скорее присуща взрослым, нежели детям. Взрослые люди часто (порой неосознанно) подстраиваются под общепринятые гендерные нормы. Так, например, мужчины носят короткую стрижку не потому, что она им идет или нравится, а потому, что так принято, именно так должен выглядеть мужчина. Женщины выполняют большую часть домашней работы опять же потому, что так принято в обществе и считается, что женщина должна быть хорошей хозяйкой.

Как правило, в обществе имеет место одобрение гендерно-типичных форм поведения и порицание гендерно-нетипичных. Таким образом, стремление к поощрению подталкивает человека к реализации поведения, которое соответствует биологическому полу. Если ожидаемое и реализуемое поведение не соответствует внутренним потребностям индивида, то возникает гендерно-ролевой конфликт. Так, от женщины ждут реализации в роли матери. Если же женщина не стремится быть матерью, она чувствует общественное осуждение, у нее возникает ролевой конфликт.

Психологи Н. К. Радина и Е. Ю. Терешенкова [3] обращают внимание на то, что содержание гендерной социализации может быть рассмотрено с помощью биполярного конструкта, на одном полюсе которого находится «традиционная (патриархатная) социализация», а на другом – «современная (альтернативная) социализация». Традиционная социализация предполагает жесткую гендерную дифференциацию мужского и женского, иерархично выстроенные статусы мужчин и женщин. Эта модель социализации имеет древнюю историю, что отчасти и позволяет ей быть достаточно распространенной и в наше время. Современная социализация, напро-

тив, предполагает отсутствие гендерной дифференциации и поляризации. Полярные варианты социализации встречаются редко, однако в целом в обществе существует стремление к традиционной социализации.

В своем исследовании мы исходим из положения, что главная цель и результат воспитания молодежи (гендерный аспект) – развитие маскулинности/фемининности на основе гармоничного развития различных сфер женской/мужской индивидуальности, а также, что подросток, живя в обществе, ориентирован/а на требования общества в усвоении гендерных ролей; во взаимодействии со сверстниками своего и противоположного пола выступают не только как объекты, но и как субъекты гендерного аспекта воспитания. Система взаимоотношений со взрослыми, со сверстниками своего и противоположного пола, имеет свои особенности для подрастающего поколения. Педагоги, организуя воспитание подростков, не могут полностью изменить в жизни ребенка существующие системы взаимоотношений, однако могут использовать имеющийся в них воспитательный потенциал, затормозить развитие по негативному руслу и способствовать позитивному развитию и воспитанию.

Таким образом, гендерный аспект социализации предусматривает усвоения норм, правил поведения, социальных установок в соответствии с культурными представлениями о роли, положении и предназначении мужчины / женщины в обществе.

Библиографический список

1. Андреева Г. М. Социальная психология: Учебник для высших учебных заведений. – М.: Аспект Пресс, 2003. – 364 с.
2. Митрофанова А. А. Гендерный подход в педагогике. – М., 2005.
3. Радина Н. К., Терешенкова Е. Ю. Возрастные и социокультурные аспекты гендерной социализации подростков // Вопросы психологии. – 2006. – № 5. – С. 49–59.

«КАК ТЕБЕ НЕ СТЫДНО, ТЫ ЖЕ ДЕВОЧКА!»: ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ БРАКАХ МИГРАНТОВ ИЗ ЗАКАВКАЗЬЯ В МОРДОВИИ

А. А. Шевцова

**Московский институт открытого образования,
г. Москва, Россия**

Summary. On the basis of a field ethnographic material, collected in the Republic of Mordovia in 2004–2011, under the guidance of prof. Ludmila Nikonova (Saransk), the author analyzes the interethnic marriages concluded by migrants from Transcaucasia in Mordovia with local residents as one of successful strategy of ethno-

cultural and social adaptation. The author gives special attention to the psychological climate and transformation of gender stereotypes at similar families.

Key words: family, interethnic marriages, gender stereotypes, ethnic marker; ethno-cultural adaptation of migrants.

Для исследования феномена межнациональных браков в среде мигрантов из Закавказья в 2004 – январе 2011 гг. проводилось этнографическое исследование в ряде городов и сельских поселений Мордовии (РМ) под руководством проф. Л. И. Никоновой по программе «Этнокультурный мир Республики Мордовия» [1]. Информация была получена посредством индивидуальных структурных интервью.

Численность выходцев из стран Закавказья в регионе растёт; их общины, сформировавшиеся в конце XX в., оформляют отношения с властями. Мужчин-мигрантов значительно больше женщин, они активнее осваивают новые сферы занятости в поисках заработка. Им принадлежит и инициатива переселения, в то время как женщины чаще выступают как пассивные мигранты, следуя за мужем (отцом).

Одной из стратегий адаптации выступают межнациональные браки с местными жителями, а вернее, жительницами. Тенденцию к вступлению в такие брачные союзы с русскими, мордовками, татарками демонстрируют именно мужчины-мигранты. Респонденты армяне и грузины объясняют это «общей верой»: *«Мы, грузины, тоже православные»* (муж., 56 лет, Саранск); *«У армян, русских и мордвы одна вера и один Бог, мы христиане»* (муж., 48 лет, Саранск). Однако браки азербайджанцев с мордовками и русскими тоже зафиксированы. Брак с местной жительницей даёт очевидные плюсы, позволяет мигранту обрести новые родственные и социальные связи, стать «своим» в сложившемся микро-социуме, приобрести новые карьерные, деловые перспективы [2, с. 70]. *«Бывают случаи, когда женятся из-за прописки, но таких людей обычно осуждают, хотя и «за глаза»* (муж., 64 г., Саранск).

Если в прошлом у народов Закавказья браки заключались преимущественно по родительскому сговору, желания молодых людей и тем более девушек в расчёт не принимались, то теперь они, как правило, заключаются по обоюдному выбору молодых людей. Тем не менее мнение родителей весьма важно: *«Когда обоюдное решение – это проще, спокойнее»* (муж., 46 л., с. Ромоданово).

Паша Исмаил оглы Мамедов, родом из с. Еникент Кахского района Азербайджана, служил на Урале, после службы в начале 50-х гг. переехал в Свердловскую область, где работал строителем, потом рабочим на шлакобетонном заводе. Здесь он и познакомился с Анной Павловной Амелиной, мордовкой (мокша) из с. Жегалова Темниковского района.

Анзор Лацузбая, мегрел (субэтническая группа грузин) родом из г. Ткварчели (Абхазия) поступил в мединститут в Саранске, получив направление после окончания службы в армии. По окончании института Анзору сразу же предложили место главного врача в Ладской больнице (Ичалковский район). Там же, в Ладе, Анзор встретил свою будущую жену – учительницу Майю Захарову. В семье растёт сын Давид.

Художник Самвел Айрапетян (родом из Грозного, откуда его семья в начале 1990-х уехала на историческую родину в Ереван) встретил свою русскую избранницу Наталью на черноморском курорте в 2007 году. Сейчас пара живёт в Рузаевке и собирается зарегистрировать свои отношения. У Самвела и Наташи растёт дочь Злата.

Грузин Муртаз Баратели, родом из г. Мартвили, окончил МГУ им. Н. П. Огарёва (Саранск). В студенческие годы во время поездки в Москву познакомился со своей будущей женой Ольгой, жительницей Саранска. Молодые люди поженились, в 1987-м родился сын Георгий. По словам Муртаза, *«грузин в Мордовии с каждым годом меньше – женятся на русских, мордве, ассимилируются, теряют язык. В моей семье – мир и согласие, и никакого давления друг на друга, а секрет в том, что я стараюсь лишь обеспечить семью, а внутри семьи главная – жена»*.

Ирина (мордовка мокша) и Гарегин Оганесян познакомились в 1998 году. В семье растёт сын Юрий. *«Разумеется, когда я выходила замуж, я отдавала себе отчёт, что уклад жизни, традиции мордвы и армян сильно различаются, – рассказывает Ирина. – И все мои родные, знакомые тоже предупреждали: у них такой патриархальный уклад, ничего у вас не получится. И воспитание совершенно разное, у армян мужчина отвечает за всё, сам принимает решения, а мордовки изначально более самостоятельны и независимы. Но я так решила – мы христиане, а значит, всегда друг друга поймем»*. *«Всё зависит от того, насколько люди открыты и ответственны, готовы ли они узнавать и принимать новое. У нас в семье всё с этим в порядке»*, – поддерживает жену Гарегин. В этом случае нам удалось зафиксировать двойную этническую идентичность: Ирина, рассказывая об армянских традициях, неоднократно говорила: *«у нас, у армян так принято»*; на что её супруг шутливо заметил: *«Существует армянская поговорка: кто у тебя жена по национальности, такой и ты человек. То есть я мордвин немного»*.

И в смешанных браках жёны (русские, мордовки) стараются готовить своим супругам их любимые национальные блюда.

Семейному быту народов Закавказья присущи авторитарная власть старшего мужчины, иерархизованные статусы других членов семьи, выраженная этикетизация внутрисемейного и семейно-

родственного общения, что влияет и на современную семью. Свидетельствуют об этом и наши полевые материалы. Отметим здесь, что если обычно в армянских, грузинских и азербайджанских семьях жёны соглашались поговорить с этнографами только после того, как муж давал разрешение (*«А то вдруг он меня потом поругает»*), то смешанные семьи значительно более открыты.

О бытовавшем некогда строгом избегании (невестка не могла непосредственно обратиться к свёкру, мужчина никогда при посторонних не проявлял внимания к своим детям и т. п.) сейчас помнят только старики, хотя мужчина всё равно остаётся главой семьи, в том числе в смешанных семьях. Например, одна из наших респонденток из с. Семилей – русская, замужем за армянином. Дети записаны армянами. В семье сохраняется традиционное представление о статусе замужней женщины, которая должна быть очень сдержанной в общении с гостями-мужчинами (*«муж не любит, когда я много говорю или смеюсь в их присутствии»*), большое внимание уделяется воспитанию дочери: *«Никаких поздних возвращений домой, ночёвок у подружек, вечерних походов в кино, что вы! Она же девочка, с сыном проще»*. По словам Татьяны, муж Давид от односельчан отличается *«старанием обеспечить семью»*, а также *«поведением – строгостью по отношению к семье»*, безразличием к спиртному.

К тому, что муж в семье хозяин, именно за ним будет принятие ключевых решений, женщины из семей мигрантов в Мордовии относятся спокойно; характерны высказывания: *«А что, он зарабатывает, обеспечивает семью, заботится о детях, а если принимает решение, то вначале обдумает»*; *«Ну и что? Зато надёжный, знаете – как за каменной стеной. Лучше, что ли, чтобы пил?»*. Одна из наших информанток, русская, замужем за азербайджанцем, восхищается такими чертами характера мужа, как *«очень уважительное отношение к старшим»*, людям иной культуры и вероисповедания: *«Он мусульманин, но общается не только с азербайджанцами, но и с армянами, русскими, мордвой, со всеми добрые отношения, все его ценят»*.

Зависимость жены от мужа – и в первую очередь экономическая, в значительно меньшей степени прослеживается в смешанных семьях. К примеру, нам довольно часто приходилось сталкиваться с ситуацией, когда женщины из семей мигрантов вынуждены сидеть дома с детьми, мечтая при этом устроиться на работу *«хотя бы на неполный день»*, молодые женщины хотели бы получить высшее образование и дать его детям. Но пока в большинстве случаев в мононациональных союзах выходцев из Закавказья круг занятий женщин из семей мигрантов, живущих в Мордовии, ограничивается главным образом домашним хозяйством, в результате чего женщины продолжают экономически полностью зависеть от

мужчин. Есть и те, кто держит собственный бизнес или работает вместе с мужем, служит в местной администрации. В этом отношении более эмансипированным местным жительницам значительно проще – у них, как правило, есть образование, следовательно, профессия, и мужья вынуждены считаться с желанием жён реализоваться в профессии, учитывая, что с присмотром за детьми могут помочь родители жены.

Чётко регламентированное половозрастное разделение труда (представление о мужских и женских работах по хозяйству), бытовавшее на родине мигрантов из Закавказья (особенно это характерно для выходцев из сельских местностей), в межнациональных браках соблюдается менее строго. Наши респонденты вспоминали, что мужчина, которого заставляли за выполнением не престижных женских работ, подвергался насмешкам и осуждению со стороны односельчан.

При этом «для гостей» может демонстрироваться одна модель, согласно которой муж – глава и хозяин дома, а жена безмолвно, с истовой готовностью и чистосердечным гостеприимством обслуживает мужа и его гостей, «в разговоры не мешается, это не женского ума дело», дети ведут себя «тише воды, ниже травы», а после ухода муж спокойно поможет жене вымыть посуду, проверит уроки у дочери и уложит спать самых маленьких – занятия, прежде немыслимые для кавказского мужчины. Приведём характерное высказывание бакинского армянина, более тридцати лет живущего в Саранске, в недавнем прошлом – начальника угрозыска: *«От жены требуется не только умение вкусно готовить, в том числе национальные блюда, но и умение быстро и красиво накормить многочисленных гостей мужа, в том числе тех, кто «внезапно нагрянет», да так, чтобы мужу не было стыдно за неё. Надо отдать моей супруге Валентине должное: она очень мудрая женщина, и к нам всегда гости ехали с большим удовольствием, её всегда хвалили. Более того, никому не говорил этого, а тут скажу: с моей работой звонки раздавались почти каждую ночь, и за всю нашу с Валентиной совместную жизнь – за 28 лет – я ни разу первым трубку не поднял – она знала, что меня [спросят по телефону], но все равно первая вскакивала и подзывала меня к телефону. По-моему, это и есть проявление любви и настоящей заботы. Ведь именно от мужчины зависит, чтобы семье было хорошо, а от женщины – уже внутренний климат семьи, погода в доме».*

Некоторые респонденты-мужчины признавались нам, что очень любят готовить, и постоянно готовят по выходным свои «фирменные блюда» вместе с детьми. Другие считают своими главными домашними обязанностями закупку и привоз необходимых продуктов раз в неделю. Это «разделение труда» соблюдается даже в смешанных семьях. Например, у азербайджанцев и армян в боль-

шинстве случаев именно мужчины ходят на рынок, так как считается «неприличным» для женщины носить тяжести, торговаться с мужчинами-продавцами.

Зафиксирована также тенденция, особенно среди молодых людей, в межнациональных союзах не регистрировать отношения, жить в «гражданском браке», иногда – в так называемом гостевом браке. При этом у пары может родиться ребёнок, которого обычно регистрируют под фамилией отца. Многие респонденты старшего возраста отрицательно относятся к этой тенденции, подчёркивая, что такая ситуация возможна только тогда, когда женщина «не уважает себя», не имеет чувства собственного достоинства, а её родные – не «заступились за свою девочку». Такой судьбы для своей дочери, внучки не желает никто. Кроме того, порой молодые мигранты вступают в новые отношения с жительницами Мордовии, переставая при этом помогать семье (жене и детям) на родине. Разводы осуждаются, но при этом в среде мигрантов к ним относятся проще, чем в Закавказье.

В иноэтническом окружении и под влиянием универсальной урбанистической культуры традиционная культура переселенцев подверглась значительной трансформации. Однако сохранился её основной стержень, позволяющий говорить о сохранении и репрезентации этнической идентичности выходцев из Закавказья, их этнических предпочтениях. В мононациональном браке традиции семейных отношений устойчиво сохраняются, а в смешанном браке – подвергаются значительной инкультурации. Семья относительно стабильна, причём определённую роль в этом играют традиции. Брак и семья рассматриваются как большая ценность в жизни человека и общества, сохранилось отрицательное отношение к разводам.

Библиографический список

1. Никонова Л. И., Мельник А. Ф. Этнокультурный мир Республики Мордовия. Историко-культурное исследование региона: вопросы и анкета. – Саранск, 2005. – 40 с.
2. Корякин К. В. Проблемы адаптации и интеграции мигрантов-армян в Краснодарском крае // Этнографическое обозрение. – 2006. – № 1. – С. 65–75.

К ВОПРОСУ О ГЕНДЕРНЫХ ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ СТУДЕНТОВ АРМЕНИИ И ФОРМИРОВАНИИ ИХ ГУМАНИСТИЧЕСКОЙ ПОЗИЦИИ

С. Ш. Казданян
Российско-Армянский (Славянский) государственный
университет, г. Ереван, Армения

Summary. The article is devoted to one of the topical issues of the 21-st century – gender interrelations. The history of gender relations was observed, and the views of the students on gender interrelations are revealed and their humanitarian position is formed.

Key words: gender interrelations, history of gender relations, humanitarian position.

Термин «гендер», который появился в 70-е годы XX века, отличается от понятия «пол» не только потому, что переводится с английского как «род», и потому, что «гендер» относится к социально конструируемым и исторически изменяющимся отношениям. (Биологический «пол» становится социально значимым посредством культурной идентичности). В связи с этим актуальность исследования гендерных взаимоотношений очевидна.

Рассмотрим этапы в истории зарубежной гендерной психологии.

1. Разработка соответствующих идей в русле философии (от античных времён до конца XX века). Так, Платон ввёл понятие «андрогины» и высказал идеи о нормах семейно-брачных отношений. Аристотель проанализировал сущность мужчин и женщин и предложил законы о браке и, рассматривая отношения между мужем и женой в семье, высказал идеи о разделении труда между полами. Томас Мор рассматривал проблему взаимоотношений полов, а также писал о равенстве способностей мужчин и женщин к разным занятиям и обучению, а также их лидерских способностей. Жан-Жак Руссо высказал мысль о сочетании подобия и различия полов и рассмотрел взаимоотношения в браке. Иммануил Кант разделил мужчин и женщин по участию в политической жизни и характеристикам их поведения. Франсуа Фурье рассматривал проблемы лидерства мужчин и женщин, взаимоотношений между полами. Артур Шопенгауэр обратил внимание на различие психических процессов мужчины и женщины по абстрактности-конкретности и проявление этих различий в нравственных идеалах.

2. Конец XIX века – начало XX века. Движение за освобождение женщин и начало совместного обучения представителей обоих полов в различных учебных заведениях способствовали формированию предмета и естественнонаучных основ гендерной психологии.

3. 30-е годы XIX века. «Фрейдовский период», или психоаналитический, связанный с именем З. Фрейда и психоанализом.

4. 1950 – 1980 годы. Начало широких экспериментальных исследований и появление первых теорий.

5. Бурное развитие гендерной психологии (с 90-х годов XIX века – по настоящее время).

В России в 1960–1970-е годы начались широкие экспериментальные исследования (ленинградская школа психологов под руководством Б. Г. Ананьева) и появились первые теории. В настоящее время в России отмечается расцвет гендерной психологии – всплеск экспериментальных исследований, теоретическое осмысление эмпирических фактов, кросс-культурные исследования, создание специфических гендерных методик.

В Армении также наблюдается рост исследований гендерных взаимоотношений [2; 3; 4; 1].

Отметим, что определив культурную ориентацию армянского менталитета, можно определить форму гендерных взаимоотношений в Армении. Находясь на перепутье Европы и Азии как географически, так и культурно, Армения подверглась влиянию как европейской, так и азиатской культуры, и только Институт семьи и Институт религии помогли сохранить национальную идентичность на протяжении веков. Сегодня, когда говорится о степени демократичности гендерных взаимоотношений, обращается внимание на социальную роль женщины, степень её свободы, равноправия. Описывая положение и роль женщины в Армении, трудно прийти к однозначному определению, так как есть факты, указывающие на равноправие и прогрессивность, но вместе с тем очевидно присутствие радикального дисбаланса. Так, с одной стороны наличествует абсолютная значимость роли и места женщины, защита её прав и собственности, возвышение её роли в семье, а с другой – абсолютизация мужского начала как в семье, так и в обществе. Формула «муж – внешняя стена дома, а жена – внутренняя» (Тер-Саркисян, 1998, с. 131), как отмечает А. Геворкян [1], является обобщением функционального ролевого распределения мужчины и женщины в армянской традиционной культуре. Ведь мужчина и женщина в армянской действительности характеризуются не столько как самостоятельные ценности, сколько как части единого целого – семьи как абсолютной ценности. Таким образом, гендерные взаимоотношения в Армении рассматриваются через призму ценностей семьи. Заметим, что хотя женщины Армении быстрее приспособились к резко изменившемуся социально-экономическому пространству – быстрее усвоили процесс переквалификации, тем не менее они по-прежнему не имеют широкого доступа к высокооплачиваемым должностным позициям, требующим принятия решения.

В целях выявления гендерной социализации студентов нами было проведено исследование, в котором принимали участие студенты Армении. По результатам нашего исследования (использо-

вался модифицированный нами опросник А. Геворкян [1]), 99 % исследуемых девушек размышляли о взаимоотношениях мужчин и женщин, парней и девушек; 98 % – думают, что в установленных взаимоотношениях есть несправедливость; 60 % – предпочитают дружить с парнями; 90 % – думают, что не принята дружба между парнем и девушкой; 70 % – думают, что во время ссор родителей обычно уступает мать; 55 % – считают, что оба родителя на паритетных правах возглавляют семью, 30 % – отец, 15 % – мать; 95 % – считают, что неправильно деление людей на представителей слабого и сильного пола. 99 % исследуемых юношей размышляли о взаимоотношениях мужчин и женщин, парней и девушек; 38 % – думают, что в установленных взаимоотношениях есть несправедливость; 90 % – предпочитают дружить с парнями; 98 % – думают, что не принята дружба между парнем и девушкой; 60 % – думают, что во время ссор родителей обычно уступает мать; 80 % – считают, что оба родителя на паритетных правах возглавляют семью, а 15 % – отец, 5 % – мать; 75 % – считают, что неправильно деление людей на представителей слабого и сильного пола.

Учитывая, что ответы зависели от того, в какой семье живут и воспитываются студенты, считаем, что формирование гуманистической позиции в вузе и в семье, а именно: формирование духовно-нравственной личности студентов на основе гуманистических общечеловеческих ценностей (честность, принципиальность, справедливость, требовательность к себе и другим в сочетании с терпимостью и тактом; уважение ко всему живому на земле, к природе, экологическое сознание и поведение; ответственность за свои поступки, умение признать и исправить ошибки; вера в человека, в гуманистические идеалы, наличие гуманистических ценностей и целей в жизни, служение этим идеалам [5]) поможет развитию и социализации личности студентов.

Библиографический список

1. Берберян А. С. Значение этнопсихологического и гендерного факторов для формирования культуры межнационального взаимодействия студентов в условиях интеграции в мировую систему образования // Теория и практика гендерных исследований в мировой науке. Материалы международной научно-практической конференции. – Пенза-Ереван-Прага, 2010. – С.122–137.
2. Геворкян А. Э. Гендер: проблемы и пути разрешения / под ред. Г. Харатяна, А. Арутюняна. – Ереван, 2001.
3. Казданян С. Ш. Ценностные ориентации и СМИ // Кантех 2: сборник научных трудов. – Книга 2(19). – Ереван, 2004. – С.190–196.
4. Казданян С. Ш. Динамика медиальных и ценностных ориентаций. Годичная научная конференция (3–7 дек. 2007): Сборник научных статей. – В 2 ч. – Ч. 2. – Ереван: Изд-во РАУ, 2008. – С. 359–364.
5. Педагогика: учеб. Л. П. Крившенко и др. / под ред. Л. П. Крившенко. – М., 2005.

ГЕНДЕРНАЯ ПАРАДИГМА В ПЕДАГОГИКЕ УКРАИНЫ И РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ

Е. А. Луценко, О. М. Полякова

Сумский государственный педагогический университет
им. А. С. Макаренко, Институт педагогики и психологии,
кафедра социальной педагогики и гендерных студий,
г. Сумы, Украина

Summary. The article deals with the formation of the gender paradigm in modern pedagogical science. The authors stress the issue of purity of the methodology of gender knowledge, analyze the practice of substituting a gender approach in pedagogical science and practice.

Key words: gender paradigm, gender education, gender approach in education and pedagogic.

Одним из принципов существования современного демократического гражданского общества является формирование гендерного сознания, что возможно только на принципах равенства прав и возможностей. Трансформация образования с учётом гендерного подхода рассматривается как один из основных механизмов внедрения принципа равенства полов. Гендерные исследователи (Клёцина И., Созаев В. и др.) относят гендерную педагогику к методам «воспитания антисексизма». Целью гендерного подхода в образовании является создание условий социализации личности по воспитанию межполовых отношений, которые были бы свободны от жёстких стереотипов маскулинности и феминности в традиционном понимании, содействовали формированию человека с высокими интенциями открытости и адаптивности, а также неограниченными возможностями индивидуального жизненного выбора.

Необходимость формирования нового мышления, нового подхода, новой парадигмы в педагогике часто не вызывает сомнений, но не всегда сопровождается пониманием того, что существенной её частью является информация о гендерных стереотипах, коррекция их влияния, обеспечение возможности изменить информированность, знания, навыки и поведение школьников в отношении гендера.

На наш взгляд, процесс распространения гендерного знания, которое становится элементом государственной политики, обусловил возникновение ряда крупных проблем как в теоретическом, так и в прикладном аспектах. Не всегда методология анализа воспитательного процесса отвечает методологии анализа общества с позиции гендерного равенства, а гендерная проблематика не связывается с задачей формирования гендерной педагогической парадигмы, основанной на идеологии равноправия.

Исходя из необходимости дальнейшей разработки гендерного подхода в образовании и педагогике, следует обратиться к проблеме

чистоты методологии гендерного знания, создания механизма экспертной оценки существующей педагогической литературы по вопросам пола. С нашей точки зрения, это обусловлено замалчиванием самой сути процесса конструирования женственности и мужества на общественном, групповом и индивидуальном уровнях, а также роли в этом процессе педагогических технологий.

В профессиональном педагогическом сознании гендерное воспитание ассоциируется с половым воспитанием, иногда с санпросвещением и медико-гигиеническими аспектами половой жизни, а не с педагогикой социальных процессов, что в свою очередь приводит к терминологической неопределённости.

Обратимся к некоторым российским публикациям, наглядно демонстрирующим обозначенную проблему: подход, часто определяемый педагогами как гендерный, на самом деле является традиционным поло-ролевым подходом к учебно-воспитательному процессу. Статья В. Логиновой. «Гендерный подход в обучении детей 5–7 лет рисованию» освещает организационные условия проведения занятий по изобразительному искусству, которые призваны оказывать содействие эффективному гендерному воспитанию дошкольников – формированию в них, в зависимости от пола, адекватной модели поведения [1]. Автор считает целесообразным проведение занятий отдельно с мальчиками или с девочками, в зависимости от тематики занятия (мужского или женского направления). Работа С. Папиловой «Гендерное воспитание детей в условиях дошкольного учреждения» актуальной задачей педагогической работы с детьми дошкольного возраста определяет воспитание и обучение детей в соответствии с их полом [2]. Автор поднимает такие вопросы: «Как воспитать мальчиков, чтобы из них выросли мужчины?», «Какие условия для развития создавать девочкам, чтобы из них выросли настоящие женщины?». Заявленная проблематика отвечает концепции поло-ролевого подхода, но отнюдь не гендерного. Усиление же указанного аспекта приводит лишь к большей дифференциации девочек и мальчиков в системе социального взаимодействия и транслирует традиционные гендерные стереотипы относительно определяемых заведомо ролей женщины и мужчины в социуме.

Таким образом, наблюдается ситуация, при которой педагоги, осознанно или нет, стоят на биодетерминистской позиции, употребляя понятие «гендер» как более современное.

К сожалению, подобные ошибки, при попытке изменить свои взгляды на воспитание школьников, демонстрирует и ряд современных украинских педагогов. Они не отходят от стереотипного мышления, отмечая, что, вопреки современному «выравниванию» профессиональных и социальных половых ролей, женщина должна лелеять своё природное качество хранительницы домашнего очага, «берегини» гуманных качеств человечества: «Женственность воз-

никает в сдержанности, мягкости, избегании вульгарности и резкости языка, движений, мимики, манер поведения» [3, с. 11]; «Энергия мужчин связана с внешней деятельностью (государственное и военное дела, политика, наука), тогда как женщины созданы для семьи» [4, с. 105].

Поэтому одна из главных задач – не только разработка недискриминационных подходов к образованию, но и преодоление такой образовательной теории и практики, которая игнорирует или очевидно не воспринимает новых гендерных тенденций. Ведь зачастую педагоги, которые осознали смысл новой парадигмы, продолжают её игнорировать, не связывая с демократическими преобразованиями.

Библиографический список

1. <http://festival.1september.ru/articles/584070/>
2. <http://festival.1september.ru/articles/551640/>
3. Трухин И. О. Воспитательная работа со старшеклассниками // Практическая психология и социальная работа. – № 8. – 2004. – С. 5–14.
4. Репецкая О. А. Украинское жиноцтво: биологическое и социальное, духовное и земное // Проблемы образования: Наук.-метод. сб. – К., 2002. – Вип. 27. – С. 105–110.

**План международных конференций, проводимых
вузами России, Азербайджана, Армении, Белоруссии,
Казахстана, Ирана и Чехии на базе НИЦ «Социосфера»
в 2011 году**

5–6 июня 2011 г. Международная научно-практическая конференция **«Права и свободы человека: проблемы реализации, обеспечения и защиты»** (К-26-6-11).

10–11 сентября 2011 г. II Международная научно-практическая конференция **«Проблемы современного образования»** (К-27-9-11).

15–16 сентября 2011 г. Международная научно-практическая конференция **«Новые подходы в экономике и управлении»** (К-28-9-11).

20–21 сентября 2011 г. Международная научно-практическая конференция **«Традиционная и современная культура: история, актуальное положение, перспективы»** (К-29-9-11).

25–26 сентября 2011 г. Международная научно-практическая конференция **«Глобализация как этап развития мирового сообщества»** (К-30-9-11).

1–2 октября 2011 г. Международная научно-практическая конференция **«Иностранный язык в системе среднего и высшего образования»** (К-31-10-11).

5–6 октября 2011 г. II Международная научно-практическая конференция **«Семья в контексте педагогических, психологических и социологических исследований»** (К-32-10-11).

15–16 октября 2011 г. Международная научно-практическая конференция **«Личность, общество, государство, право. Проблемы соотношения и взаимодействия»** (К-34-10-11).

20–21 октября 2011 г. Международная научно-практическая конференция **«Инновационный менеджмент в образовательном учреждении»** (К-35-10-11).

25–26 октября 2011 г. Международная научно-практическая конференция **«Социально-экономическое, социально-политическое и социокультурное развитие регионов»** (К-36-10-11).

1–2 ноября 2011 г. Международная научно-практическая конференция **«Религия – наука – общество: проблемы и перспективы взаимодействия»** (К-37-11-11).

5–6 ноября 2011 г. Международная научно-практическая конференция **«Современные тенденции развития мировой социологии»** (К-38-11-11).

15–16 ноября 2011 г. Международная научно-практическая конференция **«Научно-технический прогресс как фактор развития современной цивилизации»** (К-40-11-11).

20–21 ноября 2011 г. Международная научно-практическая конференция **«Подготовка конкурентоспособного специалиста как цель современного образования»** (К-41-11-11).

25–26 ноября 2011 г. Международная научно-практическая конференция **«История и культура славянских народов: достижения, уроки, перспективы»** (К-42-11-11).

1–2 декабря 2011 г. Международная научно-практическая конференция **«Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях»** (К-43-11-11).

PsyJournals.ru
портал психологических изданий

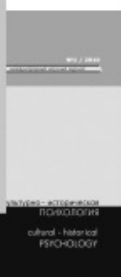
ЖУРНАЛЫ по психологии **online**

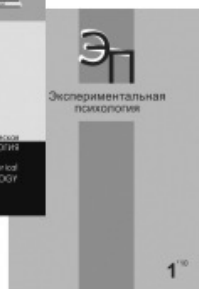
Психологическая наука и образование
Архив за 1996–2010 г.г.

Консультативная психология и психотерапия
Архив за 1992–2010 г.г.

Культурно-историческая психология
Архив за 2005–2010 г.г.

Экспериментальная психология
Архив за 2008–2010 г.г.

Все журналы
включены в Перечень ВАК

онлайн подписка это

- * Удобно
- * Выгодно
- * Современно

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ЖУРНАЛЫ ДЛЯ ВУЗОВ И БИБЛИОТЕК:

- Годовая подписка на коллекции психологических журналов (архивы за 15 лет)
- Льготная подписка для постоянных печатных подписчиков
- Доступ к электронным архивам журналов со всех компьютеров организации
- Доступ к статистике обращений у журналам

Подробная информация

- Информация о подписке: (495) 608-16-27
- Заявка на тестовый доступ к журналам: test@psyjournals.ru
- Условия подписки: PsyJournals.ru/

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МГНПУ

Научно-издательский центр «Социосфера»
Российско-Армянский (Славянский)
государственный университет
Дагестанский государственный университет
Пензенская государственная технологическая академия

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ГЕНДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В МИРОВОЙ НАУКЕ

Материалы II международной научно-практической конференции
5–6 мая 2011 года

Редактор Л. И. Дорошина
Корректор В. А. Дорошина
Оригинал-макет И. Г. Балашовой

Подписано в печать 22.05.2011. Формат 60х84/16.

Бумага писчая белая. Учет.-из. л. 6,32 п. л.

Усл.-печ. л. 5,88 п. л.

Тираж 100 экз. Заказ № 21/11.

ООО Научно-издательский центр «Социосфера»:
440046, г. Пенза, ул. Мира, д. 74, к. 14. (8412) 68-68-45,
web site: <http://sociosphaera.ucoz.ru>,
e-mail: sociosphaera@yandex.ru

Типография ИП Попова М. Г.: 440000, г. Пенза,
ул. Московская, д. 74, оф. 211. (8412)56-25-09